

ISSN 1987 - 7293

E - ISSN 2720 - 832X

DOI: <https://doi.org/10.52340/isj>

THE CAUCASUS AND THE WORLD

International Scientific Journal

Международный научный журнал

КАВКАЗ И МИР

2024, №27

**THE CAUCASIAN INTERNATIONAL RESEARCH CENTER FOR
GEOHISTORY AND GEOPOLITICS
КАВКАЗСКИЙ МЕЖДУНАРОДНЫЙ ЦЕНТР ИССЛЕДОВАНИЯ
ГЕОИСТОРИИ И ГЕОПОЛИТИКИ**

ISSN 1987 - 7293

E - ISSN 2720 - 832X

DOI: <https://doi.org/10.52340/isj>

კავკასია და მსოფლიო
საერთაშორისო სამეცნიერო ჟურნალი

**THE CAUCASUS AND THE WORLD
International Scientific Journal**

**Кавказ и Мир
Международный научный журнал**

№ 27

**Tbilisi – თბილისი - Тбилиси
2024**

UDC (უკ) 908 (479) + 908 (100)
K-126 C-35

მთავარი რედაქტორი - გურამ მარხულია

რედაქტორი - მარინა იზორია

რედკოლეგია

ომარ არდაშელია, ლია ახალაძე, ნოდარ ბერულავა, მერი გაბედავა, მანანა გაგომიძე, ნარგიზა გამისონია, ედიშერ გვენეტაძე, ვახტანგ გურული, ნოდარ დარსანია, ხათუნა დიასამიძე, დავით ზაქარაია, თამილა ზვიადაძე, მაკა კაჭარავა, კახა კვაშილავა, კახი კოპალიანი, კობა კორსანტია, ნესტან ლომია, მალხაზ მაცაბერიძე, მარიამ მირესაშვილი, კობა ოკუჯავა, ლევან ოსიძე, თეიმურაზ პაპასქირი, ზურაბ პაპასქირი, ოთარ ჟორდანი, კახაბერ ფიფია, ელგუჯა ქავთარაძე, კახა ქეცბაია, როინ ყავრელიშვილი, დავით შავიანიძე, ვაჟა შუბითიძე, სოფო ჩქოფოია, ავთანდილ ხაზალია, ბექან ხორავა, ნიკო ჯავახიშვილი, დაზმირ ჯოჯუა.

საერთაშორისო სარედაქციო კოლეგია

ასლან ასლანოვი (აზერბაიჯანი), მიხაილო ბაგმეტი (უკრაინა), საბაკათინ ბალჯი (თურქეთი), პაულა ანდრეა რამირეს ბარბოსა (კოლუმბია), ჯაბი ბახრამოვი (აზერბაიჯანი), მუსა გასიმლი (აზერბაიჯანი), თომას გოლტცი (აშშ), სალექ გუნეი (თურქეთი), არაზ გურბანოვი (აზერბაიჯანი), მასაიოში კამოჰარა (იაპონია), ლეონიდ კლიმენკო (უკრაინა), ვესნა კრინვიჩი (სლოვენია), ანდრეი კუდრიჩენკო (უკრაინა), ოლეგ კუპჩიკი (უკრაინა), აბდალ რახმან აბუ-ლაბან (საუდის არაბეთი), ზაინულ მაარიფი (ინდონეზია), ელმარ მაგერამოვი (აზერბაიჯანი), ქიამალ მაკალი-ალიევი (აზერბაიჯანი), სათარ მაჟიტოვი (ყაზახეთი), იაკუბ მახმუდოვი (აზერბაიჯანი), აითიან მუსტაფაევა (აზერბაიჯანი), მუჰამად ასიფ ნურ (პაკისტანი), სინან ოღანი (თურქეთი), ჰასან სელიმ ოზერტემი (თურქეთი), ტატიანა პოლოსკოვა (რუსეთი), სვეტლანა სიდუნე (პოლონეთი), სიჩან სივი (აშშ), ოიბეკ სიროჟოვი (უზბეკეთი), აჰმედ სულიმანი (სუდანი), ანდრიმანჯატო ნი ტოკი (მადაგასკარი), დავიდ რამირო ტროიტრინო (კოლუმბია), შოხისტახონ ულჟაევა (უზბეკეთი), აბდულაჰ ალი-ალ-ფარაჯ (ირანი), ლი ფენგლინი (ჩინეთი), ქამერ ქაზიმი (თურქეთი), ვლადიმირ შატუნი (უკრაინა), რუსლან შევჩენკო (მოლდოვა), აუმიკი შიგამი (იაპონია), აბრაჰამ შმულევიჩი (ისრაელი), სარფრაზ ხანი (პაკისტანი), აბდულ აზიზ აბდულ ჰაფიზ ელ ხოული (ეგვიპტე), კრისტიან იოჰან ჰენრიხი (გერმანია).

სტატიების შინაარსზე პასუხისმგებელია ავტორი

გეოისტორიის და გეოპოლიტიკის კვლევის კავკასიის საერთაშორისო ცენტრის პერიოდიული ჟურნალი „კავკასია და მსოფლიო“ წარმოადგენს რეფერირებად, საერთაშორისო სამეცნიერო გამოცემას. ჟურნალი გამოდის ყოველთვიურად. ჟურნალი დარეგისტრირებულია LEGAL PERSON OF PUBLIC LAW INSTITUTE, მისამართი: საქართველო, თბილისი 0179, კოსტავას ქ. 47, ტელ., (995 32) 233-53-15, (995 32) 298-76-20; Fax 298- 76- 18

web: www.lazika.com.ge

E-Mail: caucasus.editor@yahoo.com ტელ. (+995) 592 01 31 95

EDITOR –IN- CHIEF - Guram Markhulia

EDITOR – Marina Izoria

EDITOR BOARD

Lia Akhaladze, Omar Ardashelia, Nodar Berulava, David Chitaia, Sopo Chkopoia, Nodar Darsania, Khatuna Diasamidze, Dazmir Djodjua, Manana Gagoshidze, Meri Gabedava, Nargiza Gamisonia, Vakhtang Guruli, Edisher Gvenetadze, Nikolai Javakhishvili, Roin Kavrelishvili, Elguja Kavtaradze, Maka Katcharava, Kakha Ketsbaia, Koba Korsantia, Kakhi Kopaliani, Avtandil Khazalia, Bezhan Khorava, Kakha Kvashilava, Malkhaz Matsaberidze, Mariam Miresashvili, Nestan Lomaia, Koba Okujava, Levan Osidze, Teimuraz Papaskiri, Zurab Papaskiri, Kakhber Pipia, David Shavianidze, Vazha Shubitidze, Otar Zhordania, Tamila Zviadadze. David Zakaraia.

INTERNATIONAL EDITORIAL BOARD

Namiq Aliyev (Azerbaijan), Aslan Aslanov (Azerbaijan), Mykhaylo Bagmet (Ukraine), Jabi Bakhramov (Azerbaijan), Sabahattin Balci (Turkey), Paula Andrea Ramirez Barbosa (Columbia), Vesna Crinivec (Sloven), Abdullah Ali-Al-Faraj (Iran), Li Fenglin (China), Tomas Goltz (USA), Salih Güney (Turkey), Araz Gurbanov (Azerbaijan), Christian Johannes Henrich (Germany), Masayoshi Kamohara (Japan), Kamer Kasim (Turkey), Sarfraz Khan (Pakistan), Abdul Aziz Abdul Hafis El Khouli (Egypt), Ayumi Kishigami (Japan), Leonid Klimenko (Ukraine), Andrei Kudriachenko (Ukraine), Oleg Kupchik (Ukraine), Abdal Rahman Abu-Laban (Saudi Arabia), Zainul Maarif (Indonesia), Kamal Makili-Aliyev (Azerbaijan), Elmar Magerammov (Azerbaijan), Yaqub Mahmudov (Azerbaijan), Satar Mazhitov (Kazakhstan), Aitian Mustafaeva (Azerbaijan), Muhammad Asif Noor (Pakistan), Sinan Oğan (Turkey), Hasan Selim Özertem (Turkey), Tatiana Poloskova (Russia), Musa Qasimli (Azerbaijan), Svetlana Sidun (Poland), Oybek Sirjov (Uzbekistan), Sichan Siv (USA), Ahmed Suliman (Sudan), Vladimir Shatun (Ukraine), Ruslan Shevchenko (Moldova), Abraham Shmulevich (Israel), Andrimanjato Ny Toky (Madagascar), David Ramiro Troitrino (Columbia), Shokhistakhon Ulzhaeva (Uzbekistan).

The authors' opinion does not necessary coincide with position of editors.

Journal “The Caucasus and the World” is the periodical, monthly published, summarized scientific edition of The Caucasian International Research Center for Geohistory and Geopolitics. The journal is registered at LEGAL PERSON OF PUBLIC LAW INSTITUTE, address: Kostava St N 47, Tbilisi 0179, Georgia. Phone: (995 32) 233-53-15, (995 32) 298-76-20; Fax 298- 76- 18,

web: www.lazika.com.ge

E-Mail: caucasus.editor@yahoo.com, Tel. (+995) 592 01 31 95

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР - Гурам Мархулия
РЕДАКТОР – Марина Изория

РЕДКОЛЛЕГИЯ

Омар Ардашелия, Лиа Ахаладзе, Нодар Берулава, Манана Гагошидзе, Нодар Дарсания, Хатуна Диасамидзе, Николай Джавахишвили, Дазмир Джоджуа, Мери Габедава, Наргиза Гамисония, Эдишер Гвенетадзе, Вахтанг Гурули, Отар Жордания, Давид Закараия, Тамила Звиададзе, Ройн Каврелишвили, Эльгуджа Кавтарадзе, Мака Качарава, Каха Квашилава, Каха Кецбаия, Кахи Копалиани, Коба Корсантия, Малхаз Мацаберидзе, Мариам Миресашвили, Нестан Ломаия, Коба Окуджава, Леван Осидзе, Зураб Папаскири, Теймураз Папаскири, Кахабер Пипия, Автандил Хазалия, Бежан Хорава, Давид Читаиа, Сопо Чкопоия, Давид Шавианидзе, Важа Шубитидзе.

МЕЖДУНАРОДНАЯ РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Намик Алиев,(Азербайджан) Аслан Асланов (Азербайджан), Михаило Багмет (Украина), Сабахаттин Балджы (Турция), Паула Андреа Рамирес Барбоса (Колумбия), Джаби Бахрамов (Азербайджан), Муса Гасымлы (Азербайджан), Христиан Йохан Генрих (Германия), Томас Гольтц (США), Араз Гурбанов (Азербайджан), Салих Гюней (Турция), Хасан Селим Ёзертем (Турция), Масаоши Камохара (Япония), Камер Касим (Турция), Ауми Кишигами (Япония), Леонид Клименко (Украина), Весна Кринвич (Словения), Абдал Рахман Абу-Лабан (Саудовская Аравия), Андрей Кудряченко (Украина), Олег Купчик (Украина), Зайнул Маариф (Индонезия), Саттар Мажитов (Казахстан), Кямал Макили-Алиев (Азербайджан), Эльмар Магераммов (Азербайджан), Якуб Махмудов (Азербайджан), Айтян Мустафаева (Азербайджан), Мухаммад Асиф Нур (Пакистан), Синан Оган (Турция), Татьяна Полоскова (Россия), Ойбек Сирожов (Узбекистан), Сичан Сив (США), Ахмед Сулиман (Судан), Светлана Сыдун (Польша), Андриманджато Ни Токи (Мадагаскар), Давид Рамиро Троитрино (Колумбия), Шохистахон Ульжаева (Узбекистан), Абдуллах Али-Аль-Фарадж (Иран), Ли Фенглин (Китай), Сарфраз Хан (Пакистан), Абдул Азиз Абдул Хафиз Эль Хоули (Египет), Владимир Шатун (Украина), Руслан Шевченко (Молдова), Авраам Шмулевич (Израиль).

Мнение авторов не всегда совпадает с мнением редакции

Журнал „Кавказ и Мир” периодическое, реферированное международное научное издание Кавказского международного центра исследования геоистории и геополитики, публикуется ежемесячно. Журнал зарегистрирован в LEGAL PERSON OF PUBLIC LAW INSTITUTE, адрес: Грузия, Тбилиси 0179, ул. Костава 47, тел., (995 32) 233-53-15, (995 32) 298-76-20; Fax 298- 76-18.

web: www.lazika.com.ge

E-Mail: caucasus.editor@yahoo.com, Тел. (+995) 592 01 31 95

CONTENS

PHILOSOPHY

- Manana Gagoshidze** 9
To the history of the philosophical problem of the meaning of human life
- Kakha Ketsbaia** 15
On the History of Loneliness in Philosophy

SOCIOLOGY

- Kakhi Kopaliani, Tamar Adeishvili** 23
Characteristics of aggression Manifestation and psychological defense mechanisms in children of immigrant and non-immigrant parents
- Tamar Charkviani** 29
The Importance and Influence of labor Motivation on the Institutionalization of Formal and Informal labor practices (Case of Georgia and Germany)
- Amiran Berdzenishvili, Kakha Ketsbaia** 38
Society and man in the post-Soviet era

PSYCHOLOGY

- Lia Metreveli, Nana Bokuchava** 43
Psychosocial Paradigm of AdolescentCrisis

LAW

- Nugzar Tevdoradze** 49
Exemption from criminal liability for necessary repulsion (comparative analysis)
- David Khobelia** 54
The essence and composition of an administrative offense under the Code of Administrative Offenses of Georgia

POLITICAL SCIENCE

- Zumrud Malikova** 60
Russia's South Caucasus Policy In The Context Of Geopolitical Interests
- Esmira Jafarova** 67
Global geopolitical trends and the modern nature of the world order
- Nargiz Nagiyeva** 71
Post-neocolonial policy of the great powers in the South Caucasus

Ruslan Shevchenko	76
Prospects for Resolving the Transnistrian Conflict	

HISTORY

Kakhaber Pipia	79
Aristarchus – Dynast of Colchis	

Vusala Aliyeva	87
The aegean problem in relations between Turkey and Greece	

Ulzhaeva Shokhistakhon, Nursulu Algadzhaeva	93
Some reflections on academic integrity and its importance	

Nargiza Gamisonia	100
Development of Medieval Education in Western Europe	

Shokhistakhon Ulzhayeva, Bakhtigul Mamadaminova, Nurgul Abdirazakkyzy Aldabek	106
Diplomatic Protocol-Hospitality In The Empire Of Amir Temur (According To The “Diary” Of Ruy Gonzalez De Clavijo)	

Marina Izoria	110
Georgia and Azerbaijan - Geopolitical Allies	

GEOPOLITICS

Elguja Kavtaradze	119
Fake Geopolitics of Russia in Ukraine	

Guram Markhulia	125
West or East - Georgia’s Geopolitical Trajectory	

Marina Izoria	134
The Middle East in the Geopolitics of Saudi Arabia	

СОДЕРЖАНИЕ**ФИЛОСОФИЯ**

Манана Гагошидзе 9
К истории философской проблеме смысла жизни человека

Каха Кецбаиа 15
К истории одиночества в философии

СОЦИОЛОГИЯ

Кахи Копалиани, Тамар Адеишвили 23
Особенности выявления агрессии и использование механизмы психологической защиты у детей родителей-иммигрантов и неиммигрантов

Тамар Чарквиани 29
Важность и Влияние Трудовой Мотивации на Институционализацию формальных и Неформальных Трудовых Практик (Опыт Германии и Грузии)

Амиран Бердзенишвили, Каха Кецбаиа 38
Общество и человек в постсоветскую эпоху

ПСИХОЛОГИЯ

Лия Метревели, Нана Бокучава 43
Психосоциальная парадигма подросткового кризиса

ПРАВО

Нугзар Тевдорадзе 49
Освобождение от уголовной ответственности за необходимое отталкивание (сравнительный анализ)

Давид Хобелия 54
Сущность и состав административного правонарушения по КОАП Грузии

ПОЛИТОЛОГИЯ

Зумруд Меликова 60
Южнокавказская политика России в контексте ее геополитических интересов

Эсмира Джафарова 67
Глобальные геополитические тенденции и современный характер мироустройства

Наргиз Нагиева 71
Неоколониальная политика великих держав на южном кавказе

Руслан Шевченко	76
Перспективы разрешения приднестровского конфликта	

ИСТОРИЯ

Кахабер Пипия	79
Аристарх – Династ Колхиды	

Вусала Алиева	87
Эгейская проблема в отношениях Турции и Греции	

Ульжаева Шохистахон, Нурсулу Алгаджаева	93
Некоторые размышления об академической честности и ее важности	

Наргиза Гамисония	100
Вопросы развития средневекового образования в Западной Европе	

Шохистахон Ульжаева, Бахтигул Мамадаминова, Нургуль Абдиразаккызы Алдабек	106
Дипломатический протокол-гостеприимство в империи Амира Темура (по “дневнику” Руи Гонсалеса де Клавихо)	

Марина Изория	110
Грузия и Азербайджан - Геополитические союзники	

ГЕОПОЛИТИКА

Эльгуджа Кавтарадзе	119
Фальшивая геополитика России в Украине	

Гурам Мархулия	125
Запад или Восток - геополитическая траектория Грузии	

Марина Изория	134
Ближний Восток в геополитике Саудовской Аравии	

PHILOSOPHY - ФИЛОСОФИЯ

MANANA GAGOSHIDZE

Doctor of Philosophy, Associate Professor of Sukhumi State University (Georgia)

TO THE HISTORY OF THE PHILOSOPHICAL PROBLEM OF THE MEANING OF HUMAN LIFE

DOI:<https://doi.org/10.52340/isj.2024.27.01>

Introduction. Modern man has a powerful technical force. With all the positive qualities of this technical power, he is capable of destroying the civilization created over thousands of years, destroying himself as a biological species and even putting an end to life on the planet.

Trends and prospects for the development of society leave open the global problems of our time and limit the time parameters for their solution.

Deepening social inequality, shaking of the moral foundations of existence in Georgian society, low level of legal and political culture, devaluation of traditional values, the absence of a consolidating social idea give rise to a state of confusion, frustration, which allows us to talk about the ideological crisis of the individual and society, this position occupies a certain place in the socio-philosophical analysis of Georgian philosophers.

Key words - *the meaning of life, Death, Society, philosophy, Man.*

The problem of finding and finding the meaning of life is one of the most fundamental questions that has troubled humanity throughout its history, because sooner or later in the life of every person there comes a moment when he thinks about the meaning of his existence, the upcoming death and the achievement of immortality. What gives value and significance to human existence? What are the guidelines and life goals that give a sense of meaningfulness to being? These questions have been the focus of many philosophical, religious and psychological teachings.

In the modern world, characterized by rapid

social transformations, the complication of life and the increase in stress levels, the problem of the meaning of life is becoming especially acute. More and more people experience an existential vacuum, a sense of meaninglessness and alienation. In this regard, the study of the problem of the meaning of life is of particular importance, both in theoretical and practical terms.

Of course, many modern philosophers are right in claiming that the choice of the meaning of life depends on many factors - objective and subjective. Objective factors include the socio-economic conditions that have developed in society, the political and legal system that functions in it, the prevailing worldview, the established political regime, the state of war and peace, etc. Subjective qualities of the individual also play an important role in choosing the meaning of life - will, character, prudence, practicality, etc. [1].

In ancient philosophy, there are various solutions to this issue. Socrates saw the meaning of life in happiness, the achievement of which is associated with a virtuous life, a reverent attitude to the laws adopted by the state, knowledge of moral concepts; Plato - in caring for the soul; Aristotle - in the desire to become a virtuous person and a responsible citizen; Epicurus - in achieving personal happiness, peace and bliss; Diogenes of Sinope - in inner freedom, contempt for wealth; the Stoics - in submission to fate [2].

In the era of Modernity, there was a transition to a secular, humanistic understanding of the meaning of life. Thus, I. Kant associated it with moral duty, F. Nietzsche - with the self-realization of the «superman», and Russian religious philosophers (N.A. Berdyaev, V.S.

Soloviev) - with the creative development of the individual.

A special place in understanding the problem of the meaning of life is occupied by existentialism of the 20th century. Its representatives (S. Kierkegaard, J.-P. Sartre, A. Camus) emphasized the individual freedom and responsibility of man in the search for and realization of the meaning of his existence. At the same time, they emphasized the initial «abandonment» of man in the world, the absence of a universal, predetermined meaning of being.

Thus, throughout history, the problem of the meaning of human life has been understood in a variety of philosophical, religious and cultural traditions. This testifies to its fundamental nature and enduring relevance for understanding the nature of human existence.

Reflections on the meaning of life, as a rule, begin with the question of the meaning of death through the emotional perception of the latter. Fear is a human emotion accompanying reflection on death.

But what exactly is a person afraid of? He is afraid, as a rule, of the events accompanying death and the consequences of these events: death is affiliated with pain, illness, loss of loved ones, fear of the unknown and many other affectively colored phenomena. There are two interpretations of death, close in meaning to each other, in the context of this reflection are actually indistinguishable, since they lead to the same conclusion: man and death do not intersect:

1) Epicurus: while we are alive, there is no death, when there is death, there is no us.

2) L. Wittgenstein: death is the limit (what limits) our existence.

Thus, according to these fundamentally important definitions of death, man and death do not meet, the latter cannot cause any harm. [3]

In modern science, the problem of the meaning of human life is considered within the framework of various disciplines - philosophy, psychology, sociology, cultural studies, etc.

From a philosophical point of view, the problem of the meaning of life is associated with the search for an objective, universal basis for human existence. Representatives of this approach (neo-Thomists, neo-Kantians, existentialists) explore such questions as: is there

a transcendental, absolute meaning of being? What are the highest values and goals that give significance to human existence? What is the role of freedom and responsibility of the individual in finding the meaning of life? Among modern philosophers who address this issue, one can note V. Frankl, J. Ortega y Gasset, P. Ricoeur, J. Habermas, and others.

The psychological approach is focused on studying people's subjective experiences and ideas about the meaning of life, factors influencing its acquisition and maintenance. Psychologists study: individual differences in experiencing the meaning of life; the relationship between life-meaning orientations and psychological well-being, motivation, and personal values; the influence of age, gender, and level of education on the perception of the meaning of life; the role of existential crises and traumatic events in the search for meaning. Famous representatives of this approach include V. Frankl, E. Fromm, R. May, K. Muzdybaev, and others. The sociocultural approach emphasizes the influence of social, cultural, and historical factors on the formation of ideas about the meaning of life. Researchers in this area study: culturally specific models of life-meaning orientations; the influence of various institutions on the construction of a «picture of the world» and personal value systems; the role of socialization, education, and the media in transmitting cultural norms and ideas about the meaning of life. Among the representatives of the sociocultural approach, we can highlight E. Durkheim, M. Weber, P. Bourdieu, E. Fromm, J. Ritzer, and others.

The existential approach, developed within the framework of existential psychology and philosophy, emphasizes the personal responsibility of a person for the search and realization of the meaning of his or her existence. The central concepts here are: freedom and choice as the basis of human existence; authenticity and self-determination of the individual; anxiety, loneliness, and fear of death as existential givens; the search for meaning as an existential need of a person. Among the prominent representatives of the existential approach, we can name S. Kierkegaard, J.-P. Sartre, A. Camus, M. Heidegger, R. May, V. Frankl.

Thus, modern science offers many different

perspectives on the problem of the meaning of human life. Each of these approaches emphasizes its specific aspects of this fundamental problem, which allows for a deeper understanding of its multifaceted nature. In conclusion, the problem of the meaning of human life is one of the most fundamental and at the same time complex issues that have worried humanity throughout its history. It touches upon the deepest aspects of human existence, related to values, goals, freedom and responsibility of the individual.

Further study of the problem of the meaning of human life will undoubtedly contribute to a deeper understanding of the nature of human existence, as well as the development of practical recommendations aimed at preventing existential crises and improving the psychological health of the individual.

Modern man has powerful technical force. He is capable of destroying the civilization created over millennia, destroying himself as a biological species and even putting an end to life itself on the planet. The trends and prospects for the development of society leave open the question of global problems of our time and limit its solution to visible time. The future depends on man, who acts as the subject and object of social transformations, his ability to penetrate into complex evolutionary processes, to know their laws and direct the life-meaning energy to creation, based on the conditions of our time. The era of global problems gives rise to extreme social and existential problems, but it also unites people. Humanity in all its main dimensions becomes an integral whole with increasing diversity. One's own ontological and existential problems help to understand the aspirations, sufferings and joys of other people, the power of reflection makes one move forward, solve problems, answer questions, embark on the path of searching for the meaning of life. As a consequence and result, the ability for a sense of responsibility and awareness of new aspects of the meaning of life arises. Planetary consciousness helps to overcome loneliness, understand one's significance, the fear of personal death dissolves in responsibility for the continuation of the lives of Others. In this continuation, a person can see his own immortality, because thought ignores time, and death is nothing to it.

Extreme circumstances require an appeal to the extreme foundations of being, reflected in the category of «the meaning of life». The meaning reflects the absolute image of essence and existence, the image of the world, the awareness of what is due and what is, manifests itself through reflection in the act of experiencing the meaning of value, has a communicative nature. The search for the meaning of life involves scanning the available life meanings, reality, and value judgments.

Finiteness as a property of human life is a catalyst for the intensity of life efforts, the strongest mobilizing emotion of activating the rhythm of life, and the densification of the semantic saturation of human life. The semantic factor is the leading and highest in the process of managing activities, but the results of this influence are purely individual, since everyone is organized in a unique way.

Actualization of the meaning of life depends on the level, completeness, quality of knowledge and the ability to operate them. This knowledge and abilities are not the same, so there is no single meaning. But in the nuclear age, a common real threat to life has appeared. And this cannot but affect the meaning of life attitude of everyone. The global crisis and the uniqueness of historical time make us feel universal human solidarity and require the coincidence of personal and public interests.

At the same time, the most pressing problem, in our opinion, is the awareness and acceptance of the general moral responsibility of each person for what is happening, which is possible only if it is put at the basis of the meaning-of-life attitude.

A person who clearly understands the meaning of life clearly plays the role in society that he has defined for himself and the conditions of the surrounding reality. He knows what he wants, can imagine the chain of actions that must be taken to achieve what he wants and is responsible for the decisions made.

The path to the meaning of life is difficult because it is not a choice from a list. The meaning of life cannot be offered to a person, it is born from Nothing, from the fact of his own death, goes through stages of formation, various psychological (religious) and sociological projects are tried for this role, philosophical

thought also calls them «meanings of life». But, apparently, only the modern era, which has supplemented individual finitude with visible universal death, will be able to finally fill, at least for the time of global problems, what is understood under various names as existential emptiness. This is not a tradition of pessimism as a special type of worldview, world perception, but a sober view of the realities of modernity, founded on a rational approach to problems that can figuratively be called the challenges of the time. Without the ethical principles of non-violence, responsibility, justice, harmony, solidarity, tolerance, it is difficult for society in the era of global problems to count even on optimizing existence. In the direction of turning each person into a like-minded person in solving the problems of modernity, we cannot do without the systematic work of preschool institutions, all educational institutions, the media, reforming the education system taking into account updated educational goals, recognizing education as the most priority sphere of public life, without a cosmopolitan mentality at the heart of political culture, combining the value of the national and the international. The well-known paradigm of social organization based on the principles of moral obligation, legal laws, and ideology can also act as one of the time-tested ones, but in new conditions they can become a personal guide to action only after passing through the meaning-of-life dimension and social and personal consciousness.

Thus, the following conclusions are obtained from the study: the meaning-of-life paradigm is present in all currents and trends of philosophical thought. Meaning-of-life variants are not strictly classified, but one can speak of a certain selective meaning profile, therefore various solutions to the problem of the meaning of human life are combined into several directions: a) by position in the structure of being: the meaning of life is initially inherent in life in its deep foundations (Eastern philosophy, Western medieval philosophy, Russian religious-idealistic philosophy); the meaning of life beyond life (French Enlightenment, positivism, Marxist philosophy, Slavophilism, Westernism, pragmatism); the meaning of life is created by the subject himself (philosophy of life,

existentialism, philosophical anthropology); b) by the content of the meaning-of-life attitude: pessimistic or nihilistic (ancient cynicism, philosophy of life, Freudianism, neopositivism, postmodernism); skeptical (religious, ascetic, humbly stoic) - Eastern philosophy, ancient stoicism and skepticism, Russian religious philosophy); optimistic, or value-based (hedonistic, gloristic, categorically imperative, procedural, final-resulting, effective-humanistic) - philosophy of the Cyrenaics, Epicureanism, philosophy of the Renaissance and Modern Age, philosophy of the Enlightenment, German classical philosophy, utilitarianism, pragmatism, Marxism; c) according to the criterion of the object of the meaning of life orientation: ego-orientation, when the meaning of life is seen in the improvement of individual consciousness, as one's own personality (philosophy of Socrates, Epicureanism, Stoicism, philosophy of Descartes, Kant, non-religious existentialism - Heidegger, Sartre); transcendental orientations, where the object of individual life is the supernatural, faith in which gives immortality of the soul, eternal bliss (Eastern philosophy, except for the teaching of Lokayata, Western and Russian religious philosophy); socio-cultural orientations of meaning-making, which have as their objects the ideals and values offered by a given society, ethnic group, culture. These are both traditional-ethnic and socio-state.

Human consciousness is infinite in its capabilities for producing meanings, however, due to the limited time and circumstances, the problem of searching, choosing and placing some of the possible meanings on the role of the main goals of life arises, which stems from the immutable requirement of the intentionality of human nature - activity must have a direction, a goal, an object.

The reality of our time is different from the past state of reality. Never before has a person thinking about the meaning of life proceeded from the knowledge of the possibility of its disappearance in the current period. Global problems of our time, raising the question of self-preservation, survival of humanity, create optimal conditions for finding the meaning of life as awareness of the guideline of life activity;

Further development of man and society

requires the appearance in the meaning-of-life vector of a common component, limited by the circumstances of our time. The principles of non-violence, responsibility, a single planetary consciousness, tolerance, cosmopolitan mentality are considered as the foundations of the meaning of human life. The specificity of the meaning

of human life in the context of global problems of our time consists in giving the meaning-of-life definition the status of a moral criterion in choosing the paths of development of man and society within the framework of the traditional dichotomy of good and evil.

References:

- [1]. Krasikov, V.I. The Reality of Anxiety: (The Limit Values of Human Existence) / V.I. Krasikov. - Kemerovo: Kuzbassvuzdat, 1998. - 161.
- [2]. Philosophy about the Meaning of Life and Death of Man: Philosophy about the Meaning of Life [Electronic resource]. - Access mode: <https://studfile.net/preview/9953399/page:3/> (date of access: 31.08.24).
- [3]. Adler, A. The Meaning of Life / A. Adler // Philosophical Sciences. 1998. - №1. - P.15-26.
- [4]. Frolov I.T. Introduction to Philosophy. - 2. - М.: Politizdat, 1989. - 639 p.
The Problem of the Meaning of Life in Philosophy [Electronic resource]. – Access mode: <https://web.snauka.ru/issues/2017/07/84066> (date of access: 31.08.24).
- [5]. Bratus, B. S. Personality anomalies / B. S. Bratus. M., 1988 — 301 p.
- [6]. Voronkov, S. S. Treatise on Life and Death / S. S. Voronkov. M., 1998.-207 p.

МАНАНА ГАГОШИДЗЕ

Доктор философии, ассоциированный профессор Сухумского государственного университета (Грузия)

К ИСТОРИИ ФИЛОСОФСКОЙ ПРОБЛЕМЫ СМЫСЛА ЖИЗНИ ЧЕЛОВЕКА

Резюме

Современный человек обладает могущественной технической силой. При всех положительных качествах этой технической мощи, он способен уничтожить созданную тысячелетиями цивилизацию, погубить себя как биологический вид и даже положить конец самой жизни на планете.

Тенденции и перспективы развития общества оставляют открытыми глобальные проблемы современности и ограничивают временные параметры их решения.

Углубляющееся социальное неравенство, расшатывание нравственных основ бытия в грузинском обществе, низкий уровень правовой и политической культуры, девальвация традиционных ценностей, отсутствие консолидирующей общественной идеи порождают состояние смятения, фрустрацию, что позволяет говорить о мировоззренческом кризисе личности и общества, это положение занимает определенное место в социально-философском анализе грузинских философов.

«Проблема смысла жизни - извечный вопрос любого человека и мировой философии. В наше время меркантилизма, прагматизма, эвдемонизма и неоязычества человеку предлагается нечто преходящее, что никак не может удовлетворить философски мыслящий разум. В связи с этим весьма важным является анализ философских учений о смысле жизни и выделение актуальных для нашего времени составляющих.

Работа посвящена философскому пониманию проблемы смысла жизни человека в условиях современного общества. Показано, что вопрос о смысле жизни был актуален во все времена, но сегодня он приобрел особое измерение, характерное для общества потребления. Современный человек погружается в «экзистенциальный вакуум», в котором выявляется кризис смысла жизни в таком обществе, где материальные потребности превалируют над духовными. Анализируются социальные условия, которые необходимы для переориентации общества потребления на духовные ценности. Сделан вывод о том, что становление высших потребностей человека, в том числе потребностей в самореализации и самоактуализации, делает его жизнь осмысленной. Основным фактором развития системы личностных потребностей выступают формирование творческого отношения индивида к социальной действительности и его участие в социальном творчестве.

KAKHA KETSBAIA

**Doctor of Philosophical Sciences, Iv. Javakhishvili Tbilisi State University,
Associate Professor, Department of Sociology and Social Work (Georgia)**

ON THE HISTORY OF LONELINESS IN PHILOSOPHY

DOI: <https://doi.org/10.52340/isj.2024.27.02>

Introduction. Loneliness is one of the most pressing problems of modern society. It is not only a complex phenomenon of individual human life, but also a major social phenomenon that requires regular psychological, anthropological and socio-philosophical understanding. Only with a broad interdisciplinary approach is it possible to accurately understand the phenomenon of loneliness, its transformation in the modern world and predict the impact on the world of the future.

The value of a socio-philosophical understanding of loneliness lies in focusing on the significance of this phenomenon for humans and society. The danger of understanding it only as an individual phenomenon is that it ignores the situations and reasons in which loneliness arises and is felt by a person. Thus, many dynamic factors directly related to the essence of loneliness as a social phenomenon are not taken into account. On the other hand, excessive attention to the social manifestations of loneliness without taking into account its significance for the inner world of a person can lead to a misunderstanding of the most important personal functions of loneliness.

Keywords – Philosophy, social psychology, loneliness, existentialism.

Most studies of loneliness in modern science are limited by the framework of social psychology and sociology. Therefore, loneliness is traditionally understood as a negative emotional experience in social isolation from other people, as a social phenomenon that is spreading with the emergence of megacities, increased social mobility of the population, and a crisis of family relations.

Loneliness is a concept whose vital meaning

seems accessible. However, such clarity is deceptive, and understanding is commonplace, since the phenomenon of loneliness is filled with contradictory philosophical content, which is difficult for rational analysis.

In modern society, there is practically no positive attitude towards loneliness. A purely psychological understanding of this phenomenon as a painful emotional state has led to the leveling of the value of loneliness as an individual phenomenon that is crucial for self-awareness and self-knowledge of the individual, influencing the formation of skills for constructive interaction with society, influencing the development of the ability for true communication, for true philanthropy. Negative social consequences of experiencing loneliness, such as depression, suicide, aggression, deviant behavior and other forms of social deformations, are caused not by loneliness itself, but by the inability to endure and use it. Active social interaction in modern society does not satisfy a person's need for close communication, necessary to overcome the negative experiences of loneliness.

Negative social consequences of experiencing loneliness, such as depression, suicide, aggression, deviant behavior and other forms of social deformations, are caused not by loneliness itself, but by the inability to endure and use it. Active social interaction in modern society does not satisfy a person's need for close communication, necessary to overcome the negative experiences of loneliness. Such significant individual needs as reading, thinking, contemplation are considered a rarity and an oddity in the mass consciousness. Modern society strives to control not only a person's social behavior, but also his inner life. This is

achieved, in particular, by limiting the ability to think alone. Accepted modes of behavior, ready-made moral assessments, and, in fact, the absence of any moral restrictions, social stereotypes broadcast by modern society have led to the formation of a huge mass of people who are identical and easily controlled in their «sameness». That is why being alone with oneself does not make sense for many representatives of the modern generation, and loneliness is frightening. Loneliness is one of the central themes in existentialist philosophy, a school that emphasizes the individual existence of a person. The understanding of loneliness in the context of existentialism differs from the everyday idea of it as the absence of company or support. For existentialist philosophers, loneliness is a necessary state of human existence, which follows from the awareness of one's own freedom and responsibility to the world. In this article, we will consider various aspects of loneliness within the framework of existentialist philosophy, its importance for self-knowledge and self-realization of the individual.

The philosophy of existentialism is distinguished by its emphasis on individuality and freedom of the individual, and loneliness plays an important role here. In the context of this philosophy, loneliness is presented as a state when a person realizes his uniqueness and originality, the impossibility of full understanding and empathy by others. Existentialists emphasize that each person inevitably remains a lonely and unique creature, and this is an integral part of his existence. One of the key aspects of the introduction to the concept of loneliness in existentialism is its connection with the concept of «freedom». Philosophers of this school emphasize that it is the awareness of one's loneliness that allows a person to free themselves from external norms and social restrictions, take responsibility for their actions and choices, and become the creator of their own destiny. Therefore, loneliness in existentialism is considered as something inseparable from the freedom and self-determination of the individual.

Another important aspect of the introduction to the concept of loneliness in existentialism is its attitude towards other people. Philosophers of this school emphasize that loneliness does not mean complete isolation from society, but rather expresses the awareness of the difference and incomprehensibility of the inner world of each person. In this context, loneliness in existentialism acts as an awareness of the impossibility of complete mutual understanding with others, which often leads to a paradoxical situation when a person is surrounded by others, but feels alone in his world.

Social processes designed to optimize and facilitate human life ultimately lead to the leveling of the value of an individual. Individualities are erased, the possibility of «exchange» as enrichment in communication with other people decreases. Accordingly, the value of communication itself decreases, quality is replaced by quantity. This leads to social isolation, anomie, alienation, the causes of which are the fear of loneliness and the desire to avoid it at all costs.

The concept of loneliness in the philosophy of existentialism involves an in-depth consideration of its philosophical, psychological and social aspects, as well as identifying the relationship with other key ideas of this philosophical trend. Loneliness in existentialism is not simply a denial of social ties and relationships, but rather an awareness of the inevitable difference and uniqueness of each person, which is an important aspect of freedom and self-determination of the individual.

Loneliness in the context of existentialism is also associated with the concept of freedom. All people are separate and free in their actions and choices, which makes their loneliness inevitable. Existentialists emphasize that the freedom and responsibility of each individual affirms his or her solitude, since no one can fully share the experience of another. In this sense, solitude becomes an integral part of human existence, which is an inevitable result of freedom and responsibility.

In addition, solitude is important for ethics and morality within existentialism. Isolation and solitude in existentialist philosophy emphasize the importance of personal responsibility and moral choices. Each person faces the solitude of his or her own existence and must make various decisions and act according to them, based on his or her own values and beliefs. In this sense, solitude is a kind of philosophical test that helps a person to form his or her individuality and moral position.

Thus, solitude in existentialist philosophy is not simply a state of absence of society, but rather a key concept that personifies the uniqueness and individuality of each person. It is associated with the concept of freedom, responsibility and morality, becoming an important aspect of human existence. In the context of existentialism, loneliness helps a person to realize and accept his individuality, which makes it a fundamental part of philosophical reflection and consideration of human existence.

The study of loneliness in the works of existentialists is connected with the basic principles of this philosophical school, which undertakes the task of understanding the essence of human existence. Loneliness in existentialism is perceived not as a negative state, but as an inevitability and an integral part of our lives.

One of the early studies of loneliness in the philosophy of existentialism can be found in the works of Søren Kierkegaard. The Danish philosopher believed that loneliness is a necessary stage in human development, when a person becomes aware of himself and his individuality. Loneliness in Kierkegaard is an indispensable condition for the discovery of existence, as well as for the development and growth of personality. He connects this phenomenon with internal self-awareness and says that no one can share it except God. Existence in his understanding is expressed in the personal experience of a person experiencing himself as a “synthesis of the infinite and the finite, the temporal and the eternal, freedom and necessity” [8]. He claimed that only

through solitude can we achieve freedom and truth. However, Kierkegaard also warned that prolonged solitude can lead to despair and alienation from society.

Blaise Pascal, a scientist and philosopher, considered loneliness from the perspective of man's abandonment in the Universe. He said that people try to find salvation in entertainment because they are afraid of being left alone with themselves and their thoughts. Instead of enjoying a quiet life, which many dream of, people unrestrainedly spend a huge amount of their resources: strength, time, money on entertainment and even risk their lives for it. B. Pascal saw a paradox in such behavior of people and came to the conclusion that it stems from avoiding themselves. This, in turn, stems from the fear of being alone and looking into the eyes of the nature of human mortality and insignificance before existence. If a person nevertheless stops in his attempts to escape from himself in entertainment, he will inevitably begin to think about his place in the endless and incomprehensible world. Such thoughts are likely to be followed by experiences of loneliness, melancholy, emptiness, anxiety, loss of faith and hope: “When I see the blindness and insignificance of man, when I look at the silent Universe and at man abandoned in the darkness of himself, as if lost in this corner of the Universe, not knowing who put him here, why he came here, what will happen to him after death, and unable to find out all this, I am frightened, like someone who was brought sleeping to a deserted, terrible island and who wakes up confused and without a way to get out of there” [11]. Another important researcher of loneliness in existentialism is Jean-Paul Sartre. The French philosopher believed that each person is separate, free and responsible for his own life, which makes us lonely creatures. In his work «Being and Nothingness» Sartre writes that loneliness arises from our freedom of choice and awareness of our mortality. He argues that the most difficult kind of loneliness is the realization that each of us is responsible

for our actions and decisions. The philosopher argued that due to discord with oneself and dissatisfaction with the world, a person seeks ways to go beyond his "I", thus trying to get rid of loneliness outside, instead of finding the truth in it. In relationships with other people, there is an inherent conflict, which means that they cannot save a person from loneliness, no matter how much he strives for unity with them [6]. Therefore, attempts to connect with another lead to nothing but painful loneliness, in contrast to deep and creative loneliness in oneself. Another important researcher of the topic of loneliness in existentialism is Albert Camus. The philosopher from France suggests looking at loneliness as an opportunity to create your own semantic system in a meaningless world. "But if the universe suddenly loses both illusions and knowledge, a person becomes an outsider in it. "Man is banished forever, for he is deprived of both the memory of his lost homeland and the hope of a promised land. In fact, the feeling of absurdity is this discord between man and his life, the actor and the scenery. All people who have ever thought about suicide immediately recognize the presence of a direct connection between this feeling and the craving for non-existence" [7]. It follows from this that A. Camus proclaimed solitude as the only possible and natural form of being, which pushes one to fight this world, rebel against it. The philosopher denied the possibility of salvation in Divine reality and, despite the tragedy of the situation, said that the greatness of man lies precisely in the ability to withstand such a hostile world. Only when left completely alone in the absence of God, peace, strong ties with others, does man deserve respect and find himself. Loneliness in his works is connected with our awareness of the meaninglessness of life and requires us to actively make decisions and create our own essence.

It is also worth mentioning the work of Martin Heidegger, who explores loneliness through the prism of being (Dasein) - the temporary existence of man. The philosopher believed that loneliness is a normal state, because each

of us is constantly in search of our true being. Heidegger understands loneliness as an active process of self-disclosure and self-awareness. M. Heidegger believed that a person who is in the company of people on a daily basis can lose touch with his personality. Despite the fact that Heidegger insisted that social interaction is a prerequisite for gaining selfhood, experiencing loneliness played an equally important role in his theory. Having immersed himself in this experience, a person feels himself to be in nothingness and exists towards it. This experience, including the experience of fear of imminent death [1], allows the personality to gain integrity through liberation from being with others [9]. The study of loneliness in the philosophy of existentialism implies the study of our freedom, responsibility and awareness of life. Solitude in this context is presented as a natural outcome of the consideration of the essence of man. It leads us to important questions about our freedom of choice, our place in society and the uniqueness of each individual being. The philosophy of existentialism suggests not to deny solitude, but to accept it and find in it opportunities for self-development and self-knowledge.

However, the philosophy of existentialism offers new perspectives on solitude. Existentialism recognizes that each person is a unique and free being, capable of creating his own meaning and purpose in life. Representatives of this school, such as Jean-Paul Sartre and Martin Heidegger, argue that solitude is an integral part of our existence, and only through the acceptance of this fact can we find true freedom and meaning.

Another perspective that existentialism offers is to accept solitude as an opportunity for self-development and self-knowledge. Solitude gives us the opportunity to enjoy the present moment, establish deep connections with ourselves and discover new horizons of the inner world. Through solitude, we can find clarity and harmony with ourselves, which affects our ability to create happy and healthy

relationships with others. Thus, loneliness in the modern world is a challenge, but at the same time it opens up prospects for new meanings and opportunities for personal growth. The philosophy of existentialism recognizes the inseparability of loneliness in human existence and suggests finding true freedom and meaning in it. Loneliness requires us to accept and realize that through self-knowledge and conscious choice, we can create deeper and richer relationships with the world around us.

In the history of philosophical thought, two stages of understanding loneliness can be distinguished. The first is the understanding of loneliness as a state necessary for immersion in one's inner world, for knowing the world through self-awareness, for contemplative activity. The state of loneliness was considered significant and necessary only for select people. At the early stages of the development of philosophical thought, loneliness did not exist either as a philosophical problem or as a universal human phenomenon. It was understood only as the actual state of the person experiencing it, as a purely individual phenomenon. For this stage, which includes periods from ancient times to the New Age, the conclusions made regarding loneliness are important. First, understanding the possibility of inner solitude regardless of physical solitude. Second, awareness of the importance of loneliness for developing relationships with other people. Third, recognition of the dependence of relationships with other people on the attitude towards oneself. Fourth, understanding the importance of involvement in nature to overcome the negative experience of loneliness. Fifth, the possibility of overcoming loneliness through merging with the divine people. Sixth, substantiation of the reasons for the fear of loneliness, determined by the «emptiness» of the inner world. Seventh, recognition of the importance of loneliness for activating the creative powers of the individual. The next stage in the history of philosophy, associated with a new understanding of loneliness, begins with the emergence of an

existential position. The interpretation of loneliness as an experience of the original and inevitable, as a universal human existential of being, leads to the idea that to the extent that a person is responsible for his life, he is alone. While a person identifies himself with a group, with society, he does not realize the possibility and responsibility of individual action, he is not afraid, does not feel loneliness, but he is not free either. As soon as a person realizes his separateness, peculiarity, uniqueness, he realizes his own loneliness. To realize the philosophical value of the phenomenon under study, it is important that in the existential understanding, loneliness is the basic basis for experiencing other borderline situations, such as birth and death. The essence of the problem of loneliness, raised and not solved in the philosophy of existentialism, is not that modern people do not have communication skills or a sufficient number of social connections, but that people do not see the point in being alone with themselves, they are afraid of the boredom and emptiness that surrounds them in solitude. The desire to avoid loneliness pushes a person to establish social contacts, which, in fact, are only «communication collecting». Such «communication» exacerbates the experience of loneliness in an emotional or social form. Thus, in modern society there is an urgent need to form a positive attitude towards loneliness, which will help to avoid the negative consequences of experiencing social isolation. This idea was most accurately expressed by M. Mead: «If being alone could not be associated with the fact that you were rejected or that you yourself refused to communicate, and consider such a situation as a completely characteristic and desirable state for a person, we would reduce the suffering from loneliness that society imposes on us.» The socio-philosophical approach to the phenomenon under study plays an important role in forming a positive attitude towards loneliness. In addition, higher education, especially philosophical courses and disciplines, is of great importance in this regard. The more educated a person is,

the higher his ability to reflect, the calmer he is towards loneliness and can use it positively.

Literature:

- [1]. Agafonov A. Yu. Man as a semantic model of the world. Prolegomena to the psychological theory of meaning. Samara: Publishing house «Bakhrakh-M», 2000.-336 p.
- [2]. Augustine A. Confession. SPb.: Azbuka, 1999. - 393 p.
- [3]. Aurelius M. Alone with oneself. Reflections. Trans. from ancient Greek. General Ed. [4]. A. V. Dobrovolsky; note. B. B. Lobanovsky. K.: Collegium Artium Ing, Ltd. - Cherkassy: RIC «Real», 1993. - 336 p.
- [5]. Aleinikova O. S. Loneliness: philosophical and cultural analysis: Dis. Cand. Philosophical Sciences: 24.00.01. St. Petersburg, 2005. - 155 p.
- [6]. Alnashev A. Farewell, loneliness. Family is a mirror of the Universe. - St. Petersburg: Ves, 2004 (GIPK Lenizdat). - 255 p.
- [7]. Aristotle Nicomachean Ethics. Philosophers of Greece / Translated by Nina Braginskaya, Moscow: ZAO «Izdatelstvo» Eksmo-Press «, 1997. P. 255 p.
- [8]. Arend X. Vita active, or About active life / Translated from German and English by V.V. Bibikhin; Under the editorship of D.M. Nosov. St. Petersburg: Aleteya, 2000 - 437 p.
- [9]. Barulin V.S. Fundamentals of Social and Philosophical Anthropology M.: ITC «Akadem-kniga», 2002. - 455 p.
- [10]. Batishchev G.S. Find and find yourself, features of the culture of deep communication // Questions of Philosophy. -1995. No. 3. - P. 103-129.
- [11]. Batkin L.M. European man alone with himself. Essays on the cultural and historical foundations and limits of personal self-awareness. M.: Russian State Humanitarian University, 2000. - 1005 p.
- [12]. Belik A.A. Culture and personality. Psychological anthropology. Ethnopsychology. Psychology of religion. -M.: RSUH, 2001. 377 p.
- [13]. Berdyaev N.A. I and the World of Objects. Experience of the philosophy of loneliness and communication // Philosophy of the free spirit. M.: «Respublika», 1994. - 480 p.
- [14]. Bedritskaya N. V. The Problem of Loneliness in the Philosophy of Existentialism (The Challenge of the «Empty Space» of the Other) // Philosophy and Social Sciences. 2008. No. 3. Pp. 18–22.
- [15]. Berdyaev N. A. I and the World of Objects. Paris: YMCA PRESS, 1934, 191 p.
- [16]. Buber M. Two Images of Faith / Translated from German and edited by P. S. Gurevich and others. - M.: Respublika, 1995. 464 p.
- [17]. Gagarin A. S. Loneliness as an Existential in Ancient Philosophy (from Hesiod to Aristotle) // Antinomies: Scientific Yearbook of the Institute of Philosophy and Law, Ural Branch of the Russian Academy of Sciences. 2014. Vol. 14, issue 1. Pp. 43–60.
- [18]. Gagarin, A. S. Loneliness as an existential in ancient philosophy (from Epicurus to Plotinus) // Antinomies: Scientific Yearbook of the Institute of Philosophy and Law, Ural Branch of the Russian Academy of Sciences. 2014. Vol. 14, issue 3. Pp. 22–33.
- [19]. Demidova, S. A. In Search of a Way Out of Loneliness: The Existential Prose of J.-P. Sartre // Bulletin of Cultural Studies. 2012. No. 1. Pp. 193–206.
- Camus, A. Rebellious Man. Philosophy. Politics. Art. — M.: Politizdat, 1990. 415 p.
- [20]. Kierkegaard, S. The Sickness Unto Death. — M.: Academicheskiiy proekt, 2014. 160 p.
- Lyashchenko M. N. The problem of loneliness in the existential model of being // Lyashchenko Maxim Nikolaevich The problem of loneliness in the existential model of being // Manuscript. 2017. No. 3–1 (77). P. 85–88.
- [21]. Ortega y Gasset H. The Dehumanization of Art. M.: Raduga, 1991., 638 p.

- [22]. Pascal B. Thoughts. M.: Sabashnikov Publishing House, 1995. 480 p.
- Sartre J.-P. Existentialism is a humanism // Twilight of the Gods. M.: Politizdat, 1989. P. 319–344.
- [23]. Tillich P. Selected Works. The Shaking of the Foundations. — M-SPb: Center for Humanitarian Initiatives, 2015. 351 p.
- [24]. Jaspers K. The Meaning and Purpose of History. M.: Politizdat, 1991. 527 p.
- [25]. Dolginova O.B. Loneliness and Alienation in Adolescence and Young Adulthood: Diss. Cand. Psychol. Sciences: 19.00.07. -SPb., 1996. 166 p.
- [26]. Dolginova O.B. Study of Loneliness as a Psychological Phenomenon // Applied Psychology. -2000. No. 4. - P. 28-36.
- [27]. Enikeev M.I. General, Social, Legal Psychology. Brief Encyclopedic Dictionary. M.: Legal Literature, 1997. - 448 p. P. 127.
- [28]. Yenkova L.P. Growing Myth, or Premonition // Bulletin of the Humanities Institute of the Far Eastern State Medical Academy. 2001. - Issue 2. - P. 120-123.
- [29]. Ermakova M. Loneliness // Social Security. 2006. - No. 2. -P.36-37.

КАХА КЕЦБАИА

Доктор философских наук, ассоциированный профессор департамента социологии и социальной работы Тбилисского государственного университета им. Иване Джавахишвили (Грузия)

К ИСТОРИИ ОДИНОЧЕСТВА В ФИЛОСОФИИ

Резюме

Проблема одиночества становится одной из самых важных и актуальных на современном этапе общественного развития. Кардинальные изменения, так или иначе, произошли и будут происходить во всех сферах существования человека. Вера в безграничные возможности развития общества и науки подкрепляется грандиозными достижениями XX в. - покорением космического пространства, образованием новой информационной сферы, освоением нанотехнологий. Однако этот новый высокотехнический и стремительный мир не всегда оказывается комфортным для отдельной личности. В индивидуальном сознании человека зачастую формируется отчужденное либо абсурдное восприятие происходящих событий, растет число людей, неспособных вписаться в новую социальную сферу деятельности. Человек воспринимает себя как социального и культурного индивида благодаря социальным связям и отношениям, принадлежности к социальным организациям. Лишаясь этого, он воспринимает свое Я как одинокое, незащищенное, находящееся во власти враждебных стихий. Об актуальности выбранной темы исследования свидетельствует и следующее обстоятельство. Иногда одиночество представляется нам чем-то парадоксальным - ведь число представителей человеческого рода в наши дни велико как никогда. Сложно опровергнуть тот факт, что самое страшное одиночество - это одиночество среди людей. Оно связано с отсутствием значимого взаимодействия между «Я» и «Другим». Подобное одиночество может привести к явлениям невротического типа, массовым депрессиям и даже шизофрении. В такой ситуации человек готов связать себя с другими людьми посредством самых нелепых предрассудков и суеверий. Как следствие, возникают искаженные религиозные формы, экстремистские политические группировки, активизируется национализм, мистицизм. Все это есть способ избежать

изоляции, обрести чувство единства с другими людьми и, таким образом, вернуть себе чувство безопасности. Абсолютная неудовлетворенность одинокого человека своим бытием ведет к весьма деструктивным, разрушительным последствиям, грозящим уничтожить саму возможность человеческого существования. Таким образом, на фоне современного кризиса человеческой ситуации, философско-антропологический анализ проблемы одиночества становится все более актуальным.

Особо важно отметить, что одиночество несет в себе не только негативный заряд, приводящий к разрушению внутренней гармонии. Проблема одиночества, лишь в самом общем виде, кажется легко постигаемой. Однако насколько безмерно сложен и неисчерпаем сам человек, настолько сложно проникнуть в суть и смысл проблемы его одиночества. Именно в многоликости образов человека и заключена сложность понимания и трактовки проблемы одиночества. Всеобъемлющая картина человека (а, следовательно, и одиночества) не может быть завершена, она только манит к себе как влекущая, но постоянно ускользающая от нашего осознания цель. Сущность человека гораздо глубже наших знаний о нем. Исследовать сущность и существование одиночества возможно исключительно сквозь призму рассмотрения сущности и существования человека. Этим фактом обосновывается актуальность рассмотрения одиночества как проблемы философского исследования.

SOCIOLOGY - СОЦИОЛОГИЯ**KAKHI KOPALIANI****Doctor of psychology, Professor – Sukhumi State University (Georgia)****TAMAR ADEISHVILI****Doctor of social sciences, Associate Professor – Sukhumi State University (Georgia)****CHARACTERISTICS OF AGGRESSION MANIFESTATION AND PSYCHOLOGICAL DEFENSE MECHANISMS IN CHILDREN OF IMMIGRANT AND NON-IMMIGRANT PARENTS****DOI: <https://doi.org/10.52340/isj.2024.27.03>**

The role of parents in raising a child is very important, it can be said that it is irreplaceable and incomparable. It is in the family that the child's fundamental values are formed, therefore the role of parents is very important in terms of social development. In the process of proper upbringing in the family, moral norms and basic values, which become the basis of humane behavior are formed to the child. It is clear that the role of parents and their attitude towards them has a significant impact on their upbringing process.

The contribution of parents in maintaining the psychological balance of children and forming a healthy psyche is immeasurably great. However, due to increasing emigration in recent years, many children are growing up away from their parents. Every year more citizens leave the country. The main reason is unfavorable working conditions and tough economic times in the country. According to the data of 2022, the number of people who left Georgia was 125269 (National Statistical Service of Georgia). It should be noted that most of the emigrants are women, and the main reason for their leaving the country is to create appropriate living conditions for their children. However, it is undeniable that only financial security does not involve the existence of all the necessary conditions for children to be brought up properly [1].

Despite constant financial support, attention and online contact, it is certainly difficult for children to cope with parental separation. They often see other children with parents, and they have a strong desire to be with their parents as

well, not only online (on the phone), but also physically. In the background of this kind of stress, aggressive behavior of children is not uncommon, which, in turn, is related to the function of psychological defense mechanisms, because children often hide stress caused by the separation with their parents with aggressive, rude behavior towards others, and in this way they show as if the conditions around them are acceptable [1].

Indeed, emigration is a transformative process that has a profound impact on the family (especially children) and also has the potential to have long-term effects on the child's socio-emotional development. By any measure, emigration is one of the most stressful events a family can experience, as it separates a person from family members, takes away important social relationships - best friends and loved ones [2]. Unfortunately, in the modern society, many families are units of emigration.

According to statistical data, it is clear that in recent decades the rate of emigration of women for work has increased compared to men, although in the past women were considered as passive followers of men emigrating for work. In fact, children are the main reason their parents decide to emigrate, because there is a lack of employment opportunities in their own countries, or often the jobs available do not even pay a living wage. Emigration was defined by Galbraith (1979) as «the oldest action against poverty». But parents do not always know that their decision to emigrate will have a strong negative impact on

their children, who remain without parents in an environment that is still less reliable for them [3].

The fact that parental emigration has a negative impact on children's educational achievements is particularly noteworthy, especially when the mother emigrates for work and the children have to stay at home only with the father or other family members. In modern society, including our country, the mother's role is predominant in the process of child care and education, and their emigration means a lack of maternal attention and care for children, despite the fact that they stay with other family members, the role of the mother in the process of upbringing and care is irreplaceable. That is why, quite often, the educational results of children can differ depending on whose parent is an immigrant and who is the one whose parent stays at home with the children [4].

As you know, the mentioned issue is quite relevant in our country and it raises the following legitimate questions: What effect does the emigration of parents have on the life satisfaction of their children who remain in the country? What is the effect of parental emigration on children's education, health, aggressive behavior or anxiety, and other psychological characteristics?

The discourse on emigration and complete development of a child recognizes that emigration can help immigrants and their families improve their standard of living and well-being, but to what extent does it help to improve the psychological well-being of family members and especially their children? To what extent is the child able to cope with difficult and unfamiliar problems and situations without a parent? All of these are still a controversial issue for researchers and lead to many different opinions [5].

Based on the above, the objective of our research was to identify and describe the forms of aggression and psychological defense mechanisms, including the determination of statistical significance on the example of children of immigrant and non-immigrant parents.

Research methodology. Tests on aggression and psychological defense mechanisms were

used for the research.

In order to assess aggression, we selected the aggression spectrum test developed by A. Buss and A. Dark. Different types of reactions (forms) are distinguished by the authors, which consist of 8 scales: physical aggression, indirect aggression, irritation, negativism, abuse, jealousy, verbal aggression and feeling of being guilty.

According to Buss and Dark, manifestation of aggression can be divided into two main types: the first - motivational aggression as a self-goal; The second is - instrumental aggression, as a way of achieving something. It is implied that both can be experienced consciously (with the control of consciousness) and spontaneously (beyond the control of consciousness) and both can be connected with emotional feelings (hostility, anger). For a practitioner psychologist, motivational aggression is interesting, as a direct expression of the destructive tendencies characteristic to a person. By determining the level of such a destructive tendency, it is possible to predict the manifestation of open motivational aggression (to some extent). Buss-Dark test is one of the diagnostic tools created for this purpose. The test also allows to detect and separate the index of hostility and aggressiveness.

In order to study the psychological defense mechanisms, we selected the Kellerman-Plutchik test «lifestyle index», which allows us to identify 8 types of defense mechanisms.

The test is recognized as the most relevant diagnostic tool for psychological defense mechanisms. The test is based on R. Plutchik's Psychoevolutionary Theory and H. Kellerman's Structural Theory of Personality. It allows both the diagnosis of the entire system of psychological defense mechanisms and identifying the leading, basic mechanisms, as well as assessing the tension of each defense mechanism. Undoubted advantages of this test are theoretical proof and validity, simplicity of constructs and purposeful multi-dimensionality.

According to the theoretical studies of Kellerman and Plutchik, in which psychoanalytical and socio-biological concepts are combined,

there is an interconnection between emotions and psychological defense mechanisms. This or that defense mechanism is intended for the regulation of this or that emotion: there are eight basic defense mechanisms corresponding to eight basic emotions. These are: replacement, projection, compensation, regression, repression, denial, reaction formation and intellectualization.

Research results and analysis. The research was conducted throughout Tbilisi, the total number of respondents was 172 teenagers aged 14-19. 53% of the respondents were children of immigrant parents, and 47% were children of non-immigrant parents.

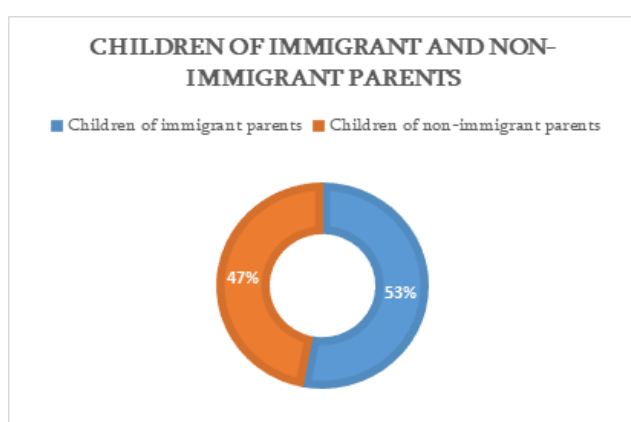

fig. 1.

Based on the data analysis of the conducted research, the forms of aggression and psychological defense mechanisms with the children of immigrant and non-immigrant parents were identified and described, also the relationships of statistical significance between the mentioned variables were identified.

According to the analysis of the aggression data, it was found that the adults of both groups show verbal aggression the most, and negativism the least.

The fact that the data of all forms of aggression, except the feeling of guilt, is higher in the case of children of immigrant parents than in the case of children of non-immigrant parents.

However, forms of aggression such as verbal

aggression ($M=7.33$) and irritability ($M=5.95$) were detected with the highest frequency among them (children of immigrant parents). However, the latter variable (irritability $M=5.18$) was detected with such a high frequency among children of non-immigrant parents, as with the children of immigrant parents. The data on the manifestation of verbal aggression ($M=6.95$) maintains a high frequency with them as well.

Based on the obtained results, we can talk about the following profile of aggression with the children of immigrant parents: even in case of slight excitement, they become quite explosive and rude, they express negative feelings in a negative form and content - screaming, yelling, cursing, abuse, threatening, etc.

This fact is natural, since the children of immigrant parents have to live without their parents, they feel helpless because they cannot share their feelings with their parents, and therefore they cannot receive the expected support from them. As a result, even small irritations that accumulate over time, raise the level of aggression in them.

The analysis of psychological defense mechanisms gave us the following picture. In the case of children of immigrant parents, a significantly higher rate was identified on the regression scale ($M=8.47$). Then comes Projection ($M=8.17$) and intellectualization ($M=7.81$) that are not among the psychological defense mechanisms used with such a high frequency. The least used psychological defense mechanism is repression ($M=5.69$).

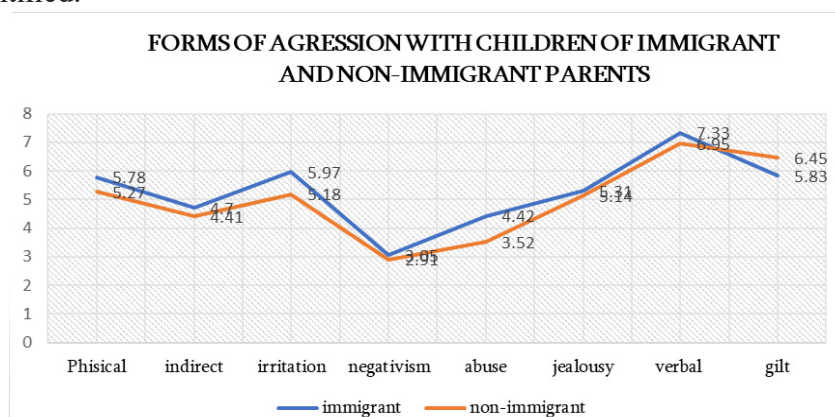

fig.2.

Children of non-immigrant parents most often refer to projection (M=8.39) and intellectualization (M=8.14).

Based on the obtained results, the following profiles of the use of psychological defense mechanisms of children of immigrant and non-immigrant parents were identified:

- Children of immigrant parents - in difficult and tense situations, they show uncontrollable actions and try to find easy and affordable ways to get out of such situations. For example, when they feel pressure and tension in a particular situation, they try to get rid of the problem by running away from it and returning to the earlier stage of development when adults took care of them. In such situations, they increasingly use the forms of behavior characteristic to children, become more unrestrained, take immature and impulsive actions, often expect that others are obliged to help them.
- Children of non-immigrant parents - in order to justify their aggressiveness and reluctance, they attribute feelings and thoughts unacceptable to them to other people, they can easily blame others. Most of the time, they look at the people around them with suspicion and show distrust towards them. However, there are times when positive, socially desirable feelings, thoughts, or actions are attributed to other individuals by them.

As you know, the research test on aggression selected by us also allows to identify the index of manifestation of hostility and aggressive behaviour.

Compared to children of non-immigrant parents, both hostility and aggressiveness are higher in children of immigrant parents. Hostility includes abuse and jealousy, while aggressiveness includes physical aggression, irritation, and verbal aggression.

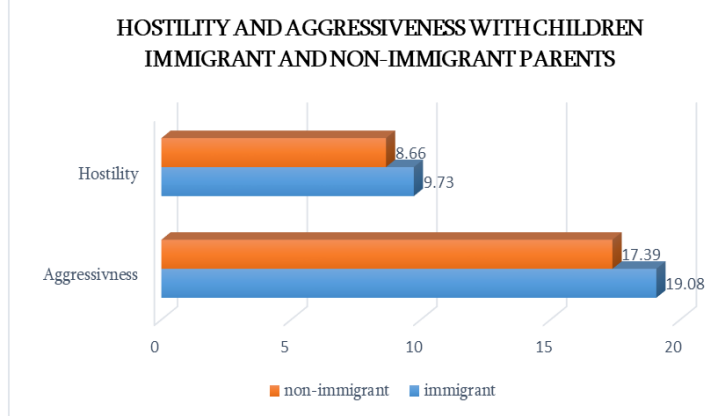

fig 4.

It was also interesting for us to check the correlation between the most manifested forms of aggression (irritability and verbal aggression) and psychological defense mechanisms. Based on the empirical analysis, a statistically significant relationship was established between the mentioned forms of aggression and psychological defense mechanisms as regression and projection (irritability - regression $r=0.504$, $P<0.01$; irritability - projection $r=0.376$, $P<0.01$; verbal aggression - regression $r=0.253$, $P<0.05$; verbal aggression - projection $r=0.338$, $P<0.01$;) In other words, the more the children of immigrant parents manifest such forms of aggression as irritability and verbal aggression, the more they use such psychological defense mechanisms as projection and regression.

As for such a mechanism of psychological defense as intellectualization, which is also presented with a high frequency together with regression and projection, its relation with irritability and verbal aggression was

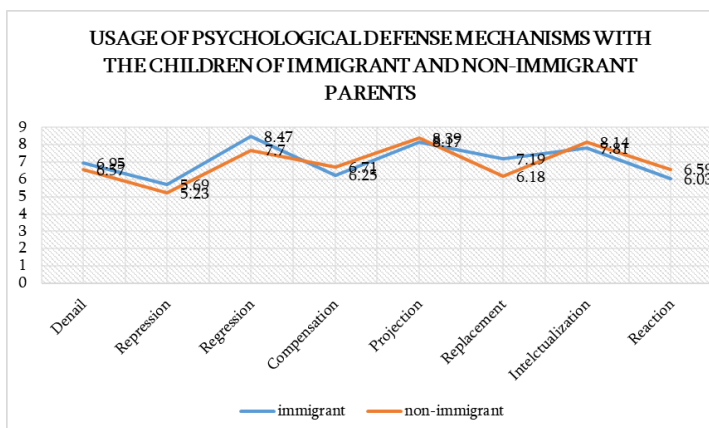

fig 3

not confirmed. Moreover, there is a tendency of relationship with the opposite sign between the mentioned variables.

Conclusion

Based on the analysis of the conducted research data, the following conclusions can be made:

- Children of both immigrant and non-immigrant parents show verbal aggression the most, and negativism the least;
- The data of all forms of aggression, except the feeling of guilt, are higher in the case of children of immigrant parents than in the case of children of non-immigrant parents;
- Verbal aggression and irritability were detected with the highest frequency among

children of immigrant parents;

- The data are also different according to the use of psychological defense mechanisms. In the case of children of immigrant parents, a significantly higher rate was revealed on the regression scale. Children of non-immigrant parents most often resort to projection and intellectualization.
- On the basis of empirical analysis, statistically significant connections were established between some forms of aggression and psychological defense mechanisms. In particular, the more children of immigrant parents resort to such forms of aggression as irritability and verbal aggression, the more they use such mechanisms of psychological defense as projection and regression.

Reference:

- [1]. Tsaava, M. Mother-daughter relationship via Skype. Thousands of immigrant women do not see how their children grow up. Tb. 2020
- [2]. Theresa H M Kim; Sukhleen Deol; Monica Lee; Hala Tamim-Characteristics of Physical Aggression in Children of Immigrant Mothers and Non-immigrant Mothers: A Cross-Sectional Analysis of the Survey of Young Canadians. 2019
- [3]. Laxman Singh Kunwar- Impacts of Parental Migration on Children Left Behind. 2022
- [4]. Youn Kyoung Kim; Cecilia Mengo- Antisocial attitude and aggressive behavior among immigrant children: The moderating effects of parent-child relationships. 2018
- [5]. Chenyue Zhao; Feng Wang; Xudong Zhou; Minmin Jiang; Therese Hesketh - Impact of parental migration on psychosocial well-being of children left behind: a qualitative study in rural China. 2018

КАХИ КОПАЛИАНИ

Доктор психологических наук, профессор – Сухумский государственный университет
(Грузия)

ТАМАР АДЕИШВИЛИ

Доктор доктор социальных наук наук, профессор – Сухумский государственный университет (Грузия)

РЕЗЮМЕ**ОСОБЕННОСТИ ВЫЯВЛЕНИЯ АГРЕССИИ И ИСПОЛЗОВАНИЕ МЕХАНИЗМЫ ПСИХОЛОГИЧЕСКОЙ ЗАЩИТЫ У ДЕТЕЙ РОДИТЕЛЕЙ-ИММИГРАНТОВ И НЕИММИГРАНТОВ**

В статье описаны особенности выявления форм агрессии и механизмы психологической защиты у детей родителей-иммигрантов и неиммигрантов.

Исследование проводилось по масштабам Тбилиси, общее количество респондентов составило 172 подростка в возрасте 14-19 лет. В исследовании использовался тест на агрессию, разработанный А. Басом и А. Дарком, и тест Келлермана-Плутчика «Индекс образа жизни», позволяющий выявить механизмы психологической защиты.

На основе анализа полученных результатов были выявлены наиболее доминирующие формы агрессии у детей родителей-иммигрантов и неиммигрантов, а также определены различия между ними. Также выявлены особенности использования механизмов психологической защиты, составлены профили проявления агрессии и действия механизмов психологической защиты у детей родителей-иммигрантов.

На основе эмпирического анализа установлены статистически значимые связи между формами агрессии и механизмами психологической защиты.

TAMAR CHARKVIANI

Associated Professor, Caucasus School of Humanities and Social Sciences
Caucasus University (Georgia)

THE IMPORTANCE AND INFLUENCE OF LABOR MOTIVATION ON THE
INSTITUTIONALIZATION OF FORMAL AND INFORMAL LABOR PRACTICES
(CASE OF GEORGIA AND GERMANY)

DOI: <https://doi.org/10.52340/isj.2024.27.04>

Abstract. Market process-oriented reforms in Georgia at the beginning of the 90s intensified the acuteness of the problem of adapting the population to drastic changes in the sphere of labour. As a result of this new types of social-economic behaviour not practised before emerged in the social-economic spheres. For the analyses of adaptation models in the sphere of labour developed in Georgia, it is important to compare them to models existing in countries with a well-formed market system, such as Germany. Unlike Germany, labour relations in Georgia become an object of a clash of private interests and employees start to unite under clan principles. What is being developed is not a jural state but a conglomerate of small communities, which put group interests and norms and the leader's authority in the place of public interests. In Georgian collectives, unlike German ones, labour actions of individuals are directed by attractive motivation (or an emotional feeling of complicity with one another), hence in Georgia informal procedures hinder effective labour activity.

Hence, this article attempts to analyse the structure of labour motives of subjects of labour relations as factors affecting formal and informal practices of labour behaviour in Georgia and Germany. It is important to understand what kind of labour motives promote or prevent the spreading of informal labour practice; which social conditions influence the formation of such motives in German and Georgian labourers; how labour motivation influences forms of integration in the society; which forms of labour activity are encouraged by the society and why; which models of labour activity are formed in Georgia

and Germany based on different labour motives. Problems connected with labour motivation are of current importance in Georgia. The sociological research was based mainly on qualitative research methods. Several research methods have been used: analysis of theories, interviews, empirical sociological research, etc.

keywords: labour practices; Informal labour; Formal labour; Work Motivation

Introduction.

Introduction. Market process-oriented reforms in Georgia at the beginning of the 90s intensified the acuteness of the problem of adapting the population to drastic changes in the sphere of labour. As a result of this new types of social-economic behaviour not practised before emerged in the social-economic spheres – labour has transformed from obligation into a right, the scope of possible forms of occupation has widened, socially sanctioned motives of labour activities have considerably changed, the ideology of justification of individual wealth and private property has come back etc. Drastic changes in the attitude to private property have led to the gradual formation of a new labour values and priorities hierarchy, which resulted in the gradual formation of new models of social labour behaviour and hence to the actualisation of problems connected with the forms of motivation of activities of labourers in a qualitatively different social-economic situation. Problems of adaptation of different groups and strata of Georgian society were determined by these substantial changes in the values and motivational

orientations (Baumann E, 2010).

Of all types of social activities, labour activities have the biggest role in the construction of real everyday life. Labour activity, as one of the basic social processes, most fully realises the potential of the society (Schceth S. 2011). The study of problems of adaptation processes in the sphere of labour reveals models of adaptation to the new socioeconomic situation existing in Georgia and the adequacy of these models to the requirements of a market economy and a democratic society. Labour behaviour and labour relations skills acquired by the labourers in a socialist economy (with all their advantages and disadvantages) today turn out to be inadequate to the new social and labour relations (Giddens, A. 1990). We must take into consideration the experience of countries with developed market economies, gained by them through many years – schemes, models and patterns of labour relations (Schneider, F. 1994a). For the analyses of adaptation models in the sphere of labour developed in Georgia, it is important to compare them to models existing in countries with a well-formed market system, such as Germany.

Hence, this article attempts to analyse **the structure of labour motives of subjects of labour relations as factors affecting formal and informal practices of labour behaviour in Georgia and Germany**. It is important to understand what kind of labour motives promote or prevent the spreading of informal labour practice; which social conditions influence the formation of such motives in German and Georgian labourers; how labour motivation influences forms of integration in the society; which forms of labour activity are encouraged by the society and why; which models of labour activity are formed in Georgia and Germany based on different labour motives (WORLD BANK, 2009).

The sociological research was based mainly on qualitative research methods. Several research methods have been used: analysis of theories, interviews, empirical sociological research, etc. Two types of interviews are used within the

framework of the research: with field specialists (experts) and biographical narrative interviews. Both types of interviews were based on a semi-structured research questionnaire, which involves a conversation without strictly detailing the questions, But according to the unified plan. The questionnaires were structured thematically, and Relevant blocks of research issues were identified in them. The selection of respondents the so-called according to the principle of the snow team included 15 respondents (two German and three Georgian experts), 10 respondents were Georgian immigrants in Germany with higher education aged 25-65).

Informal labour relations as a form of integration in Georgian society

Tasks achieved in this part of the article include the study of functional characteristics of informal relations and the definition of a values and norms structure adequate to the Georgian society supporting professional activities of a Georgian labourer.

What regulates social behaviour in a socio-cultural unity is a typical complex of patterns of behaviour directing an individual, including his/her professional activities. Any professional activity is determined by professional functions, i.e. a profession requires individuals to have certain behaviour qualities. Hence, professional activities are determined by an active behaviour regulator, forming a typical behaviour image of professional activities

The absence of qualities corresponding to market economy requirements in labourers considerably hinders the process of further adaptation of the population to the new situation in the sphere of labour, which in its part, can become one of the basic reasons for the development of informal labour relations in the employment sphere.

Informal labour relations include any relations emerging at work beyond formal relations, i.e. when labour relations are based more on personal contacts – friendship, nepotism, patronage, good relationships with the management, etc.,

rather than formal rules or agreements (Mars G.; Altman Y, 1987). Formal relations, on the other hand, include relations established by a formal document (statutes, regulations, instructions, orders, agreements, etc.) (North D, 1966).

Results of my research revealed that although the type of labourer characterized by inertness and absence of urge towards professional growth prevailed, a great number of labourers hoped to succeed in the new economic conditions not by acquiring these professional qualities but by employing old forms of goal achievement; in the soviet period this was often done through patronage, influence, nepotism etc.

'The whole Soviet society was formed by asocial persons. On the one hand, there was a legal system, on the other – an informal system of relations which was latently spread in our society as a new Soviet system of values (an expert).

In Georgian society, group decisions are preferred to the decisions of individuals. In the interaction of individuals personal relations and those of mutual trust prevail over formal relations. Informality and confidence of relations involve indistinctly defined functional obligations for each individual. This results in an absence of severe control over the quality of fulfilment of labourers' obligations. The absence of control and development of informal relations in the labour sphere causes public institutions to lose the function of satisfying public requirements and become ineffective, being oriented on the realisation of personal or group (clan) interests.

'Labourers identify themselves with a group, they are devoted to 'their group' and work for its benefit and not for the benefit of the society but often against it' (a respondent).

Informal norms which define individual behaviour cause the emergence of 'group interaction ethics', i.e. morals, regulating group interaction, resulting from the public necessity of regulating human behaviour and forming

behaviour stereotypes. However, informal norms, being social regulators, need to rely on social institutions, necessary for their realisation (reference group, family, church, school and other institutions of the kind).

Informal relations (group interests) function as a social regulator, they influence the motives, goals and means of actions of people through social institutions. Small groups form rather a complicated system of norms. The main principle of a group is to "be like the others", in this case, the community, collective hinders the personal inclination of an individual to stand out of the community – disapproves or even tries to eliminate the qualities differentiating them from the others.

According to the research carried out in Germany, informal labour relations in the above sense exist here too but they are not as widespread as in Georgia.

'Sure, Nepotism is widely spread and Patronage as well. Without contacts you might not be finding a good job which means you have to behave according to informal rules and codes' (a respondent).

'The contacts are usually based on informal relations. For instance, a young man is arriving to Berlin and knows that one of his relatives has a restaurant. He can easily start working in this place without even having job permission. Sometimes it's enough to be of the same origin to get a job. Thus, there are certain fields taken by people of a certain origin. Turkish people in the foodstuff field, Georgian girls as babysitters, Georgian men as construction workers, etc' (a respondent).

As the importance of professionalism regulating labour relations prevails over informal relations in Germany unlike Georgia, Germans especially disapprove of informal labour relations in high positions.

'Organised labour is weak in Germany, so it

might be difficult to introduce laws safeguarding that you are not a victim of informal arrangements at the workplace. It would be fair to give people a chance, meaning that in highly competitive areas such as science, public administration and state agencies employment should not be based on personal relationships. I guess that could be implemented by law' (a respondent).

Ultimately, Germans appreciate professional qualities more than informal relations; they are oriented on a high quality of work results, as the quality of their work determines how they are evaluated by society. Hence, to be employed or promoted a candidate in Germany, according to the respondents, must have certain professional qualities.

'First, one must make a good account of oneself, i.e. prove that one is capable of carrying out the work at the required level of quality. Just acquaintance, patronage and other informal relations cannot compensate for his/her lack of skill' (a respondent).

The essence of labour motivation

In post-Soviet countries changes in economic system and forms of property determined institutional changes in the sphere of labour and this, in its part, changed **motivational characteristics** of labour activity. First, it is necessary to specify the concept of 'labour motivation', discuss its basic realizations, and later define its role in the social adaptation of labourers to the new conditions and attitude of society to it. Any human activity is determined by practically existing needs. People strive either to achieve or to avoid something. In a narrow sense, the word 'motivated activity' – has the meaning of free, internally motivated human actions, aimed at achieving goals and realisation of interests. In motivated activities, a labourer independently determines the extent of actions, depending on internal motivation and conditions of the environment.

Labour motivation – is the urge of a labourer to satisfy his/her needs (gain certain welfare) by means of labour activity. The structure of labour motives involves **necessity**, which the labourer strives to satisfy; **welfare**, capable of satisfying this necessity; **labour activity**, necessary for gaining the welfare; and **price** – material and moral cost connected with the realisation of the labour activity. In the formation of labour motivation, the character of norms and values adopted by the individual and giving meaning to their further labour activity, determining their way of life, is of utmost importance. It makes a big difference what norms and rules of labour life are adopted in the process (Turner, J. H., 2009). A person starts professional labour activity having a formed understanding of values. He/she knows what interests he/she would like to realise by using labour. A specific labour environment makes him/her transform their value orientations and make them more realistic. This is how the second, practical layer of labour consciousness is formed, determined on the one hand by the value orientations of the person and on the other – by specific circumstances of professional labour life. Practical demands to work determine specific motivation, which, unlike value consciousness, predetermines the choice of ways and methods of their realisation (Turner, J. H., 1987).

Labour motivation is one of the most important factors in the effectiveness of labour, it represents the basis of a labourer's potential, i.e. all the qualities influencing production activity. Labour potential consists of psycho-physiologic potential (abilities and inclinations of a person, his/her health, capacity for work, stamina, and type of nervous system) and personal (motivational) potential. Motivational potential acts as a trigger, determining which abilities and to what extent the labourer is going to develop and use in the process of labour activity. The connection between motivation and results of labour is mediated by natural abilities and acquired labour skills, but it is the motivation that serves as a source of labour activities of a person (Abrutyn, S., and O. Lizardo, 2023).

Labour motivation has a different character with representatives of different cultures. It is impossible to influence representatives of different cultures in the same way using the same stimulation mechanism, i.e. labour motivation of Georgian, German, Russian and American persons is different. It is necessary to use different stimulating instruments to motivate them and the same stimulation mechanism cannot motivationally influence them all in the same way (European Commission, 2003).

To better understand the differences in reactions of representatives of various cultures to the same stimulus, we will give the following example: *A German management specialist having read A.I. Turgenev's short story 'Mumu' came up with an interesting idea: 'I cannot understand. Why choose both two evils? – The landowner's wife gives Gerasim a simple, clear stimulus: if you want to live in the estate, drown the dog; if you love the dog, take it and leave for the village. Any German would choose one of these options. Gerasim chose neither. His action is paradoxical – he carries out the order and rejects the award. Gerasim doesn't understand simple, clear stimuli and reacts unexpectedly!'*

In this maxim and the surprise of the German specialist lie the answers for the solution to the problem – why do representatives of post-Soviet countries – Russians, as well as Georgians, differ from the Germans and how does their motivation differ? The key to understanding this is 'a clear stimulus. A German having received a 'simple stimulus' will be 'motivated'. In other words, a rational stimulus induces (motivates) a rational action. German stimulation is rationally individualistic as the culture itself directs the labourer to individualistic values, which he/she rationally perceives. Rational stimulation involves clear objectives and calculates (well-grounded) ways of their achievement. Individual stimulation is based on the principle of the labourer's devotion. It enables the labourer to choose the way to make his/her living, which corresponds to his/her level of professionalism and devotion independently, not being directed by

other labourers. The labourer carries full personal responsibility for the quality of work carried out. A Georgian labourer, on the contrary, is irrational and un-individualistic. This differentiates the Georgians from people brought up in Western cultures – reacting 'ambiguously' to 'clear' stimuli. A rationally organised stimulus induces irrational motivation, i.e. unexpected behaviour for the giver of the stimulus. It is irrational, or more precisely attractive (attractiveness from Lat. *tractio* – attraction, inclination). We have to point out that irrational does not mean 'not thinking', or 'not reasoning'. Rationality is just one form of human thinking, there is another – attractiveness. Attractive thinking has a certain quality – lack of calculation, as calculation is characteristic of a choice not of an attractive ideal but of a rational objective. Attractive motivation does not exclude an urge towards material profit, but this urge is just as irrational, uncalculated and based on faith as an urge towards any other ideal. The power of a dogmatic, attractive, irrational urge towards an ideal is immeasurably bigger than a rational, phased movement to the aim. So, firstly, an irrational ideal requires a lack of a plan of movement in its direction, and secondly, the realisation of attractive energy by an individual can only be impulsive.

Labour stimulation may contain the qualities of an aimed-rational or/and value-rational stimulation. In aimed-rational stimulation, the use of rational stimuli is increased, which decreases the effectiveness of attractive ones.

According to the results of the study, Georgians are more attractively motivated, they are directed to act 'in the name of...' the values. But rational stimulation can define only rational objectives (career or wealth), and not attractive values. For an individual acting rationally wealth and career are not values but objectives, achievement of which is defined by certain regulations. On the other hand, for an impulsive, attractive individual, whose actions are not regulated (having no valid regulations or because of impossibility to follow them), an urge towards wealth and career are regarded as values.

This kind of urge usually turns into passion (an attractive social incontrollable inclination).

Comparative analyses of the attitude to labour in Georgia and Germany

Overall, the regulation of the social behaviour of Georgian labourers cardinally differs from the regulations of Western individuals. Typical behaviour of Western individuals is based on individual responsibility – on a rational elaboration of the instrumental strategy of achieving one's due by an individual. On the contrary, the algorithm of Georgian behaviour is based on *collective conviction – on acting together, conjointly* ((Simmel, G.1989).

Analyses of Georgian behaviour in comparison to the Western type show the difference characterised by M. Weber as the difference between aimed-rational and value-rational (attractive) social actions. Attractively oriented individuals value general norms and ideals higher than their aims. Hence in interaction, Georgians adopt priority of norms reflecting collective interests (Alexeev, M. and William P. 2003.).

But if aimed-rational actions, based on the individualism and pedantry of Western people, formulate the principle of rational decision-making by an individual with an orientation on getting an individual result (everyone relies only on oneself); attractive, on the other hand, proceeds from impulsiveness and collectivism. And it is the collective that determines the status of an individual. A Georgian, independent from the collective turns into a marginal. This system is based on an industrious labourer, who is collective responsibility oriented, inclined to conservative forms of labour activities, not connecting his/her social status with his/her achievements in labour. Responsibility for personal welfare is shifted to the 'top' (Schwellnus, C., et al. 2019).

Hence, the motivation of an employee in Georgia in modern conditions has acquired a specific form – that of attractive motivation. In

Georgian social 'dependency' on the collective, the principle 'be like the others' prevails. Based on this, the Georgian collective does not value individual labour but labour giving a synergic effect in collective interaction. Because of this, quantitative (rational) evaluation of the labour contribution of everyone violates the norm – 'do not stand out.' (Burger, C., 2003). But to achieve a synergic effect it is necessary to activate a separate individual and motivate him/her. This is possible when the individual starts realising his/her 'personal objectives'. The motivation mechanism must coordinate the objectives of an individual with collective aims (International Labour Organization, 2016).

Analyses of the functioning of the main social regulators show that in Georgian collective actions of individuals are directed by attractive motivation (or an emotional feeling of complicity with one another). Georgians are assisted here by an instrumental principle 'be like the others and follow the leader'. A separate individual strives to gain a collective evaluation as an acknowledgement of following the main principle of the Georgian collective. Consequently, the motive of a Georgian individual can be defined as an urge towards gaining the leader's evaluation. Georgians do not 'earn' like Germans, they 'deserve'. Such evaluation of an individual's merit is expressed in informal benefits and liberties. Leader orientation, an urge to deserve the benefits, and accordingly a position (status) in the collective represents the principle of 'office devotion' (Benzecry, C., and R. Collins, 2014).

Per se, this is the general principle of self-actualisation of a Georgian individual. A German labourer 'earns', a Georgian – 'deserves'. 'Earning' is a rational-individualistic **motivation** of a German labourer, stimulated mainly by a pecuniary form of compensation of labour; 'deserving' – attractive-collectivist motivation of a Georgian labourer, stimulated mainly by a system of informal benefits as the main form of compensation of labour; For a German the most typical form of initiative is private (or personal), predetermined by 'earning', for a Georgian –

that of serving, office devotion, devotion to the organisation and its fair, understanding leader (the leader is 'fair' when he/she can, in certain cases, deviate from the regulations and come to meet the labourer's needs, a good boss is the one who understands, what his/her subordinates need. The leader's authority is based on giving liberties to the members of the collective, who can follow the 'unwritten rule' and deviate from the *lawful* regulations (deviations from the regulations in Georgia are probably more regular than the regulations themselves) (Ritzer, G, 2008). These deviations from the regulations have the form of informal benefits or liberties, which in our culture represent a traditional mechanism of motivating individuals and at the same time, they serve as an essential instrument for any hierarchical organisation (Vaisey, S. 2009).

'Informal liberties are essential for any administrative structure in Georgia. Benefits and liberties in our culture are the basic instruments of stimulation of individuals' (a respondent).

However, from the point of view of market economy professional behaviour of an employee requires aimed-rational behaviour (Patnam R. R. Leonardi, R. Y. Nanetti, 2003). It is this behaviour that according to the experts, guarantees the normal functioning of social institutions. Another thing is, that motivation of an employee involves value-rational character, i.e. it must be based on the principle: 'in the name of...', but to make this principle – a principle 'in the name of... the state, public interests' and not 'in the name of ... the family, friends, acquaintances, the clan' it must be rationally organised. A rationally organised stimulation must create the value motivation of individuals (T. Charkviani. 2006).

'Effectively functioning economics require a different kind of labourer, one oriented on the maximal achievements in labour, initiative, taking responsibility not only for his/her fate but for the success of the common work, well informed of his/her rights and counting first on his/her abilities.'

A labourer of this kind strives to improve his/her qualifications, as with these he/she associates his/her possibilities in labour. He/she is capable of innovative activities' (a respondent).

In Western society 'office devotion' is functionally correlated with 'private initiative'. Both guarantee the organisation of the energy of individuals on achieving social aims through the achievement of their objectives, their function being to ensure social integration of the society. Both devotion and private initiative are the forms of organisation of social energy of individuals, a way for their self-actualisation.

'Human ambitiousness, an urge towards career development differs. In Georgia, there are probably more passive people than in other countries. However, I would not start criticising national qualities. In Germany, they say, people live to work. While in other countries they work to live' (a respondent).

Apart from this, a Georgian must have a certain set of behaviour qualities essential for the realisation of his/her professional activities. The most important quality of professional activities, necessary for an official is aimed rationalism, which is characterised as a systematic action, stimulated by rationally conscious motives (rational motivation).

On the whole, according to the experts, the behaviour of an employee must be: *'Systematic, as a way of behaviour, which implies setting aims and tasks, defining the ways of action (methods) for the achievement of these aims and tasks; controlling the correspondence of the procedures performed with the plan parameters; technological discipline, i.e. following the regulations and clear norms describing the procedures essential in labour activities'* (a respondent).

Conclusion

Problems connected with labour motivation are of current importance in Georgia. Unlike Germany, labour relations in Georgia become an object of a clash of private interests and employees

start to unite under clan principles. What is being developed is not a jural state but a conglomerate of small communities, which put group interests and norms and the leader's authority in the place of public interests. In Georgian collectives, unlike German ones, labour actions of individuals are directed by attractive motivation (or an emotional feeling of complicity with one another), hence in Georgia informal procedures hinder effective

labour activity. Systems resembling the ideal type described by Weber come to create a great number of ways of informal actions. Partly this is caused by the fact that a lack of flexibility can be overcome using an informal attitude to formal rules. People involved in such contacts may be more interested in satisfying or protecting their rights than in fighting for the interests of the State.

References:

- [1].Abrutyn, S., and O. Lizardo. 2023. "A Motivational Theory of Roles, Rewards, and Institutions." *Journal for the Theory of Social Behaviour* 53(2): 200–220.
- [2].Abrutyn, S., and J. Zhang. 2024. "Morality, Affect, and Reputation in the Making of a Motivated Social Self." *Sociological Theory* 42(1): 73–96. (Abrutyn, S., and J. Zhang, 2024)
- [3].Alexeev, M. and William P. 2003. «A note on measuring the unofficial economy in the Former Soviet Republics», *Economic of Transitions* 11/1, pp.1-23
- [4].Baumann E. 2010. «Post-Soviet Georgia: The Rocky Path towards Modern Social Protection», *Social Policy and the Global Crisis*, ESPANET Conference, Budapest, September 2-4, recherche-iedes.univ-paris1.fr/membres/membres-permanents/Baumann-Eveline
- [5].Benzecry, C., and R. Collins. 2014. "The High of Cultural Experience: Toward a Microsociology of Cultural Consumption." *Sociological Theory* 32(4): 307–326.
- [6].Boeri, T, and Terrell, k. "Institutional Determinants of Labour Reallocation in Transition", *Journal of Economic Perspectives – Volume 16, Number 1 Winter 2002*, p. 51-76.
- [7].Burger, C. «Labour Markets, Labour Market Policies and Challenges in the Candidate Countries», in: Handler, Heinz (ed.), «Structural Reforms in the Candidate Countries and the EU», Austrian Ministry for Economic Affairs and Labour, Economic Policy Center, Vienna, July 2003
- [8].Charkviani T. Informal labour relations in Governmental institutions. Collection of articles: South Caucasus: Spaces. Histories. People. 2006, p.234.
- [9].European Commission, "Employment in Europe", Directorate General for Employment & Social Affairs, 2003a. European Commission, «Social protection in the 13 candidate countries — a comparative analysis», 2003b.Eurostat, «Labour Costs Survey 2000» 18/2003.
- [10].Giddens, A. 1990. *The Consequences of Modernity*. Cambridge: Polity Press.
- [11].International Labour Organization (2016). *Non-standard employment around the world: Understanding challenges, shaping prospects*. International Labour Office – Geneva.
- [12].Mars G.; Altman Y. 1987. «Case Studies in Second Economy Production and Transportation in Soviet Georgia» in Allessandrini (S.), Dallago (B.) (eds), *The Unofficial Economy. Consequences and Perspectives in Different Economic Systems*, Aldershot, Gower Publishing Company, p. 197-219.
- [13].North D. 1966. *The Economic Growth of the United States: 1790-1860*. W. W. Norton & Company.
- [14].Patnam R. R. Leonardi, R. Y. Nanetti, 2003. *Making Democracy Work: Civic Traditions in Modern Italy*. Princeton University Press.
- [15].Ritzer, G. 2008. *Georg Simmel, Modern Sociological Theory*, Published By: Sage Publications, Inc.
- [16].Schceth S. 2011. «Assembling International Competitiveness: The Republic of Georgia, USAID, and the Doing Business Project», *Economic Geography*, 8 (1), p. 51-77.
- [17].Schneider, F. 1994a. "Measuring the size and development of the shadow economy. Can the causes be found and the obstacles be overcome?" in: Brandstaetter, Hermann, and Güth, Werner (eds.), 29 "Essays on Economic Psychology", Berlin, Heidelberg, Springer Publishing Company, pp. 193-212
- [18].Schwellnus, C., et al. 2019, «Gig economy platforms: Boon or Bane?», OECD Economics Department Working Papers, No. 1550, OECD Publishing, Paris, <https://doi.org/10.1787/fdb0570b-en>.
- [19].Simmel, G.1989. *Philosophie des Geldes*, in Georg Simmel Gesamtausgabe, Band 6. Frankfurt am Main: Suhrkamp

- [20]. Turner, J. H. 1987. Toward a sociological theory of motivation. *American Sociological Review*, 52(1), 15–27. <https://doi.org/10.2307/2095389>
- [21]. Turner, J. H. 2009. “The Sociology of Emotions: Basic Theoretical Arguments.” *Emotion Review* 1(4): 340–354.
- [22]. Vaisey, S. 2009. “Motivation and Justification: A Dual-Process Model of Culture in Action.” *American Journal of Sociology* 114(6): 1675–1715.
- [23]. WORLD BANK. 2009, Georgia Poverty Assessment, Washington D.e., World Bank, Human Development Sector Unit, [Report nO 44400-GE]. WHO (World Health Organisation) [2009a], Georgia. Health System Performance Assessment, Geneva, WHO. WHO (World Health Organisation) [2009b], The European Health Report 2009. Health and Health Systems, Geneva, WHO.

ТАМАР ЧАРКВИАНИ

Ассоциированный профессор, школа гуманитарных и социальных наук
Кавказского университета. Веб-сайт: www.cu.edu.ge (Грузия)

ВАЖНОСТЬ И ВЛИЯНИЕ ТРУДОВОЙ МОТИВАЦИИ НА ИНСТИТУЦИОНАЛИЗАЦИЮ ФОРМАЛЬНЫХ И НЕФОРМАЛЬНЫХ ТРУДОВЫХ ПРАКТИК (Опыт Германии и Грузии)

Резюме

Ключевые слова: Трудовая практика; Неформальный труд; Формальный труд; Рабочая мотивация

Реформы, ориентированные на рыночные процессы, в Грузии в начале 90-х годов обострили проблемы адаптации населения к резким изменениям в сфере труда. В результате этого в социально-экономических сферах возникли новые, ранее не практиковавшиеся виды социально-экономического поведения. Для анализа моделей адаптации в сфере труда, разработанных в Грузии, важно сравнить их с моделями, существующими в странах с хорошо сформированной рыночной системой, таких как Германия. В отличие от Германии, трудовые отношения в Грузии становятся объектом столкновения частных интересов и работники начинают объединяться по клановым принципам. Развивается не правовое государство, а конгломерат небольших сообществ, которые ставят групповые интересы и нормы, а также авторитет лидера на место общественных интересов. В грузинских коллективах, в отличие от немецких, трудовые действия индивидов направляются привлекательной мотивацией (или эмоциональным ощущением сопричастности друг другу), поэтому в Грузии неформальные процедуры препятствуют эффективной трудовой деятельности. Таким образом, в данной статье предпринята попытка проанализировать структуру трудовых мотивов субъектов трудовых отношений как факторов, влияющих на формальные и неформальные практики трудового поведения в Грузии и Германии. Важно понять, какие трудовые мотивы способствуют или препятствуют распространению неформальной трудовой практики; какие социальные условия влияют на формирование таких мотивов у немецких и грузинских рабочих; как трудовая мотивация влияет на формы интеграции в обществе; какие формы трудовой деятельности поощряются обществом и почему; какие модели трудовой деятельности формируются в Грузии и Германии на основе разных трудовых мотивов. Проблемы, связанные с трудовой мотивацией, актуальны в Грузии. Социологические исследования основывались преимущественно на качественных методах исследования. Использовались несколько методов исследования: анализ теорий, интервью, эмпирические социологические исследования и т. д.

АМИРАН БЕРДЗЕНИШВИЛИ

Доктор философских наук, профессор департамента социологии и социальной работы
Тбилисского государственного университета им. Иване Джавахишвили (Грузия)

КАХА КЕЦБАИА

Доктор философских наук, ассоциированный профессор департамента социологии
и социальной работы Тбилисского государственного университета им. Иване
Джавахишвили (Грузия)

ОБЩЕСТВО И ЧЕЛОВЕК В ПОСТСОВЕТСКУЮ ЭПОХУ

DOI:<https://doi.org/10.52340/isj.2024.27.05>

Современная эпоха – эпоха кардинальных социальных изменений, принимающих тотальный, универсальный характер. Это касается всех сфер бытия: экономической, политической, правовой, религиозной, культурной и т. д. Идёт глобализация этих сфер. В ряду изменений самое главное – демонтаж социалистической системы. Человечество сегодня наблюдает за невиданным до сих пор процессом – переходом из социалистической формации в капиталистическую. Естественно, возникает вопрос: Какого характера этот процесс – прогрессивного или регрессивного? Куда идёт человечество? Каково социальное бытие человека в постсоветском трансформационном обществе? Эти вопросы требуют ответа. Разумеется, на уровне эмпирического познания можно заключить: Социальные процессы по направлению свободы и демократии, развиваются, но, всё таки, в постсоветском пространстве они приобрели регрессивный характер, потому, что здесь социальное бытие, по сравнению с предыдущей формацией, крайне тяжёлое. Более глубокий, рациональный анализ должен показать сущностное положение. Ключ к анализу лежит в содержании самом понятии свободы.

Действие человека свободно тогда, когда его поступок зависит от его воли. Воля – это есть умение принимать собственное сознательное решение. Свобода является непременным волевым поведением, но не наоборот, т. е. не каждое волевое поведение является свободным. Когда человек действует не по своему выбору, своему желанию, а по чужой воле – это вынужденное действие. Там,

где принуждение – нет свободы. Я свободен лишь тогда, когда действую по своему желанию. Желание, воля и возможность выбора – постоянные сопутствующие условия свободы. Следуя такому понятию свободы, можно сказать, что современный человек не отличается высокой степенью свободы. Его действия определены внешними факторами и носят принудительный характер. Это касается людей всех обществ, включённых в процесс глобализации, но особенно – живущих в постсоветском пространстве. Правда, в этом пространстве идёт процесс демократизации и человек формально *de jure* стал свободным, но *de facto* он всё таки не свободен. У него нет выбора или выбор настолько узок и ограничен, что границы его выбора можно представить формулой С. Киркьегора: «Или-или».

Постсоветскому обществу и человеку приходится идти в том направлении общественной жизни, которая сама меняется значительно в силу объективных, анонимных процессов. Это индивидуализированное общество, в котором человек чувствует себя менее защищённым и хрупким, чем в индустриальном обществе. Это общество, в котором утерян баланс частного и общественного, как фундамента социального порядка. Такие исследователи современного западного общества и человека, как Р. Бурдье, З. Бауман, Э. Гидденс, У. Бек и др., подчёркнуто отмечали тягостный натиск глобальных анонимных сил на судьбу или участь современного человека. Глобализация, в первую очередь, означает ослабление или полную потерю контроля со стороны человека над теми процессами и яв-

лениями, которые значительно влияют на его судьбу. По мнению З. Баумана, у формирования и укрепления глобальных союзов и сетей нет ничего общего с контролированием и управлением общих явлений. Понятием «глобализация» сегодня описываются процессы «...представляющиеся произвольными, стихийными и беспорядочными, процесс, помимо людей, сидящих за пультами управления, занимающихся планированием и, тем более, принимающих на себя ответственность за конечные результаты». именно «глобализация» возвещает об обретении некоей естественности на том пути, по которому развиваются события в современном мире: сегодня они, по существу, беспредельны и бесконтрольны, носят квазистихийный, незапланированный, непредвиденный, спонтанный и случайный характер.

К глобальным, бесконтрольным силам, в первую очередь, относятся международный капитал и финансы, свободно перемещающиеся во всём мире. Их не удерживают ни этнические принципы, ни пространственные преграды. По тонкому замечанию З. Баумана, современные западные общества, которые боролись за то, чтобы сделать свой мир прозрачным, свободным от опасности и сюрпризов – сегодня оказались в ситуации, когда их возможности целиком зависят от изменчивых и скрытых сил. Вещи уже не подчиняются контролю. Социум теряет свою главную функцию – коллективным путём достигнуть чего-то насущного, а солидарными действиями внести решающие изменения в делах человеческих. Соответственно, люди теряют контроль над главнейшими социальными процессами. А за потерей контроля следует возрастающая неопределённость и прогрессирующая незащищённость личности перед лицом неконтролируемых им перемен. Такая ситуация принуждает людей отказаться от достижения далеко идущих целей и задач. Идеалы, как главный импульс человеческих действий, теряют силу и значимость. Это, в свою очередь, рождает желание переоценки и ревизии всех тех ценностей, которые раньше им казались незыблемыми и неизменными.

Именно такое ослабление социальности и коллективности рождает кризис граждан-

ственности современного общества, потерю веры индивидами в собственные силы, создаёт обстоятельство, когда человек является личностью *de jure*, но не *de facto*. По нашему мнению, З. Бауман делает на счёт этой ситуации правильное заключение, которое одинаково значительно как для решения стоящих перед западным обществом проблем, так и проблем, стоящих перед постсоветских, трансформационных обществ и людей. Это – выискивание и возрождение механизмов эффективных коллективных действий. Ни отдельные индивиды, тем более, ни индивидуализированные, обособленные личности не смогут выстоять перед натиском глобальных, социально неконтролируемых сил. Вывести из кризиса современное общество сможет только поиск новых форм коллективности и, соответственно, тех причин, которые определяют беспомощность и слабость существующих социальных институтов коллективного действия. Но пока западные общества найдут новые механизмы преодоления кризиса, в его среде зарождается новый тип человека, которому Э. Гельнер дал, может быть не совсем приятное, но точное определение: «Модульный человек». Это ползучий человек, который, фактически, ведёт качественно-номадную жизнь, и чей ореал качества расширяется с возрастанием масштабов глобализации. Это человек, у которого нет твёрдой опоры социального бытия. Он постоянно меняет место жительства и место работы и всегда должен быть готов приобрести новые знания и новую профессию. Правда, он идёт в ногу с быстрыми социальными изменениями современного общества, но «Модульный человек» превращается в космополита без родины, без национальности. Ясно, что у человека- космополита бытие – «одномерное» (Г. Маркузе) и, даже, если мы сочтём это приемлемым, то, всё равно, не выйдем из создавшейся ситуации, потому, что современные западные общества находятся сегодня в «информационной эпохе», где требования производства меняются быстрее, чем человек может освоить знания и навыки, необходимые для участия в новом производстве.

В диаметрально отличающейся ситуации находятся постсоветские общества и люди. Им приходится заново пройти тот путь, по ко-

тому прошли западные общества и за счёт ущерба коллективного единства достигли высокого уровня свободы личности.

А постсоветские люди прошли суровую школу тоталитарного режима, где было узаконено незначительность индивида по сравнению с коллективным (общим). Индивид был лишь исполнителем тех директив, которые давали тоталитарные, централизованные социальные институты. Включённый в социальную систему человек, фактически, был человеком свободным от свободного выбора и свободной воли. Потерявший свободу человек исполнял только роль «винтика» огромного социального и политического механизма. Взамен свободы он получал от государства гарантию необходимых для существования условий. Таким образом сформировался безинициативный, потерявший свободу «советский средний класс», советский народ без богатых и бедных. В основе этого лежала идея социальной справедливости. К этому ещё добавилось, что, начиная с 60-х годов XX столетия, в т. н. «стагнационном», коммунистическом периоде, за счёт падения морального уровня населения, средний жизненный, материальный уровень человека достиг такой высоты, когда у него появился вкус к легкой жизни. Он привык жить за чужой счёт, привык к мысли, что за всё отвечает государство, обеспечивающее благосостояние. У людей выработалось патерналистическое отношение к обществу и социально-политической системе. При такой материально «хорошей жизни» выросло несколько поколений, у которых формировалось слишком специфическое квазиполитическое и квазисоциальное, т. е. уродливое и фальшивое сознание. В них основательно искоренилось понятие личной, социальной и политической свободы, и не только понятие; Люди отвыкли жить и творить в свободных условиях, у них появилась «двойная мораль» и большинство из них превратилось в «несунов». Всё это даёт возможность понять, почему большинству населения постсоветских стран не легко перейти на принципы свободы и жить в новых экономических, социальных и политических условиях.

Если судить на примере Грузии, как об одной из постсоветских стран, то она оказа-

лась в сложнейшей ситуации, имея в виду совокупность внутренних (экономическая стагнация), и внешних (конфликты, потеря территорий) проблем. Здесь формировалось общество, которое не могло производить и создать столько материальных благ, которых было бы достаточно для удовлетворения собственных потребностей даже на минимальном уровне. Это общество, чьи влиятельные и держащие власть лица или кланы довели к концу XX столетия страну до грани разрушения тем, что разграбили стратегически значительные объекты, чтобы легче овладеть ими, или продать на выгодных для них, а не для страны, условиях. Это общество, в котором катастрофически растёт социальная и имущественная поляризация между горсткой очень богатых и оказавшимися в нищете огромным большинством. Соответственно, очень мало представителей среднего слоя, который является гарантией стабильности и развития любого государства.

В этом периоде катастрофически возросла коррупция и, несмотря на попытки пришедшей после «революции роз» власти – довести до минимума её масштабы – она является одной из главных преград на пути к новому обществу. Вызывает беспокойство то, что коррупция приняла как бы всеобщий характер, став почти составной частью нашей жизни, подтверждением чего является равнодушное и нейтральное отношение большей части общества к этой чуме.

Вызывает тревогу масштабы преступности, наркомании, проституции и «треффикинга», особенно среди молодёжи. Но особенно тревожно должно быть, как для общества, так и для власти, ежегодный рост самоубийств. Большинство населения не может активно включиться в деловой ритм, невелика занятость. Многие, особенно в деревне, оказались не готовым из-за патерналистического настроения. Но в формировании такой ситуации нельзя винить только власть, или прошедший режим – советский тоталитаризм. Ситуация заостряется теми объективными условиями, в какие попадает страна, переходя из одной социальной формации в другую. Известно одно древнейшее китайское заклинание, когда недоброжелатели «желали» друг другу жить в такое «интересное» время, когда в стране бу-

дут происходить большие социально-политические перемены.

Сегодня Грузия, как одна из постсоветских стран, переживает именно эпоху глубоких социальных, политических, экономических и культурных трансформаций. Любая страна, любое общество, даже находящееся в выгодных внутренних или внешних условиях, во время такой глубокой трансформации обязательно падает в состояние аномии, когда теряют силу старый, объединяющий общество моральный код, ценности, нормы поведения, а для утверждения и укрепления новых нужны десятилетия. Такая «долина скорби» является исторической необходимостью для любого трансформирующегося общества, иногда нужно целое поколение, чтобы войти в «страну обетованную». Это для тех обществ, которые оказались в выгодных условиях. Такие проблемы оказались даже у такого общества, каким была Германская демократическая республика; она, ведь, фактически, возвратилась в своё гнездо и, казалось, не должна была иметь проблемы. А что мы должны сказать о таком постсоветском обществе, каким является Грузия, которая попала в ареал пересечения интересов могучих стран! Наивно думать, что для разрешения этой сложной ситуации само собой придёт компетентная благородная, укомплектованная честными кадрами сильная власть, которая успешно пройдёт через сциллу привлечения иностранных инвестиций и харизмой защиты интересов собственного народа и решит все проблемы. Правда, львиная доля в решении проблем принадлежит политическому режиму и власти, но этого не достаточно.

Показателем трагичности постсоветского быта является также утрата доверия между людьми и дефицит ответственности. Опасная ментальная болезнь, оставшаяся от тоталитарного режима – это надежда на других, что в каждой удаче или неудаче субъектом является государство а что касается нас, рядовых граждан, мы не можем ничего изменить и судьба страны зависит не от нас. Большинство индивидов постсоветского общества настроено думать: Что может мне дать общество и страна; На пальцах можно перечислить тех, кто думает наоборот: Что я могу дать моей

стране? Мы, постсоветские люди должны осознать, что пути назад у нас нет, что к свободе идёт только одна дорога – основанная на рациональной экономике - демократическая. Иначе приобретённая нами свобода будет иллюзорной и фиктивной.

По этому мы не знаем куда девать приобретённую нами эту свободу. Старый *Habitus* создаёт большие преграды. Много надо думать для осознания: Можем ли мы, индивиды, имеющие нашу культуру и ментальность, стать свободными, ответственными, растпрягающимися своей судьбой личностями, как *de jure*, так и *de facto*? Не оправдало заимствование западного опыта и пройденного пути без критического осмысления. Нужно найти такой путь, который будет способствовать сохранению нашей культурной и национальной самобытности, нашей личной свободы в условиях натиска стихийных сил глобализации.

Политическая элита постсоветской страны должна стараться найти те механизмы, с помощью которых смогут они объединить членов общества и направить их на достижение стратегических целей, создать новые структуры, в которых индивиды будут чувствовать себя надёжно и безопасно. Всё это даст возможность каждому индивиду стать субъектом своей судьбы. Но только старания элиты, без участия каждого индивида, не спосёт общество, потому, что нация не будет сильной, если слаба каждая его составная личность, «из плохово материала хороший дом не построишь». Также хорошо известно, что «не придумали ещё такую форму или комбинацию, которая смогла бы создать энергичных людей из слабого и малодушного гражданского объединения». Настало время, когда постсоветские люди должны освободиться от «синдрома Дон-кихота», должны осознать, что нет больше старых условий, к которым они были хорошо адаптированы, соответственно, нельзя придать большое значение старому опыту. Именно старый *Habitus* кормит эффект инертности в сознании постсоветских людей, из-за чего многие грузины, русские или украинцы и другие неудачно стараются адаптироваться к новым политическим реалиям, условиям рыночной экономики, индивидуальной свободе и, соответственно, ответственно-

сти. Надежду преодаления такой инертности придаёт существующее у постсоветских людей сильное желание самозанятости, желание искать гарантию достойного существования и свободы, готовность способствовать созданию такой структуры, которая будет ориентирована на социальную сферу. Не должны пропасть без следа как положительные, так и отрицательные итоги 70-летнего эксперимента. На таком фоне мы должны переосмыслить социальные реалии современного западного общества, выработать социальные механизмы, способствующие формированию новой социальности, коллективности и солидарности

между людьми.

Постсоветские люди добились свободы de jure. Сейчас настало время заботиться о благосостоянии каждого из нас, чтобы каждый гражданин был состоятельным, имел свой дом, имущество и гарантированную работу. Поразмыслим и будем действовать для создания базовой экономики, сильной демократической власти и формирования гражданского общества, для выискивания тех форм солидарности и коллективности, в которых человек становится свободным не только de jure, но и de facto.

Литература:

- [1]. Бауман З. (2004). Глобализация. Последствия для человека и общества /Пер. с англ./ М., Изд-во «Весь мир».
- [2]. Бауман З. (2002). Индивидуализированное общество. /Пер. с англ. под ред. Иноземцева В. Л./ М., Логос.
- [3]. Бурдье П. (1993). Социология политики. М.
- [4]. Бердзенишвили А. Кецбая К. (2020). Современный социологический дискурс. Тб. (на грузинском языке).
- [5]. Бердзенишвили А. (2019). Современные социологические теории, Тб. (на грузинском языке).
- [6]. Геллнер Э. (1995). Условия свободы. Гражданское общество и его исторические соперники. Москва.
- [7]. Кецбая К. (2020). Социология религии. ТГУ. (на грузинском языке).
- [8]. Кецбая К. (2016). Социология науки. ТГУ. (на грузинском языке).
- [9]. Современная социальная теория: Бурдье, Гидденс, Хабермасс. (1995). Новосибирск. Изд-во Новосибирского университета.

AMIRAN BERDZENISHVILI

**Doctor of Philosophical Sciences, Iv. Javakhishvili Tbilisi State University,
Professor, Department of Sociology and Social Work, (Georgia)**

КАКХА КЕТСБАИА,

**Doctor of Philosophical Sciences, Iv. Javakhishvili Tbilisi State University,
Associate Professor, Department of Sociology and Social Work (Georgia)**

SOCIETY AND MAN IN THE POST-SOVIET ERA

Summary

The article expresses the opinion that in the post-Soviet era society and people have gained de-jure freedom. After that, it's time to take care of the well-being of all societies, of each of us, so that every citizen can be prosperous, have their own property and a guaranteed job. What is still problematic to achieve. The post-Soviet society lacks a strong economic base and a strong democratic government and their balancing civil society. Therefore, we can conclude that in the post-Soviet era, society and people did not gain de facto freedom.

PSYCHOLOGY - ПСИХОЛОГИЯ -

LIA METREVELI
Professor, Georgian Technical University

NANA BOKUCHAVA
PhD student Georgian Technical University

PSYCHOSOCIAL PARADIGM OF ADOLESCENT CRISIS

DOI: <https://doi.org/10.52340/isj.2024.27.06>

Key words: adolescent, adolescent crisis, regularities, congenity, age characteristics, individualization, society.

Introduction

Biological-social development route from infancy to adulthood, conditionally can be divided into three main periods. Each of them is characterized by its specific canons and flow. The first period is typical with openness to the external world which is filled with absolute and ultimate trust. The second period is limited and only fragmentary connection is seen to the external world. The third period, which is known with a lot of names (the age of adolescence, puberty, transitional period, age of maturity, critical age), is the period when the borders open and the adolescent faces reality, who wants "to acquire the reality deep inside and he is able to do this, as he obtained spiritual unity in the previous periods. In his own world he discovered the center which everything is connected to and which everything is derived from – the self-concept. He goes out of this center to the external world and tries to make it suitable to his own norms. A child becomes socially active" (Lievoged, 2002). Adolescence is the period of age-related development, when the biological-psychological and personal formation passes beyond the childishness, but can reach the adulthood. The adolescent is still partly a child and partly an adult. Childhood is passed but maturity is still ahead "(Gogichaishvili, 1992). The chronological borders of transitional age is not unalterable and firmly fixed. Mainly there is a tendency of gradual prolongation. In the modern stage adolescence period includes

almost decade, from the age of 9/10 to 19/20. It must be mentioned that the duration of adolescence period and the qualitative side of process in each case is individual. Adolescence crisis is divided into three phases: 1) Pre-critical – involves the analysis and collapse of old habits, stereotypes and structures. 2) Culminating – reaching the crisis peak; 3) Postcritical - there is the formation of new moods, attitudes and relationships.

General aspects of adolescent crisis

The specificity of the adolescent's psycho-physical development creates the certain crisis-ridden situation, which is shown in the conflict with yourself and social environment and in adaptation difficulty. Main factor of physical development is sexual maturity. Body transformation, fast growth, changes in the forms of certain body parts, changes in voice pitch, secondary sexual characteristics, extreme activation of passionate and instinctive aspects cause various troubles for the adolescent. As he has no distinct consciousness of the specificity of gender and sexuality, he feels anxious whether he overtakes or drops behind the peers, whether he is able or not to attract the opposite sex and etc. The adolescent's psychic state is not still on the very level to manage to make an adjustment to the body which is still in the situation of transformation and make subjectivation and integration of the fast-going biological-physical changes. The main characteristic of psychic development is the progressive and controversial-heterochromic quality of functioning. So-called the Father of Transitional age Stanley Hall thought that "

the age of adolescence is a chaos age, when the animal, anthropoid, barbaric tendencies clashes to the demands of social-cultural society. This period is full of rebel, stress and conflicts, there is dominated instability, enthusiasm, anxiety and contrast law” (Hall, 1987). He was the first who described typical ambivalency and paradox of an adolescent’s character. Hall defines the content of adolescence as the crisis of self-consciousness and after overcoming this crisis individuality appears. On the contrary of childhood period so called “naive realism”, the adolescent’s attitude to objective reality is cognitive. For him nothing is “obvious in itself”, tries to realize not only ongoing events but the events that he has experienced. For the first time the adolescent notices those changes that are connected to body. Gradually psychological characteristics and personal difference become the focus of his attention. The beginning of adolescence in the field of psychology is considered as the “bringing the subject to inner world of the feelings”, what is followed by the fact that conscious discovery of self-concept. The adolescent realizes that he can guess, think, want, judge, act and etc. Accordingly, the childish sense of “us” which is the part of “social global unity” is collapsed and ultimate individualization begins. Tendency of self-criticism and self-reflection starts rising. “Each adolescent faces some kinds of examination -he feels that he has to prove not being a child anymore. This certainly is insidious feeling as when we try to prove something to somebody we tread deeper and deeper. To oppose this, we definitely need to explain to adolescent that he doesn’t need to persuade us in the fact that he is not a child anymore” (Adler, 2014). Explanation helps us to reduce the quantity of provoking elements of adolescence crisis and somehow avoid destructive behaviour.

The beginning of adolescence crisis is the contradiction with parents. The adolescent’s parent’s icon does not come in accordance with idealized perceptions from childhood. “Discovery” of the fact that the parents are not the cleverest and all-capable is a huge disappointment, deep and painful process of adolescent’s life and the fate of every parent, however perfect the parent is. A disappointed

adolescent starts the fundamental reorganization of the psychic connections which were internalized in childhood. He tries to replace the family with the school. School has to introduce him the society rhythm which is different from the family, pave the way to adulthood. To teach him the constructive skills of self-assertion, painless ways of individualization, the art of presenting his personal characteristics. The teacher who is able to step into a soul of the student and construct the teaching methodology on the student cognition, has the chance to be the pillar of strength for the adolescent. Modern Georgian school as an institution is not able to fulfill its function as the icon of the teacher is distorted, (low social status, material hardship, continuous cycle of examinations and trainings), on the other hand teaching system copied from the other countries, that we call the sharing of experience, in reality it is an invasion of absolutely non-integrable cultural units into the traditional educational framework. Furthermore school and family have a symbiotic relationship. School doesn’t meet the socio-cultural order, but obeys the family whims and narcissistic model. Obviously, family engagement in learning process is highly important, but engagement means cooperation and not supervision. Unseparated homogeneity of family and school worsens adolescence crisis. The adolescent, passionate to be an adult and independent, escaping from the family, cannot find support nor in the school, so he runs away from the school too. “Running away” is also a significant form of actual protest of transitional age, to be against everybody and everything what is connected to order, social norms, obligations. “Running away” can be presented with various kinds of attitudes or being allied to pseudo-groups. Collapse of authorities is followed by the instability of adolescence process and its shifting to extreme situation. The adolescent who appears in a social chaos tries to survive by destructive behaviours, which is somehow the self-defense from emptiness and on the other hand this is the desperate form asking for help to the world of adults.

Instead of the way proposed by the family and society, the adolescent chooses his own way where he can get compensation for the traumas and offences, resentment, low self-assessment,

feeling of being guilty, unsafety, prohibitions and etc. all experienced in childhood. As Adler said this is the “attractive way for disappointed ones, way of rapid psychological success. It is much easier for him to be distinguished and become internally winner, getting rid of social and moral responsibility and breaking the law, than follow the fixed society laws” (Adler, 2014). Having shown the outer courage and selfishness, the choice of gaining the superiority always means inner weakness, which is more or less realised by the adolescent and chooses the situation where he can show his superiority. The adolescent is passionate to gain self-assertion among the peers. Their assessment has particular meaning and goes above the adults' evaluation quality. The influence of peers and their values is continuously reflected on the adolescent.

As well as the adolescent suffers from the need of particular person, who understands, gives advice and survives him from his own conflict-dualistic feelings. He starts searching “experienced” friend (boy searches for boys, girl for girls) and he thinks of him as perfect and chains onto him. In this developing phase not hetero tendencies lead but homoerotic, which passes away, but it must be mentioned while the “latent sexuality”, in this respect, the adolescent cannot sometimes escape from puberty. Identity crisis involves adolescent crisis about lost status, inconvenience of biological state to social one, self-competence validity towards the new status. In search of identity the following questions arise: Who am I? where am I coming from or where am I going to? What do I want and what do I expect from life? etc. To answer these questions there is a need of existence of philosophical-ethical landmarks, which helps the adolescent to relieve from the neurotic doubts and fears got from the childhood failures and suffers.

Provoking behavioural complexes of adolescent crisis

In adolescents specific behavioural reactions appear, so called complexes of age of adolescence, including “emancipation” behavioural type, directed to unbind from adults' care. “Hobby-reactions”- infatuations (intellectual-esthetic, body-manual, informational-

communicative, egocentric, venturesome and etc.), which is a blend of interest and passion elements. The aspiration to peer groups (mainly deviated) membership and absolute obedience of their “regime”. Direct and indirect reactions derived from sexual aspirations; behavioural reaction typical for childhood period but by certain circumstances kept in adulthood (compensation, sulk, imitation and etc.). Each above mentioned has specific character and may appear as a norm as well as a pathology; In the case of norm they reflect behavioural standard typical for the adolescent, they become less conspicuous and are not prominently reflected on an adolescent crisis. In the case of pathology, as a rule, they have stereotypical and generalized manner. It can arise in any situation, with any (including inadequate) reasons. They cause disadaptation of values, social mood and attitudes.

Crisis content of strive for recognition

Following own psycho-physical refreshments and discovery of opportunities, the adolescent's ultimately strong desire of social recognition is arisen. What is absolutely natural and not rarely followed by impulse of fight and aggression. If he cannot gain the recognition and respect from the surrounding people, adolescent tries to find other ways (like boasting, cigarette, alcohol, prescription drug-abuse, taking off the elder and etc.). The elder don't often realise the amendment necessity of “seniority” attitude; They don't confess the adolescent's “maturity” and they treat them like child. This kind of social barrier causes the growth of aggression and conflict coefficient of adolescent, which enhances the whim of fight in a very active adolescent and the conflict is directed to the environment. In a weak and shy adolescent inner conflict and inferiority complex arise. Also if the “adult world” neglects his demand of personal recognition, the adolescent tries his best to escape from it, he runs away and joins the group with the same situation. He searches and finds there his social unit weight. “If adults make social obstacle for adolescent and he feels that he cannot orientate appropriately, then he searches the help and finds where his inclinations and wishes are supported and can be encouraged too (Chrelashvili, 1968). It is significant that social

conflict can be reflected in much more dangerous forms, notably, there can be rapid and radical reevaluation of values gained through upbringing process and replacement with the opposite, socially unacceptable, dangerous behavioural norms. The adolescent tries to “change the world”, be the first, realize an urgent wish of getting a lot of attention with a lot of various ways. He is ready to sacrifice everything but because his age-related deterioration of working and effortful skills, he is not able to do a lot. It should be mentioned that the adolescent has a negative attitude towards the obligatory occupation, especially towards the learning. So he tries to search easier ways and finds them in the manipulation with visual characteristics: tries to follow the fashion ultimately or neglects the fashion with extravagant forms and contradicts to basic rules of dressing. Tries to have “romantic-wild” appearance, dyes hair and eyes with sharp colours, uses the swearing words and phrases, keeps talking and uses imagination while describing his “great success”, even though he feels that listener doubts about his stories.

Pubescence, as the definer of the adolescent crisis period

Puberty is preceded by the pubescence period, when adolescents' sexual difference, girls and boys' different personal directions are noticeable. Boys' moods and attitudes are tinged with ultimate aggression. They crave for the activities that make them able to reveal their will and physical power. They are keen on joining the groups, searching for risky and dangerous adventures or combating other groups. Being the part of group unities is attractive for the girls too, but they have indirect kind of aggression: they close themselves off, in the groups, shut themselves from the world, they are keen on the secret dreams, giggle, disobey adults. (Lievegoed, 2002).

On the background of physical development in the pubescence period extreme curiosity to own and opposite sex develops which can be variously revealed: unveiled sexual acts and dreams full of symbols, talks to peers, prohibited films/books and photos, games consisting sexual elements and etc. After satisfying the

interest these kinds of activities generally blow off though sexuality remains as one of the main problems among the lots for a long time.

In the period of pubescence there are some changes in perception of yourself and others. The adolescent has the feeble or lost feeling of reality and relatively, gets the reality in a transformed way. As the interest towards appearance enhances, the adolescent keeps observing and comparing his and others' appearance. He is neurotic about the “discovered flaws” of his appearance. The other extreme point is narcissistic crisis. Overrated almost grotesque assessment of his skills and abilities, extreme arrogance, continuous expectation of others' praise. Such egocentric demands mostly are not answered what is very irritating for the adolescent.

Psycho-social paradigm of age of adolescence crisis

There was a time when adolescence as an age category was not distinguished and attributed as crisis. In modern society when there is scientific-technological progress and prolongation of learning process, the interval between childhood and adulthood has increased and worsened. French ethnographer and historian P. Aries suggests that adolescence period has been dated since 19th century when the family shrank. Before industrialization there were broad family bonds, strong bonds to relatives, neighbours and friends. That was a strong psychological cell, which certainly did not exclude the contradiction between people and sometimes hatred too, but it was veiled so well that children perceived it as love. The child was surrounded by parents' substitutes and if parents were not able to “play their role well” there was always someone who could replace them in some ways and could protect the child from traumatic impact. Also the child was involved in parents' communication. In his memory he was supported by engrained security of the mother tongue to step in adults' real world. Modern family which even neglects grand parenting institute and includes only parents and children suffer from outer aggression and phobias. Also parents are fully oriented on children, “the aim of parents was to reach those peaks what they

wanted for themselves, but could not, in other words, everything is directed to child's "success", to "little" child who has to fulfill parents' unachieved ambitions.....full burden of parents' disappointment is loaded on child's shoulders(Dolto, 2005). Carrying their parents' imaginations adolescents stay infantile, what is also accompanied by the parents' infantile attitude towards them. "Parents' care and control last almost to the age of marriage"(Aries, 1954).

According to Coleman's conception of " focal maturity" which formed as the effort of solving the "classical" theories related to adolescent crisis (Hall, Freud, Erikson and etc.) and empirical researches of controversial assessments (Bandura, Oper, Elkin and etc.) the adolescent is able defensively, with minimal inner tension overcome typical psychophysical upheavals."(Mudrick, 2004). Coleman distinguished development zones of age of adolescence (puberty, cognitive, personal, social) and noted that " in specific period of time the adolescent has the most important "confined in a focus" problem and solves coherently" (Mudrick, 2004). According to Coleman it is necessary for society to get free from stereotypic prejudice, adolescence must be considered as the pathogenic and criminal period of a person's life. An adolescent crisis is intensified and attributed to pathogenic kind by the attitude about an adolescent, which is arisen

from the "try and error" method by the society lacking from ideals and values, being in a crisis period itself.

Conclusion

Adolescent crisis as a phenomenon includes direct and indirect impact of the result of psychic processing of various kinds of transformation on adolescent's life, which was derived between two drastically different development periods. Its positive essence is that the adolescent gains conscious emancipation with this way.

if the process goes safely the adolescent satisfies the demand of self-cognition and self-consolidation, becomes self-confident and stable to obstacles. The fate of an adolescent crisis doesn't resolve in only inner subjective area. Social-cultural and variety of political context where the adolescent has to live is vitally important. Convergence of modern extreme social crisis with an adolescent's psychic state creates urgent complex reality and forms serious social problems and psychic impasses of an adolescent crisis. Attitude about that the age of adolescence is going without crisis, discusses crisis provoking reason that the adolescent has no power to tackle the problems which are overwhelmed by the wrong attitudes of social society and new age characteristics.

References:

- [1]. Adler, A. (2014): Education of Children, „Geo“, Tbilisi.
- [2]. Aries, P. (1954): Time of History, Monaco.
- [3]. Gogichaishvili, T. (1992): The Psychological and Age Characteristics of Transitional Age Students, „Publishing of University of Tbilisi“.
- [4]. Vygotsky L. (1983): Paedology of the Adolescent, „Pedagogika“, M.
- [5]. Dolto, F. (2005): Difficulties of Life , „Sakartvelos Matsne“, Tbilisi.
- [6]. Klee, M. (1991): The Psychology of Adolescent, „Pedagogika“, M.
- [7]. Krein, U. (2002): Secrets of formation of privacy, SPB Prime-Evroznak
- [8]. Mudrick, A. (2004): Human Socialization, Publishing Center «Akademia».
- [9]. Lievegoed, B. (2002): Phases of Childhood, „Atsmko“ Tbilisi.
- [10]. Remschmidt, H. (1994): Adolescent-Youth Age. Problems of Personal Formation. M.
- [11]. Uznadze, D. (1912): Introduction of Experimental Pedagogy, „Dzmoza“, Kutaisi.
- [12]. Steiner, . (1995): "Teaching methodology and vital conditions of education, „Arili“, Tbilisi.
- [13]. Jung, C. (1994): Spiritual Problems of Modern Individual, Publishing Group „Progress“, „Universe“, M.

- [14]. Freud, A. (2016): Introduction to Child Psychoanalysis, Institute Humanitarian Studies, M
- [15]. Chkhartishvili, Sh. (1974): Social Psychology of Education, "Publishing of University of Tbilisi".
- [16]. Chrelashvili, N. (1968): Psychological Characteristics of Adolescent, Book: Children's Psychology, „Ganatileba“, Tbilisi“.

ЛИЯ МЕТРЕВЕЛИ

Профессор, Грузинский технический университет (Грузия)

НАНА БОКУЧАВА

Докторант, Грузинский технический университет (Грузия)

ПСИХОСОЦИАЛЬНАЯ ПАРАДИГМА ПОДРОСТКОВОГО КРИЗИСА

Резюме

Ключевые слова - подросток, подростковый кризис, закономерности, сознание, возрастные особенности, индивидуализация, общество.

В подростковом возрасте происходят существенные трансформации уже существующих сложных физических и природно-духовных структур, а также формирование зачатков новых социально-культурно-нравственных ценностей и сознательно-волевой поведенческой готовности. Подростковый кризис — это типичное эмоциональное состояние для естественного течения критических периодов жизни подростка, которое возникает в результате целенаправленной деятельности, как дискретный момент личностного развития, ограничения и блокировки. Тревожность усиливается в начале кризиса, затем активизируются стратегии решения проблем и психофизические ресурсы. Также повышается чувствительность восприятия, и даже очень малая поддержка становится полезной. Подростковый кризис — это абсолютно нормальное, ориентированное на развитие состояние, а не патология. Его функция заключается в обретении подростком личной автономии, необходимой для принятия ответственности и последующего психического развития. Усилия по преодолению барьеров подросткового кризиса (гендерно-сексуальность, эгоидентичность, деперсонализация, дереализация, дисморфофобия, нарциссические тенденции и т. д.) являются сложной психической работой, которая связана с огромным усилием и в значительной степени определяется типами социальной формации развития подростка. Если среда жизни подростка находится в кризисе (политическом, социальном, моральном, материальном), то формируется сложная (внутренне-внешняя) кризисная реальность, что делает подростковый кризис критическим психологическим состоянием максимальной дезинтеграции (внутрипсихический уровень) и делает его непобедимой личностной дезадаптацией (на социально-психологическом уровне), которая вызвана потерей основных жизненных ориентиров. Критические пиковые проблемы, очевидно, могут вызвать расстройство личности и поведенческие отклонения. Изучение и анализ как феномена психологических особенностей подростков, закономерностей возрастного развития и подросткового кризиса в контексте современной жизни является крайне актуальной проблемой, чтобы избежать психопатологической тенденции подросткового кризиса и проблемы превращения подростка в так называемого «трудного подростка».

LAW - ПРАВО**NUGZAR TEVDORADZE****Doctor of Laws, Faculty of Law of Samtskhe-Javakheti State University
Associate Professor(Georgia)****EXEMPTION FROM CRIMINAL LIABILITY FOR NECESSARY REPULSION
(COMPARATIVE ANALYSIS)****DOI: <https://doi.org/10.52340/isj.2024.27.07>**

The criminal law legislation of different countries of the world envisages exclusionary circumstances of conflict of law, in the presence of which the criminal liability of a specific person is excluded.

The institution of necessary repulsion is one of the oldest. It is mentioned in the Laws of Manu (before 1200-200 BC), where it is discussed about the justification of killing when there is a threat to life. Some legal monuments justified such action also in the case of property protection.

In order for the necessary repulsion to be considered reasonable, the encroachment must be unlawful, momentary, real, relevant or socially significant and subjectively carried out for the purpose of protecting the legal good.

It should be noted that in some countries the norms of mandatory repulsion are not established by legislation, but by judicial precedents or judicial practice. Almost everywhere there is a requirement that the offense must be unlawful and real, and the defense must be proportionate to the threat. It is permissible to cause harm to the offender not only to protect life and health, but also to protect property.

And yet, what can be the object of protection in the necessary repulsion?

In most countries, the circle of such objects is quite wide. So, for example: in the criminal codes of Russia, Belarus, Azerbaijan, Kazakhstan, Kyrgyzstan, Bulgaria, Hungary, Latvia, Lithuania and Romania, it can be:

1. The rights, life, health of the subject, which was threatened, as well as similar rights of the third party;

2. State and public interests.

The criminal law code of some countries does not directly say anything about the latter. It is only about protecting one's own or another person's life, health, property, personal integrity and other rights (Austria, Albania, Andorra, etc.).

In common law countries, the object of infringement is defined in detail. So, eg: Under Australian law, a person makes a self-defense when he believes it is necessary: 1. to protect himself or another; 2. To prevent illegal deprivation of one's own or another's freedom; 3. To prevent illegal possession, destruction, damage, illegal invasion of property; 4. To prevent criminal action within the boundaries of the owned building or plot of land; 5. To evict a person who violates the boundaries of ownership from the owned building or plot of land.[1].

English criminal law does not know the term «necessary repulsion». In English criminal law studies, Professor K. Kenny, in the number of circumstances that exclude the criminality of an act, does not mention necessary repulsion, but during the analysis of murder or bodily injury, depending on the essence of the case, the conversation, to a certain extent, refers to necessary repulsion, but it is called literally («self-defense»). In English criminal law, «necessary repulsion» is a circumstance precluding criminal liability, which excludes criminal liability in cases where the accused relies on the protection of public and private interests. At this time, the action of the self-defense is legal. Before the enactment of the Criminal Law Act 1967 in England, the legal status of any person acting to

protect public or private interests was governed by the common law. Section 3 of the English Criminal Law Act 1967 allows a person to use reasonable force to protect the public interest, in particular to prevent crime in the apprehension of an offender, suspect or other unlawful person. However, in some cases, public and private interests may completely overlap. The provisions of this law apply not only to police officers, but also to other persons and are not limited to serious crimes.[2].

The right of self-defense is recognized under US law. The term «necessary repulsion» refers to a circumstance excluding liability, during which the legal interests of one person are protected from the encroachment of another person. J. Fletcher calls this «necessary repulsion». In US criminal law, issues related to necessary repulsion are regulated more thoroughly than in England, but the term «necessary repulsion» does not exist here either. Legislation uses the word «protection» (eg, New York State CPC Articles 35. and 35.15). The institution of mandatory deterrence itself is not provided for in federal law, and issues related to it are decided in state law under the 1962 US Model Penal Code. It is understood here that every state in the US has its own criminal law, but there is a model criminal law code that has a recommendatory nature, which has had a serious impact on the reformation of criminal law in the United States. The Code includes a third chapter, called «General principles of the propriety of action,» which details some types of circumstances that exclude the criminality of an action, namely during necessary repulsion («defense»). Model SSC distinguishes several types of defense: a) use of force during defense (Art. 3.04); 2) use of force while protecting another person (Art. 3.05); 3) use of force to protect property (Art. 3.06); 4) use of force in law enforcement (Art. 3.07) and others. However, in doctrine and legislation, we find another, and more often necessary two-part classification of repulsion, which includes both self-defense and defense of others in one type. A somewhat different classification is provided in the New York State criminal Code: «use of force»

for the protection of a person (§ 35. 15), for the protection of a building, and in the apprehension of a fugitive (§ 35. 20)²⁷² or in the abduction and prevention of an abduction, and in such an act, during which damage is punishable by criminal law (§35. 25.). Despite the difference in the classifications of the types of necessary repulsion, one general conclusion can be made: the object of protection can be a person defending himself or another person who is being attacked, and property can also be the object of protection. [3].

According to Article 32 of the German Penal Code, it is not unlawful for a person to: (1) exercise a necessary repulsion from the idea of (1) an individual's interest in the effective protection of legal goods, and (2) the assertion of rights. [4]. The state of necessary repulsion arises as a result of an unlawful, momentary encroachment on a person. The violation is momentary if it begins immediately, has begun, or continues.[5].

All kinds of valuables and legally recognized interests that are in the control of the implementer of the protective action or a third party have the possibility of generating the necessary repulsion. The action committed in the state of necessary repulsion, directed against the attacker, must be objectively necessary and normatively recommended. In addition, it must be subjectively produced with the will to protect.[6].

According to the French Criminal Code, which was adopted in 1994, the grounds for exempting a person from criminal liability are systematized and placed in one chapter. The basis of self-defense is discussed in Article 122-5 of the French Criminal Code.[7]. According to Article 122-5 of the French Criminal Code: 1. A person is exempted from criminal responsibility if he uses the necessary repulsion to protect himself or others from an illegal attack, except for cases where the defense is disproportionate to the attack. 2. A person shall not be held criminally liable if, in order to prevent illegal actions or protect property, he repels the killer, except for intentional murder, if it is not necessary to prevent an attack or to avoid property damage,

self-defense must also be proportional to the attack.[8].

According to Article 122-6 of the French Penal Code, a person is in a state of self-defense if: 1. if the person repels an attacker who is trying to illegally enter the residence and 2. defends himself against theft or robbery.[9].

According to section 34 of the Canadian criminal Code, the infliction of death or grievous bodily harm is permissible only in an attack that is dangerous to life or health and where the repeller reasonably believes that this is the only way to avoid the danger.[10].

According to § 3 of the Austrian Penal Code, necessary repulsion is allowed in the case of an unlawful attack: on life, health, physical integrity, freedom and property. But a necessary repulsion will not be considered reasonable if the person or his interests suffer a slight loss and the defense is disproportionate to the attack.[11].

According to Article 34 of the Israeli Penal Code, a necessary repulse is permissible if self-defense is performed in defense of one's own or another's: life, health, unlawful imprisonment, or protection of property, unless the attack is provoked.[12].

Article 341 of the Israeli Penal Code allows for a crime against property if the offender attempts a violent act in an apartment or other facility, unless self-defense is clearly inappropriate or provoked. [13].

According to the first part of Article 37 of the Code of Criminal Law of the Russian Federation, the necessary repulsion is justified if it was carried out in defense of one's own life or someone else's life, the interests of society or the state, or if the attack was carried out in a life-threatening or threatening way. According to point 2.1 of the same article, the necessary repulsion will not be exceeded if this person could not objectively assess the degree and nature of the danger of the attack due to the suddenness of the attack. According to the third part of the same article, everyone has the right to exercise this right regardless of whether they could escape or have special training.[14].

According to the Indian and Singaporean

Criminal Codes, the killing of an attacker is allowed when he poses a threat of murder, grievous bodily harm, rape, kidnapping, violent deprivation of liberty. In certain cases, the death of the attacker is allowed even in the case of a particularly dangerous attack on property.

In the vast majority of modern states, there is almost the same approach to defining the nature of the action against which necessary repulsion is permissible. In some places such action is defined as «unlawful trespass», although sometimes different wording is given.

The basic condition for necessary repulsion is that the magnitude of the repulsion must be proportional to the degree of attack. In the criminal law codes of most countries, only the general principle of proportionality of the applied measures is formulated. These countries are Algeria, Bosnia, Denmark, Iceland, Spain, Italy, Uruguay, Switzerland, etc. Sh. In other countries, the legislator more specifically determines the correspondence between the nature of the unlawful act and the permissible defensive measures (mainly in common law countries). However, the main focus is on determining exactly in what cases the repeller is authorized or unauthorized, will cause death or serious injury to the attacker.

As for the Criminal Law Code of Georgia, the necessary repulsion is provided for in the general part of the circumstances excluding the violation of the law, Article 28.

According to Article 28 of the Criminal Code of Georgia:

1. The one who commits the action provided for by this Code in a state of necessary repulsion, that is, the one who, during the unlawful encroachment, damages the offender in order to protect his or someone else's legal good does not act unlawfully.

2. A person has the right to necessary repulsion regardless of whether he can prevent the encroachment or call for help to another.

3. Damage to the trespasser in order to return the property or other legal good taken by unlawful encroachment is justified even if it happened immediately after the transfer of this good to

the trespasser and if it could still be returned immediately.

4. Exceeding the scope of necessary repulsion means a clear inconsistency of defense by the repeller with the nature and danger of the attack. [15].

Necessary repulsion, to be considered legitimate, the encroachment must meet the following criteria: the encroachment must be unlawful, the encroachment must be momentary; The infringement must be genuine, the infringement must be relevant. The object of protection of necessary repulsion can be both a person and property. The harm must be done to the perpetrator and not to a third party, and the limits of necessary repulsion must not be exceeded.[16].

The law clearly states that the repulsor has no right to go beyond the scope of the necessary repulsion. Therefore, the action of the repulsor is within the framework - it should not cause such damage to the attacker, which is not necessary to

avoid the attack. According to Section 4 of Article 28 of the Criminal Code of Georgia, which is currently in force: «Exceeding the scope of necessary repulsion means a clear inconsistency of defense by the repeller with the nature and danger of the attack.»[17].

In conclusion, it can be said that the criminal law of most countries of the world provides for the institution of necessary repulsion in a different form. The legislation of some countries defines the conditions under which an action is considered necessary repulsion, and also sets certain conditions for the prevention of crimes against property - when it is determined by law that it is to take life while protecting property except in exceptional cases, but the basic principles are still the same: necessary repulsion to be considered justified - The encroachment must be unlawful, the encroachment must be momentary; The infringement must be genuine, the infringement must be relevant.

References:

- [1].Dodonov V.N., Comparative criminal law, M., 2009, p. 220
- [2].Kherkheulidze I., Necessary repulsion in Georgian and common (Anglo-Saxon type) law, dissertation, for obtaining the academic degree of Doctor of Laws, 2008, p. 77-78
- [3].Kherkheulidze I., Necessary repulsion in Georgian and common (Anglo-Saxon type) law, dissertation, for obtaining the academic degree of Doctor of Laws, 2008, p. 91-92
- [4].Criminal Law Federal Republic Germany – Strafgesetzbuch (StGB) – p.90
- [5].Johannes Wessels, Werner Beulke, Strafrecht Allgemeiner Teil, 38 neu bearbeitete Auflage, p. 179
- [6].Johannes Wessels, Werner Beulke, Strafrecht Allgemeiner Teil, 38 neu bearbeitete Auflage, p. 183
- [7].French Criminal Code, 1994
- [8].French Criminal Code, 1994
- [9].French Criminal Code, 1994
- [10].Criminal Code of Canada, 1985
- [11].Austrian Criminal Code, 1997
- [12].The Criminal Code of Israel, 2010
- [13].The Criminal Code of Israel, 2010
- [14].Russian Federation Criminal Code, 1996
- [15].Georgian Criminal Code, 1999
- [16].Shengelia A., Dolidze T., General part of criminal law (auxiliary manual), 2016, p. 63, 66
- [17]. Collective of authors, (ed.: G. Nachkbia, N. Todua), criminal law (manual), general part, chap. 2016, p. 388

НУГЗАР ТЕВДОРАДЗЕ

Доктор юридических наук, ассоциированный профессор Самцхе-Джавахетского государственного университета (Грузия)

**ОСВОБОЖДЕНИЕ ОТ УГОЛОВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ЗА
НЕОБХОДИМОЕ ОТТАЛКИВАНИЕ (СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ)****РЕЗЮМЕ**

В статье рассматривается освобождение от уголовной ответственности в случае необходимог отпора. Акцентируется внимание на месте и содержании данного института в законодательстве зарубежных стран. Обсуждаются условия, которым должно соответствовать, чтобы оно рассматривалось как обстоятельство, исключающее ответственность. Также проведен сравнительный анализ с законодательством Грузии и выделены общие признаки, являющиеся предпосылкой освобождения от уголовной ответственности в случае отпора.

Уголовно-правовое законодательство разных стран мира предусматривает исключительные коллизионные обстоятельства, при наличии которых исключается уголовная ответственность конкретного лица.

Институт необходимог отпора является одним из древнейших. Он упоминается в «Законах Ману» (до 1200-200 гг. до н. э.), где речь идет об оправданности убийства при угрозе жизни. Некоторые правовые памятники оправдывали такое действие и в случае защиты имущества.

Для того чтобы необходимог отпор считалось обоснованным, посягательство должно быть противоправным, сиюминутным, реальным, уместным или общественно значимым и субъективно осуществленным в целях защиты правовог блага.

Следует отметить, что в некоторых странах нормы обязательного отпора устанавливаются не законодательством, а судебными прецедентами или судебной практикой. Практически везде существует требование, чтобы правонарушение было противоправным и реальным, а защита — соразмерной угрозе. Допустимо причинение вреда правонарушителю не только для защиты жизни и здоровья, но и для защиты имущества.

ДАВИД ХОБЕЛИЯ

Доктор права, Профессор Самцхе-Джавახетского государственного университета
(Грузия)

СУЩНОСТЬ И СОСТАВ АДМИНИСТРАТИВНОГО ПРАВОНАРУШЕНИЯ
ПО КОАП ГРУЗИИ

DOI: <https://doi.org/10.52340/isj.2024.27.08>

Введение. В Грузии вопросы, связанные с административными правонарушениями и административной ответственностью, регулируются административным законодательством, в частности Кодексом об административных правонарушениях, этому вопросу посвящена вторая глава КоАП «Административные правонарушения и административная ответственность», в этой главе рассмотрены такие вопросы, как: понятие административного правонарушения; Умышленное совершение административного правонарушения; Совершение административных правонарушений по неосторожности; возраст, по достижении которого наступает административная ответственность; ответственность должностных лиц; Ответственность военнослужащих и иных лиц за совершение административных правонарушений, к которым применяются дисциплинарные законодательства; Ответственность иностранных граждан и лиц без гражданства; крайняя необходимость; необходимая оборона; Возможность освобождения нарушителя от административной ответственности при совершении мелкого административного правонарушения.

Ключевые слова: административное правонарушение, состав, объект, субъект.

Административная ответственность – это форма юридической ответственности, которая выражается уполномоченным должностным лицом или органом по отношению к лицу, совершившему уголовное правонарушение. Как отмечается в научной литературе, юридическая ответственность всегда ограничивается

нормой права, предусматривающей ту или иную меру воздействия.

В целом правонарушение – это противоправное деяние, несоблюдение требований правовых норм. Нарушение обязательно влечет за собой юридическую ответственность. Административное правонарушение – проступок, за который предусмотрена административная ответственность в соответствии с Кодексом об административных правонарушениях. Следовательно, административное правонарушение – это противоправное и виновное действие лица, причиняющее вред другим лицам, обществу и приводящее к применению мер принуждения, установленных государством.

Согласно легальному определению, административное правонарушение (проступок) – это противоправное, виновное (умышленное или не умышленное) действие или бездействие, нарушающее государственный или общественный порядок, собственность, права и свободы граждан, установленные правила управления, за которые законом предусмотрена ответственность. Административная ответственность за правонарушения, предусмотренные Кодексом об административных правонарушениях наступает, если эти нарушения по своему характеру в соответствии с действующим законодательством не влекут за собой уголовную ответственность. Как правило, правонарушения меньшей значимости в той или иной правовой системе выделяются из уголовного права и являются предметом регулирования в сфере административного права.

В странах Западной Европы и Северной

Америки нет сводного правового акта об административной ответственности, административных правонарушениях и административных штрафах, подобного грузинскому КОАП. Существование подобных актов характерно только для постсоциалистических государств, в некоторых европейских государствах (Бельгия, Нидерланды, Германия, Франция) вопрос о наложении административного штрафа решается посредством ряда отраслевых законов. Например, в Германии законодательство об административной ответственности включает сотни федеральных и региональных законов, определяющих административные правонарушения и ответственность за их совершение. В Бельгии и Франции ряд вопросов об административных правонарушениях решает Государственный совет (высший орган административной юстиции). В некоторых странах институт административной ответственности регулируется уголовным законодательством. В некоторых государствах доминирует понятие «объективная вина». В ряде государств ответственность за совершение административных правонарушений принята путем разделения форм вины - умысла и неосторожности. Например, в Словении это связано с тем, что административные правонарушения представляют собой разновидность деяний, караемых уголовным законодательством; В Чехии административные проступки представляли собой разнообразные действия, наказуемые уголовным законодательством;

В континентальных правовых системах административное взыскание называется административной санкцией. Например, Конституционный суд Испании указывает, что административные санкции принимают форму административных решений, принимаемых с репрессивной целью и ограничивающих права на основании негативной оценки поведения. Испанский ученый Эдуардо Гомеро Касадо считает, что административная санкция тождественна административному наказанию и представляет собой ответственность за совершение преступления, точнее, реакцию

- наказание - за его совершение»; В. Лопес Агирре отмечает, что административная санкция — это административный акт, принятый в ответ на злонамеренное действие; Это является результатом нарушения им обязанности, возложенной на человека правовой нормой.

Существует и другой подход к определению административного взыскания, когда административные санкции идентифицируются мерами административного принуждения. Например, румынский исследователь Елена Микела Фодор считает санкцией все те меры, которые применяются в случае несоблюдения закона, независимо от того, являются ли они карательными, превентивными или восстановительными. Во всех европейских государствах юридические лица несут равную ответственность за административные правонарушения наравне с физическими лицами. Только в Австрии и Италии субъектами правонарушений являются физические лица, а юридические лица несут ответственность в виде штрафов. Что касается Грузинского законодательства, в общей части КОАП прямо не предусмотрены положения, определяющие ответственность юридического лица.

Анализ понятия административного правонарушения позволяет выделить три его признака: противоправность, вина, наказуемое деяние: противоправность (под указанным термином в каждой отрасли права понимаются действия лица, противоречащие правопорядку, культурным нормам противоправность формулируется в виде исключительных обстоятельств. При совершении запрещенного законом действия подразумевается, что нарушение закона является очевидным, если нет обстоятельств исключающих ответственность. Виновность (противоправное деяние, совершенное предумышленно или не предумышленно), деяние (состав деяния) (действие или бездействие субъекта правонарушения, которое обязательно должно быть виновным). Следует также отметить, что такое действие должно нарушать государственный или общественный порядок, собственность, права

и свободы граждан, установленный порядок управления. Виновное деяние предполагает, что оно совершено с наличием вины. Отсутствие вины ни в коем случае не позволяет рассматривать действие (даже неправомерное) как административное правонарушение. Принцип виновной ответственности. Презумпция невиновности и бремя доказывания, которое лежит на государственных органах, выражают общие принципы применения государством карательных, принудительных мер в сфере общественной ответственности. Наказуемое деяние означает, что физическое и/или юридическое лицо будет привлечено к административной ответственности за деяние. Дело в том, что не за все противоправные и виновные действия предусмотрена административная ответственность, за такие действия может быть предусмотрена дисциплинарная или иные виды ответственности.

Административное правонарушение имеет свой правовой состав и элементы. Состав административного правонарушения представляет собой совокупность объективных и субъективных признаков, которые описаны в норме и достаточны для признания конкретного действия правонарушением. Значение состава правонарушения заключается в том, что он является основанием административной ответственности. Что касается элементов состава правонарушения, то к ним относятся: предмет правонарушения; объект правонарушения; субъективная сторона правонарушения; Объективная сторона правонарушения. Субъектом административного правонарушения является вменяемое физическое лицо, достигшее возраста административно-правовой ответственности на момент совершения правонарушения. Объектом административного правонарушения является охраняемое законодательством об административных правонарушениях благо, которое нарушено или которому причинен вред субъектом правонарушения. Субъективная сторона состоит из элементов вины, (намеренное и непреднамеренное). А также из факультативных призна-

ков, таких как: мотив и цель. Факультативные признаки субъективной стороны влияют на квалификацию правонарушения и соотношение размера штрафа. Объективной стороной административного правонарушения является внешнее выражение административного правонарушения, характеризующееся действием. Незаконное действие является обязательным признаком административного правонарушения. Определение факультативных признаков объективной стороны правонарушения (места, времени, ситуации, способа и средств) важно для первичной и общей оценки деяния, а затем и для точной квалификации правонарушения.

Следует отметить, что на сегодняшний день в Грузии действует Кодекс об административных правонарушениях, который был принят в 1984 году и вступил в силу в 1985 году, т.е. еще во время существования Советского Союза, несмотря на внесенные в него изменения он все же не отвечает требованиям современного правового государства. В качестве примера можно привести тот факт, что Кодекс административных правонарушений Грузии часто становится объектом критики со стороны международных организаций. В докладе, подготовленном в рамках проекта «Независимость судебной власти и укрепление правовой системы» (JLEP), говорится, что при совершении административного правонарушения правонарушитель имеет доступ к гораздо меньшему количеству гарантий справедливого процесса, чем лицо, обвиняемое в совершении уголовного правонарушения. КОАП Грузии не требует от правоохранительных органов доказывать наличие оснований для применения административного ареста. Он не требует от правоохранительных органов незамедлительно информировать задержанного о его правах, а также не требует презумпции невиновности. Он не требует от судьи применять такие стандарты доказывания, как вне разумного сомнения, а сокращенный и упрощенный характер процедур установления вины и вынесения приговора снижает

вероятность эффективного представительства или эффективных апелляций.

Как мы уже упоминали, административное правонарушение – это противоправное и виновное деяние, предусмотренное Кодексом об административных правонарушениях, за которое предусмотрена административная ответственность в соответствии с Кодексом об административных правонарушениях.

Административный проступок представляет собой административное правонарушение, которое на практике зачастую сложно отделить от уголовной ответственности, несмотря на то, что оба понятия определены соответственно на правовом уровне. Вообще такая трудность создается сходством их объектов. Несмотря на такое сходство, административная ответственность отличается от всех других видов ответственности. Среди них – существенно отличающаяся от уголовной ответственности. Административная ответственность, как сравнительно легкий вид ответственности, не влечет за собой судимость и иных тяжких последствий, как это происходит при уголовной ответственности и наказании, тем не менее в практике и юридической науке актуальна проблема разделения административных проступков и ответственности. от уголовного преступления и ответственность по-прежнему стоит остро. В науке современного уголовного и административного права основным критерием разделения преступления и проступка является общественно опасный характер правонарушения. Каждое правонарушение направлено против конкретного общественного отношения и в большей или меньшей степени содержит общественную опасность, оно также направлено на нарушение правопорядка, в этом и состоит суть правонарушения - то, что отличает административное правонарушение от уголовной ответственности носит общественно опасный характер. Этот признак является основанием для разделения правонарушений на уголовные или административные правонарушения и их систематизации в соответствующих правовых актах. Характер самой обществен-

ной опасности определяется значимостью нарушенных преступлением общественных отношений, т.е. объекта преступления, а при определении степени общественной опасности учитываются различные факторы, в том числе тяжесть причиненного преступления. результат, причиненный преступлением, размер возможного ущерба, время, место, обстановка совершения преступления и т.п. Соответственно, чем больше общественная ценность объекта посягательства, размер возможного ущерба, тем больше возможностей обосновать повышенную общественную опасность деяния, и наоборот. Юристы делятся на несколько групп. Одна группа авторов полностью отвергает зависимость разницы от общественно опасного характера деяния, по их мнению, преступление всегда общественно опасно, а административный проступок совершенно лишен этого признака. Вторая группа авторов считает, что признак общественной опасности характеризует любое правонарушение, но в большей или меньшей степени, и поэтому административный проступок менее опасен, чем преступление. По мнению третьей группы ученых-правоведов, поскольку одни административные проступки являются общественно опасными, а другие - нет, то признак общественной опасности не является необходимой характеристикой проступков. Общественная опасность как критерий выделения сегодня используется весьма актуально, однако, как мы уже упоминали, в юридической литературе имеются предварительные мнения, профессор Отар Гамкрелидзе считает, что «мера степени общественной опасности не всегда полезна в разделение преступлений. Можно привести ряд примеров, когда деяние, за которое налагается административная ответственность, признается уголовным правонарушением на основании совершенно других обстоятельств (например, вследствие повторения)»

При сравнении элементов структуры административного правонарушения можно увидеть его сходство с нормами уголовного права, можно сказать, что административные

правонарушения в этом отношении имеют больше сходства с уголовным законом, чем с общим административным законом. Ввиду сходства объектов трудно отделить административное правонарушение от преступления, что на практике приводит к проблеме правильной квалификации деяния. Можно сказать, что сегодня степень общественной опасности является одним из основных критериев разделения административных правонарушений и преступлений. Правда, объектом защиты тех и других является защита государственных и общественно значимых ценностей, предупреждение, соответствующее реагирование на нарушение, но ясно, что к административным правонарушениям относятся непра-

вомерные действия, содержащие меньшую общественную опасность, и реагирование на нее. не требует жестких репрессивных мер, как того требует уголовная ответственность.

Заключение. По действующему на сегодняшний день КОАП, несмотря на внесенные изменения, по-прежнему базируется на идеологии советского законодательства, необходимо осуществить реформу законодательства об административных правонарушениях, чтобы получить совершенно новое законодательство об административных правонарушениях, приведенное в соответствие с европейскими стандартами.

References:

- [1]. Code of Administrative Offenses of Georgia, as of 2024
- [2]. Salkhinashvili M., Loria V., Administrative fines and their use, Tb., 2000, p. 18.
- [3]. <https://1feelfree.wordpress.com/2012/04/26/%E1%83%A0%E1%83%90-%E1%83%90%E1%83%A0%E1%83%98%E1%83%A1-%E1%83%A1%E1%83%90%E1%83%9B%E1%83%90%E1%83%A0%E1%83%97%E1%83%90%E1%83%9A%E1%83%93%E1%83%90%E1%83%A0%E1%83%A6%E1%83%95%E1%83%94%E1%83%95%E1%83%90/> 2020.01.18
http://nbe.gov.ge/index.php?sec_id=518&lang_id=GEO 2021.01.20
- [4]. Article 10 of the Code of Administrative Offenses of Georgia. As of 2024
- [5]. Tsyganova T. A. The mechanism for bringing legal entities to administrative responsibility in European countries. Problems of economics and legal practice. 2>2018
- [6]. Law of the Republic of Slovenia “On Misdemeanors” dated December 12, 2002, Wolters Kluwer Publishing House, Moscow, 2011.
- [7]. Tribunal Constitucional de Espania TEC 132/2001 de8 junio
Law on responsibility for přestupky a řízení o nich. Zákon no. 250/2016 Coll. Effective from 01.07.2017
<https://www.zakonyprolidi.cz/cs/2016-250> (2021.01.15)
- [8]. Gamero Casado E. y Fernandez Ramos S. Manual basico administrative. Madrid, 2005. P.365.
Lopez Agiiera V. Sancones Administrativas//URL:unne.edu.ar/unnevieja/Web/cyt/2001/1-Sociales/S-031.pdf
- [9]. Fodor E.M. General principles of administrative sanctions in Romanian Law//Fiat Iusticia. 2007.#1
- [10]. Law of the Republic of Austria “On Administrative Punishments”, Wolters Kluwer Publishing House, Moscow, 2011.
- [11]. Law of the Italian Republic of November 24, 1981 No. 689 “Changes to the criminal system”, Wolters Kluwer Publishing House, Moscow, 2011.
- [12]. <https://ka.wikipedia.org/wiki/%E1%83%9B%E1%83%90%E1%83%A0%E1%83%97%E1%83%9A%E1%83%AC%E1%83%98%E1%83%9C%E1%83%90%E1%83%90%E1%83%A6%E1%83%9B%E1%83%93%E1%83%94%E1%83%92%E1%83%9D%E1%83%91%E1%83%90> 2021.01.20
- [13]. The essence and composition of administrative offenses Justice and Law #1(65) 2020
- [14]. How to stop Georgia’s unconstitutional use of administrative offenses legislation. Report of the Judicial Independence and Legal Empowerment Project (JILEP), 15 October 2013.
- [15]. Lika Kobaladze Proceedings of cases of administrative violations, procedural features of their consideration

(TSU) Tbilisi 2011

- [16]. Ketevan Tskhadadze, Administrative Misdemeanor and its Separation from Criminal Crime, Journal of Justice, 2008, #2)
- [17]. Maka Salkhinashvili, Administrative offense and responsibility, Journal of Justice and Law, #2'08
- [18]. Gamkrelidze O., Criminal law problems, Volume 1, Tbilisi, 2011, 87-88.
- [19]. Liana Giorgadze The place of the law of administrative offenses in the legal system of Georgia - an effective model of codification Liana Giorgadze. The place of the law of administrative offenses in the legal system of Georgia - an effective model of codification. Tbilisi 2016

DAVID KHOBELIA

Doctor of Law, Associate Professor of Samtskhe-Javakheti State University(Georgia)

THE ESSENCE AND COMPOSITION OF AN ADMINISTRATIVE OFFENSE UNDER THE CODE OF ADMINISTRATIVE OFFENSES OF GEORGIA

SUMMARY

Keywords: Administrative offenses, composition, object, subject

The basis for administrative liability is administrative offense (administrative misconduct). At the same time, responsibility for administrative action on the case, if the illegal action does not lead to criminal liability. According to administrative science and practice, the essence of an administrative offense is the use of administrative sanctions by the state authorities against persons who violate the norms prescribed by Code of Administrative Offenses or other normative acts. An administrative offense is an unlawful, guilty and punishable act of a natural and / or legal person.

Offenses, as a widespread social event, affect the most diverse areas of public life. They are distinguished by their high dynamics. Offenses are the result of human behavior, and human behavior in turn depends on both social and biological factors. Moreover, social factors should be given priority, as a person is formed and acts in a certain social environment and his actions depend not so much on the physiological characteristics and condition of the body but on different levels and relationships of society.

An administrative offense, like a criminal offense, has a composition (not a crime, but misconduct), which includes: Subject, object, subjective side, objective side. The existence of these elements is necessary in order to obtain a complete composition of the law, which is very important when considering cases of administrative offense by the competent authorities.

POLYTOLOGY ПОЛИТОЛОГИЯ

ZUMRUD MALIKOVA

Associate Professor of Baku Slavic University PhD in Political Science
(Republic of Azerbaijan)

UDC 32, 327

ORCID ID: 0009-0001-1282-888X

RUSSIA'S SOUTH CAUCASUS POLICY IN THE CONTEXT OF GEOPOLITICAL INTERESTS

DOI:<https://doi.org/10.52340/isj.2024.27.09>

Annotation. At the onset of the 21st century, a shift in ruling power within Russia prompted a noticeable transition in the theoretical underpinnings of the state's foreign policy—from Westernism to neo-Eurasian ideologies. This article delves into the evolving geopolitical landscape following the Cold War across the former USSR, highlighting the intersecting interests of Russia with both international and regional stakeholders in the South Caucasus. Examining the historical backdrop of geopolitical rivalries in the region alongside pertinent political and economic dimensions, the piece scrutinizes Russia's South Caucasus policy and its theoretical framework, rooted in Defensive and later Offensive realism. Furthermore, it probes into the drivers behind Russia's assertive stance in its South Caucasus policy, analyzing the methods and strategies employed to combat contemporary security threats while unraveling Russia's geopolitical ambitions in the region. The main conclusion of the article is that Russia, which considers the South Caucasus as a vitally important region, tries to maintain its presence in the region in order to secure its geopolitical interests, and creates obstacles for the strengthening of other actors in this region.

Keywords: *South Caucasus, Russia, foreign policy, geopolitical interests, geopolitical competition.*

Introduction. The South Caucasus (SC) has

long been a focal point in regional geopolitics, owing to its geostrategic location and historical significance, which have rendered it a prime target for expansion by major powers. Historically, the SC served as a geopolitical battleground between the Safavid State and the Ottoman Empire during the late Middle Ages, and later between the Russian Empire, Ottoman Empire, and Iran. In the first half of the 19th century, the Russian Empire secured full control over the region, a dominance that persisted until the end of World War I. However, the tide turned with the February Revolution in Russia, followed by the Bolshevik coup, fundamentally altering the political landscape and geopolitical dynamics in the SC

While the peoples of the SC briefly tasted independence, Bolshevik occupation swiftly stripped them of sovereignty, subjecting them to 70 years of totalitarian rule under the Soviet Union. The isolationist policies of the Union republics stifled the flourishing of international relations, relegating the region to authoritarian control under Soviet hegemony. Nevertheless, with the collapse of the Soviet Union, new geopolitical realities dawned upon the post-Soviet territory. The SC states, newly sovereign following the dissolution of the Soviet bloc, emerged as independent actors in the arena of international relations.

Although Russia continued to regard the SC as within its sphere of influence, serving as the primary economic and trading partner for regional countries, its erstwhile political dominance

waned. The activities of international and regional actors, each pursuing diverse interests within the SC, posed a perceived threat to Russia's influence in the region. Under the presidency of Boris Yeltsin, the Western-oriented, defense-centric realism-based foreign policy gave way to a more assertive realism approach under Vladimir Putin's leadership.

Russia, deeming the SC its «backyard,» perceives the burgeoning influence of other actors in the region as antithetical to its geopolitical interests, and thus, unacceptable.

After the collapse of the USSR, the significance and role of this region experienced a notable increase. Iran and Turkey, longstanding adversaries of Russia in the region, cultivated relationships with South Caucasian countries during the post-Soviet period to bolster their influence in the region, achieving success in their endeavors. The geostrategic position of the region, coupled with the inherent advantages of the South Caucasus countries, accentuated their unique capabilities. Consequently, the region's strategic location, serving as both a crucial land corridor traversing Turkey and Greece, and a favorable geopolitical hub facilitating the transit of hydrocarbon reserves and other goods from Asia to Europe via the Caspian Sea and the Black Sea, attracted the attention of various international and regional powers.

As a result, the South Caucasus became a geopolitical arena during the last decade of the 20th and early 21st centuries, characterized by the geopolitical struggle between Russia and Western states, alongside regional actors seeking to reassert their influence in the region. Employing various tempos, methods, and means, this struggle unfolded amidst shifting power dynamics.

As the South Caucasian republics gradually sought to loosen Russia's grip and pursued foreign policies conflicting with the geopolitical interests of their northern neighbor, Russia remained steadfast in its determination to maintain dominance in the region. Consequently, Russia continued to pursue a policy grounded in

aggressive realism, unwilling to relinquish its position of influence.

Theoretical Principles of Russian South Caucasus Policy

The collapse of the USSR precipitated a period of political and economic decline in Russia and other post-Soviet nations. Once a dominant force across a vast geopolitical expanse during the Cold War, the dissolution of the USSR dealt a severe blow to its successor, the Russian Federation. This manifested in a notable decrease in Russia's political influence on the international stage, economic downturn, inflation, technological stagnation in the military-industrial complex, and widespread social hardships. Consequently, Russia found itself regressing by several centuries in terms of geopolitical significance. Former US Secretary of State Henry Kissinger aptly remarked, «The Russian Federation has regressed 300 years in terms of the shrinking of Western borders and the limitation of the country's possibilities in Europe. With the dissolution of the USSR, Russia returned to its borders during the time of Peter I»(1:96). There was a poignant truth in his observation, as the once formidable USSR, a global superpower during the Cold War, transformed into a regional state with frail political, economic, and social foundations in the turbulent 1990s.

Historically, Russia has wielded considerable influence in shaping the geopolitical landscape of Eurasia as a major power. Understanding the theoretical underpinnings of Russia's foreign policy in the modern era is paramount to deciphering its behavior and discerning its actions on the international stage. A comprehensive examination of realism in international relations theory, particularly its aggressive and defensive paradigms, offers insight into the motives, objectives, and strategies guiding Russia's foreign policy decisions. Realism, as the prevailing theory in international relations, posits that states predominantly act based on power dynamics and security imperatives. In the South Caucasus region

and beyond, Russia's foreign policy often adheres to realist principles, as it prioritizes safeguarding national interests and preserving influence within the global and regional order. Across the post-Soviet sphere, including the South Caucasus, Russia's assertive stance, energy diplomacy, and military interventions underscore its commitment to maintaining a balance of power and securing its sphere of influence.

During the presidency of Boris Yeltsin, Russia's foreign policy leaned towards the West under the guidance of Foreign Minister Andrei Kozyrev, pursuing a strategy rooted in defensive realism. However, a significant shift occurred towards the end of the 1990s, particularly with Vladimir Putin assuming power, as Western-centric ideals were supplanted by those advocated by neo-Eurasianists. Consequently, the theoretical underpinnings of Russia's foreign policy gradually shifted towards offensive realism. Russia has repeatedly pursued a foreign policy based on offensive realism towards countries in the South Caucasus during the post-Soviet period, exemplified by the war in August 2008, among other instances. This evolution is evident in the content of strategic documents adopted by Russia in recent years, such as the Foreign Policy Strategy of the Russian Federation and the Military Doctrine (2,3).

On March 31, 2023, Russia adopted a new Foreign Policy Concept (FPC), marking a notable departure from previous iterations. For the first time, the concept incorporated the notion of «national interests» and introduced transformations in the hierarchy of relations with countries and the delineation of geographical regions. Notably, concepts such as the «Islamic World» and the «Eurasian continent» were absent in previous foreign policy concepts until 2023, replaced by the designation of the «Near Abroad,» which includes territories formerly part of the USSR, including the South Caucasus. Section V of the new concept emphasizes Russia's commitment to preventing external interference in the internal affairs of its allies and partners, countering «color revolutions,» and maintaining stability in these states. Additionally,

it underscores Russia's efforts to deter the deployment of military infrastructure by non-friendly states in the Near Abroad and to deepen integration with Russia, while also providing comprehensive assistance to Georgia's occupied territories (Abkhazia and South Ossetia)(4).

The new FPC portrays Russia as a «unique state-civilization, a great Eurasian and Europe-Pacific Ocean state» possessing significant resources. It emphasizes Russia's status as a permanent member of the UN Security Council and the successor of the USSR, highlighting its pivotal role in the international relations system. The document underscores Russia's commitment to countering neo-Eurasianist ideas and neocolonial tendencies and positions Russia as a decisive global actor.

Imperial ambitions and the pursuit of great power status are significant driving forces behind Russia's foreign policy. Characterized by a pragmatic balance among various global and regional actors, Russia's foreign policy in the early 21st century aimed to reduce dependence on any single power by enhancing alliances and partnerships—a multivector approach that enables Russia to maximize its interests in the evolving global arena. Realism, geopolitics, identity, and a multivector approach collectively shape Russia's behavior and decision-making processes. Despite Russia's interest in fostering a multipolar world order, the institutionalization of such an order is expected to be a protracted process.

An examination of these theoretical frameworks offers insights into the motives, objectives, and strategies guiding Russia's international relations. By establishing these theoretical foundations, policymakers can better anticipate Russia's behavior and formulate effective strategies for engagement.

Russian Geopolitical Interests and Security in the South Caucasus

The formation of Russia's foreign policy is decisively shaped by geopolitical factors, with its vast territory, abundant resources, and strategic position bridging Europe and Asia

influencing its imperatives. Russia's strategic focus on safeguarding its borders, controlling key resources like energy reserves, and projecting influence in critical regions such as the Arctic and the Black Sea—underscored in its 2014 Military Doctrine—illustrates the centrality of geography in its foreign policy calculus(2). The notion of the «near abroad,» emphasizing Russia's interest in maintaining sway over neighboring states, further underscores the significance of geographical proximity in its strategic outlook.

Russia's geopolitical aspirations find grounding in Sir Halford John Mackinder's «Heartland» theory, which posits that control over Eastern Europe translates to dominance over the Heartland, Eurasia, and ultimately, global hegemony. Viewing the South Caucasus as integral to the Heartland, Russia seeks to reassert its imperial dominance by bolstering regional hegemony and safeguarding its southern borders against potential threats from Turkey and Iran. Its policies in the South Caucasus reflect imperial ambitions, employing strategies of division and control, including support for separatist factions to maintain a dominant presence in the region. This approach is exemplified in conflicts like the Armenia-Azerbaijan dispute, where Russia's military, technical, and economic assistance to Armenia complicates conflict resolution efforts.

The conflicts in Abkhazia and South Ossetia are intrinsically tied to Georgia's prospective NATO membership. By backing the Abkhaz and Ossetian ethnic groups economically and militarily, Russia sought to consolidate its grip over Georgia. The 2008 August War showcased Russia's assertive role in the region, with objectives spanning the curtailment of Georgian sovereignty in South Ossetia and Abkhazia, weakening Georgia's military, thwarting its NATO and EU aspirations, and sending a message to other post-Soviet states considering Western integration, as evidenced by similar actions against Ukraine in February 2022.

Economic considerations are paramount in Russia's geopolitical calculus in the South Caucasus, particularly concerning the region's

economic ties with the West, notably in energy projects. Reluctant to cede its dominant position in the energy market, Russia wields its energy policy as a tool to retain influence over European states. Initiatives like the «Contract of the Century,» signed in September 1994 to transport Caspian oil to Europe, and subsequent acquisitions, such as Russia's Lukoil acquiring a 10% stake in the project, exemplify efforts to safeguard its position in Europe's energy landscape. In contemporary times, Russia remains intent on bolstering its influence across all spheres, particularly in energy projects, to maintain its grip over the South Caucasus.

Russia's geopolitical interests pose significant challenges to establishing stability in the South Caucasus, where its military-political presence is pronounced. Despite Georgia lacking military-political ties with Russia, the latter maintains a strong military-political presence in Georgia's occupied territories. Meanwhile, Azerbaijan, despite extensive relations with NATO countries, including the USA and Turkey, remains a consistent purchaser of Russian arms and upholds its relations with Russia, as evidenced by the February 23, 2022 agreement. Additionally, following the Second Karabakh War, Russia deployed a peacekeeping contingent in the mountainous part of Karabakh (Azerbaijan) and the Lachin corridor, per the trilateral statement of November 10, 2020. However, the renewable five-year mandate of this contingent is met with negative perceptions within Azerbaijani society.

Armenia stands as a strategic ally of Russia, heavily reliant on it across various domains such as economy, military-technical support, and security. Consequently, Russia's presence in the region is underpinned by an institutionalized network of security relations. Despite Armenia's intensive relations with NATO and Turkey, its strategic security partnership with Russia is normatively rooted and likely to deepen further. The Russia-Armenia relations exemplify a form of partial sovereignty extension, facilitated by agreements ensuring Russia's oversight of the Armenian border. Additionally, Armenia's

membership in the Collective Security Treaty Organization (CSTO) signifies its military alliance with Russia. Notably, in the occupied Georgian territories, Russian military-political integration is observable, further illustrating Russia's entrenched presence in the region.

Russia maintains a network of military bases in the South Caucasus, enabling it to address security threats and challenges along its southern borders. Following the dissolution of the USSR, Russia, as its successor, continued operating military bases in the region through agreements with local countries. Azerbaijan was among the first post-Soviet states to expel Russian troops from its territory. The radar station in Gabala, Azerbaijan, designed for missile defense and staffed by up to 2,000 personnel, ceased operations on December 10, 2012, due to a failure to reach a lease agreement (6). Russian troops were withdrawn from Georgian territory (excluding South Ossetia and Abkhazia) in November 2007.

Russia's largest military base in the South Caucasus is situated in Gyumri, Armenia, equipped with S-300 missile systems and MiG-29 fighter jets. It houses a 5,000-personnel garrison under a 49-year agreement valid until 2044. Another Russian military base, accommodating up to 4,000 personnel, is located in Abkhazia, while the military base in Tskhinvali, South Ossetia, also hosts 4,000 personnel(5). Furthermore, a Russian peacekeeping contingent has been deployed in the mountainous part of Karabakh, within Azerbaijan's Karabakh economic region, based on the third clause of the November 10, 2020, trilateral statement, with a mandate until November 2025.

Some Russian military bases in the South Caucasus are leased for free, with the host countries primarily responsible for their material-technical provision. In certain cases, the expenses for maintaining the Russian military presence are partly covered by the host country, as exemplified by Armenia paying 50% of the expenses for Russia's 102nd military base in Gyumri, or fully leased(5).

In the South Caucasus countries, Soviet or

Russian-made weapons remain predominant, with Georgia being the sole exception having entirely phased out Russian arms, opting instead for Western models in its military-technical arsenal. Although Azerbaijan continues to procure modern heavy weapon systems from Russia, such as T-90S tanks, BMP-3 vehicles, Smerch MLRS, and TOS-1A Solntsepek, recent diversification policies have led to a decline in Russian arms sales to Azerbaijan. Challengers to Russia's dominance in this domain include Israel, Turkey, and Pakistan, whose successful incursions have undermined Russia's position. Conversely, Armenia has consistently received a greater volume of Russian arms supplies compared to Azerbaijan, often acquiring outdated weapons under domestic prices and favorable terms. Notably, recent significant military-technical cooperation agreements with China and France indicate a gradual erosion of Russia's influence in Armenia.

Following the collapse of the USSR, while official Moscow once played a pivotal role in training military personnel for South Caucasus countries, there has been a fundamental shift in approach and preferences, particularly in Azerbaijan and Georgia, driven by national security imperatives and other factors. These countries now favor Western models over Russian methods for military personnel training.

Conclusion

Russia remains the most influential actor in the conflicts of the South Caucasus, having directly participated in the conflicts in Georgia. Currently, Russia assumes the role of a «guarantor» in maintaining the post-war status quo in Nagorno-Karabakh, while the West endeavors to strengthen its presence in the region. This position affords Russia leverage over both sides of the conflict, yet maintaining a delicate balance of power, particularly amidst active efforts by other states, notably Turkey, to disrupt it, presents a formidable challenge. The escalation of geopolitical competition for

the South Caucasus hinges directly on dynamic processes within the region and the broader global landscape.

Following Russia's aggression towards Ukraine, the involvement of foreign players in the South Caucasus has surged. Turkey, the US, and European nations are all vying to expand their spheres of influence in the region, seeking to fill the void left by Russia. Simultaneously, the looming specter of a large-scale conflict between the West and Russia compels regional countries to explore alternative avenues for diversifying their military-political relations, given the inherent risks associated with deepening ties with Western nations.

However, Russia's significant influence in the security sphere of the South Caucasus renders it nearly impervious to substantial shifts in the balance of power, even in the medium term. The foreign policy constraints faced by other major powers also curtail their capacity to actively

challenge Russia in the region. Nevertheless, the presence of such actors and the opportunity for regional powers to diversify their security relations through them prevent Russia from consolidating its influence in the South Caucasus, thus perpetuating instability in a region prone to heightened tensions.

Essentially, Russia's assertive stance in its South Caucasus policy can be attributed to several factors. Firstly, Russia views the South Caucasus as integral to its «great empire» and endeavors to maintain its preeminent role in resolving conflicts in the region. Additionally, Russia aims to impede the participation of South Caucasus states in Western infrastructure projects, perceiving such endeavors as threats to the security of its southern borders. Consequently, Russia does not hesitate to resort to aggressive tactics to safeguard its defense potential, thereby exacerbating instability in the region and undermining the security of South Caucasus nations.

Литература:

- [1]. Məlikova, Z.(2017) Şərqi Avropa: müasir inkişafın və təhlükəsizliyin mexanizmləri. Bakı: “Elm və təhsil” nəşriyyatı, 224 s.
- [2]. Военная доктрина Российской Федерации. <https://docs.cntd.ru/document/420246589> (28.12.2023)
- [3]. Концепция внешней политики России 2023: стратегия многополярного мира. <https://russiancouncil.ru/analytcs-and-comments/analytcs/kontseptsiya-vneshney-politiki-rossii-2023-strategiya-mnogopolyarnogo-mira/> (14.02.2024)
- [4]. Концепция внешней политики Российской Федерации (утверждена Президентом Российской Федерации В.В.Путиным 31 марта 2023 г.) <https://www.mid.ru/ru/detail-material-page/1860586/> (08.11.2023)
- [5]. Список российских военных объектов за рубежом. <https://ru.wikipedia.org/wiki> (17.01.2024)
- [6]. РФ приостановила эксплуатацию Габалинской РЛС — МИД Азербайджана. <http://news.mail.ru/politics/11254053/?frommail=1> (23.01.2024)

ЗУМРУД МЕЛИКОВА

**Доцент кафедры международных отношений, Бакинский Славянский университет.
(Азербайджанская Республика)**

**ЮЖНОКАВКАЗСКАЯ ПОЛИТИКА РОССИИ
В КОНТЕКСТЕ ЕЕ ГЕОПОЛИТИЧЕСКИХ ИНТЕРЕСОВ****Резюме**

Ключевые слова: Южный Кавказ, Россия, внешняя политика, геополитические интересы, геополитическое соперничество.

В статье исследованы новая геополитическая среда, сформировавшаяся на территории бывшего СССР после холодной войны, сталкивающиеся интересы России с международными и региональными акторами на Южном Кавказе, история геополитического соперничества в регионе, политические и экономические аспекты, южнокавказская политика России и теоретические основы этой политики. На основе общенаучных методов была исследована политика России на Южном Кавказе основанная сначала на оборонительном (defensive), а потом наступательном (offensive) реализме. Также были проанализированы причины демонстрации агрессивного поведения России в отношении региона Южного Кавказа, современные способы и средства, использованные в борьбе против угроз безопасности и геополитические интересы России в регионе.

В результате распада Советского Союза, на постсоветском пространстве под воздействием новых геополитических реалий, сформировалась иная политическая среда, а государства Южного Кавказа превратились в независимые акторы международных отношений. Хотя Россия, всегда рассматривающая Южный Кавказ как сферу своего влияния, остается основным экономическим и торговым партнером стран региона, не смогла сохранить здесь свое политическое влияние. Деятельность международных и региональных акторов, имеющих широкий спектр интересов на Южном Кавказе, в направлении расширения своего влияния в регионе, Россия оценила как угрозу.

В период правления первого президента России Бориса Ельцина курс внешней политики западников, основанный на оборонительном реализме, в годы правления Владимира Путина сменился наступательным реализмом. Рассматривая ЮК как свой «задний двор», Россия считает деятельность других игроков в регионе неприемлемой и противоречащей ее геополитическим интересам. Продолжающаяся борьба России, западных государств, а также региональных акторов, пытающихся восстановить свое влияние в регионе (другим темпом, разными методами и средствами) в последнее десятилетие XX века и в начале XXI века превратили Южный Кавказ в поле геополитического соперничества. Со временем республики Южного Кавказа, выйдя из-под контроля России начали проводить противоречащую геополитическим интересам северного соседа внешнюю политику. Россия же, не желающая терять свое доминирование в регионе, демонстрирует политику, основанную на наступательном реализме.

В итоге, агрессивное поведение России в политике ЮК связано с рядом факторов: во-первых, Россия считает ЮК частью своей «великой империи»; Россия старается сохранить свою лидирующую, решающую позицию в разрешении конфликтов в регионе; Российская Федерация пытается создать препятствия в участии стран ЮК в инфраструктурных проектах Запада; Россия рассматривает каждую попытку международных и региональных акторов, связанных с ЮК, как угрозу безопасности своих южных границ и не гнушается агрессивным поведением, чтобы убедиться в обеспечении своего обороноспособного потенциала. Это, в свою очередь, ведет к нестабильности в регионе и полной потере странами ЮК уверенности в своей безопасности.

ЭСМИРА ДЖАФАРОВА

Доктор философии по политическим наукам, доцент Мингечевирский
Государственный Университет (Азербайджанская Республика)

ГЛОБАЛЬНЫЕ ГЕОПОЛИТИЧЕСКИЕ ТЕНДЕНЦИИ И СОВРЕМЕННЫЙ ХАРАКТЕР МИРОУСТРОЙСТВА

DOI: <https://doi.org/10.52340/isj.2024.27.10>

Сегодня, на фоне глобальных социально-экономических, военно-политических и социокультурных процессов, возникновение интенсивных геополитических тенденций свидетельствуют о формировании нового мирового порядка, отвечающего специфическому духу и требованиям современности. Именно явление под названием «мировой порядок» представляет собой глобальный социально-политический процесс, и он обычно меняет свой образ, содержание, структуру, сущность и цели в связи с результатами масштабных социально-экономических, социокультурных и военно-политических процессов. В целом мировой порядок имеет полицентрическую структуру. Текущие изменения в этом регламенте характеризуются тем, как строить отношения между основными акторами мировой политики и как разделять основные области интересов.

В современном политическом лексиконе важнейшие центры силы, определяющие глобальные процессы, классифицируются как геополитические полюса мира. Под «современным геополитическим полюсом» следует понимать «неоимперию», осуществляющие неформальный контроль над другими акторами мирового порядка с помощью силы (политической, военной, экономической и т.д.). Монополистическая, биполярная и полиполярная модели современного мироустройства неадекватно отражают «гибридный» характер современных геополитических отношений. Сегодня, как и столетие назад, Соединенные Штаты остаются самым мощным полюсом в мире. Запад, как неформальная макроимперия объединяет на своей территории США, несколько государств с силовыми центрами (Великобритания, Франция, Германия и др.) и

других союзников. Такие мощные и амбициозные государства, как Россия и Китай за пределами Запада пытаются укрепить свои позиции и расширить свои интересы в глобальной политике, настаивая на статусе геополитических полюсов нового мирового порядка. Таким образом, происходящие сегодня в глобальном масштабе военно-политические процессы свидетельствуют о том, что в ближайшем будущем будет установлен олигополистический и неоимперский геополитический мировой порядок.

Из вышеизложенного становится ясно, что геополитика или геологическая политика это различные способы, которыми различные структуры военно-политических субъектов влияют на оппонента или оппозиционный субъект по отношению к месту, событию и процессу, в котором их интересы сталкиваются. Все составляющие компоненты этой политики являются определяющими факторами мировой политики. Современные геополитические теории уделяют особое внимание использованию технологических возможностей или форм влияния (политического, военного, экономического, гражданского, коммуникативного, демографического, информационного), для осуществления контроля силовых центров над интересующим их пространством [3].

Геополитика—это основанное на силе гегемонистское влияние сверхдержавы, стремящейся обеспечить «достойное положение» в космосе, другими словами, акт уравнивания сил. При реализации этого акта могущественные сверхдержавы диктуют свою политическую волю и обычно не идут на компромиссы, в то время как другие государства вынуждены реализовывать свое отношение

к текущей ситуации, своим внутренним и внешнеполитическим приоритетам «в соответствии с требованиями сверхдержавы.или, по крайней мере, не противореча этим требованиям». Следует отметить, что изменить характер геополитики невозможно, лишь иногда можно вносить коррективы в конфигураций политических сил [5]. Кстати, изучение геополитики и связанного с ней «мироустройства» по-научному называется «теорией международных отношений».

Современная политология различает традиционные, новые (геоэкономика) и новейшие (геофилософия) типы геополитики. Традиционная геополитика делает акцент на военно-политической мощи государства и доминирующей роли географических факторов в оккупации других территорий. Новая геополитика или геоэкономика фокусируется на экономической мощи государства, благодаря которому оно доминирует в географических регионах. Новейшая геополитика или геофилософия основана на том, что идеологический и политический дух государства и нации, основанный на здравом смысле и высоких философских идеалах, всегда было выше фактора военной и экономической мощи. Совокупность методов и инструментов для реализации геополитики называется «геостратегией».

За последние четыре столетия (XVII-XX вв.) сформировались несколько систем для установления мирового порядка и определения геополитических акторов, в которых выделены основные принципы глобальных отношений на определенный период:

1. Вестфальская система – Достигнут в итоге тридцатилетней войны (1618-1648) в Европе на основе договоров от 15 мая (Мюнстер, католическое епископство) и 24 октября (протестантский епископ Оснабрюк) широко известных как «Вестфальский мир». Вестфальской системе свойственна идея уравнивающих сил [6].

2. Венская система международных отношений – Была принята с окончанием наполеоновских войн (1799-1814) в 1814 и 1815 годах в Вене (Австрия). На Венском Конгрессе под председательством Меттерниха-Виннебурга (1773-1859) [2]. Именно в рамках Венской системы впервые в истории сформировались

такие новые концепции, как «сверхдержавы» и «многосторонняя дипломатия» на примере России, Австрии и Великобритании. Многие исследователи считают Венскую систему первым примером «коллективной безопасности». Венская система также систематизировала и унифицировала дипломатические ранги (посол, полномочный представитель и 4 различных типа консульских постов). В то же время эта система определила новые политические концепции, такие как дипломатический иммунитет и дипломатический чемодан (по-французски: *Valise postale* - почтовая сумка или дипломатический багаж). Для Венской системы также характерна идея «европейского союза» [7].

3. Версальско-Вашингтонская система международных отношений была создана после Первой мировой войны (1914-1918 гг.), во время Парижской мирной конференции (18 января 1919 г. - 21 января 1920 г.) с заключением Версальского мирного договора (1919, 28 июня) и 1921-1922 годах. Создан на основе соглашений, подписанных в ходе Вашингтонской конференции. [4]

4. Ялтинско-Потсдамская система международных отношений была принята на основе договоренностей, достигнутых и заключенных на Крымской (4-11 февраля 1945 г.) и Потсдамской (17 июля - 2 августа 1945 г.) конференциях, проведенных в годы Первой Мировой войны. Ялтинско-Потсдамская система положила начало идеологическому и политическому противостоянию между капиталистическими и социалистическими лагерями, названное «холодной войной», после чего в мире установилась биполярная форма военно-политических сил. С распадом Советского Союза и мировой социалистической системы в 1991 году Ялтинско-Потсдамская система также потеряла свою силу. [1]

Сегодня существуют разные подходы к понятию «геополитика» в социальной философии. Подходя к этому вопросу с «парадигмы неореализма», он оценивается как межгосударственные отношения, а мировая политика воспринимается как взаимодействие неофициальных акторов, противостояние сверхдержав. Неслучайно акторы, которые проводят современную глобальную политику не имеют

официальный статус и не имеют права голоса. Работа такой великолепной и чрезвычайно сложной структуры, как управление планетой, по сути, осуществляется секретным «мировым правительством» (Бильдербергский клуб или Бильдербергская группа), имеющий твердый голос в политике, бизнесе, экономике и культуре. Клуб, насчитывающий 300 членов и называемый «Правительством 300-х», получил свое название от знаменитого отеля Бильдерберг в Остербеке (Нидерланды), где проводятся ежегодные собрания клуба. Таким образом, отношения между мировыми сверхдержавами и другими политическими образованиями выстраиваются в соответствии с программами, разработанными неофициальными властями, и осуществляются по определенному сценарию. Если мировая политика, находящаяся под полным контролем тайной сверхдержавы, способна создавать острые столкновения на религиозной, этнической и национальной почве в любое время и в любом месте, то какая конкретная идеология или метод могут быть использованы для «срыва планов» сверхдержав? Дело в том, что в каждом, даже самом стабильном обществе есть много людей, которые тайно и открыто придерживаются антигуманистических идей, таких как анархизм, хаотизм, экстремизм, фашизм, расизм и нигилизм. Сверхдержавы, правящие миром, «полагаются на эти силы в своей успешной геополитике».

Следует отметить, что термин «мировой порядок» довольно абстрактное понимание. Поэтому он по-разному трактуется в разных политических и идеологических концепциях. Одна из них, «гегемонистская теория стабильности», по мнению политологов, эта теория больше соответствует политическому духу и требованиям современности. Апологеты этой теории утверждают, что современный мировой порядок может быть устойчивым только при наличии центра с высоким господством и гегемонией в планетарном масштабе.

В то время, когда имеют место глобаль-

ные геополитические тенденции и строится новый мировой порядок на основе современных требований, наблюдаются беспрецедентные процессы, добавляющие специфические компоненты в суть порядка. Для успешной организации и эффективного функционирования современного мироустройства, прежде всего, необходим высокий уровень баланса сил, управление в соответствии с требованиями новых технологий, согласование текущих и ожидаемых международных процессов и тенденций. А также требуется формирование сверхсовременного мышления и новые либеральные взгляды.

Таким образом, основными компонентами нового мирового порядка являются:

- разнообразие политических режимов;
- отказ от насильственного навязывания идеологических концепций политическими институтами сверхдержав другим обществам (среди этих идеологических концепций есть и демократия);
- не стремление к нарушению стабильности, порядка и легитимности, достигнутых отдельными обществами, тем или иным образом, не создавать искусственные революции или инициированные противоречия в обществах, живущих в соответствии со своими традициями и образом жизни;
- строго контролировать правила применения санкций и постоянно их регулировать, не применять их, когда в этом нет необходимости, и, наконец, ограничивать их, используя более оптимальные варианты;
- не использовать глобальные экономические, финансовые, рейтинговые, информационные и другие инструменты при реализации национальной внешней политики;
- гарантировать неприкосновенность традиционных границ государств, признанных авторитетными международными организациями и правовыми нормами;
- воздерживаться от попыток навязать новые этические и правовые нормы и стандарты другим государствам и обществам.

Литература:

- [1]. Кортуннов С.В. Крушение Вестфальской системы и новый мировой порядок - Журнал «Золотой лев», Москва, 2007. - С.125-126

- [2]. Меттерних К.В. фон. Записки Меттерниха. Изложения, отрывки. Исторический вестник, 1880 - Т. 1. - № 2. - С. 374-392
- [3]. Сергеев А.Г. Синекдоха отечания или Защита гомеопатическая // В защиту науки. - 2017. - № 19. - С. 90
- [4]. Цыганков П.А. Глава 5. Современные школы и направления в теории международных отношений. Спор между неореализмом и неолиберализмом. Неолиберализм. Теория международных отношений. Москва:, 2003. - С. 132-136. 590 с.
- [5]. Цыганков П.А. Традиции, парадигмы и споры в ТМО. Политический реализм. Теория Международных Отношений. М.: Гардарики, 2003.- С. 109-112. - 590 с.
- [6]. Meiem, Johann Gottfried von. AcitaPacisWestphalicae. Hanover, 1734. Pp. 231-232
- [7]. Bridge, Roy. Europes Balance of Power, 1815-1848. Allied Diplomacy in Peacetime: The Failure of the Congress System, 1815-23. Alan Sked. 1979. Pp. 34-53

ESMIRA JAFAROVA

Doctor of Philosophy, Associate Professor, Mingechevir State University (Republic of Azerbaijan).

GLOBAL GEOPOLITICAL TRENDS AND THE MODERN NATURE OF THE WORLD ORDER

SUMMARY

The article describes the changing world order under the influence of global and regional socio-economic and military-political processes that took place at the beginning of the XXI century. The basic principles of the world order and the systems formed by geopolitical actors are analyzed. In the end, the conditions that form the fundamental foundations of the new world order are given. Geopolitics or geopolitical policy is the different ways of influencing an opponent or opposition entity in relation to the place, event and process in which the interests of military-political subjects collide. All the components involved in this policy are the defining factors of world politics. There are different approaches to the concept of «geopolitics» in social philosophy. When approached from the «paradigm of neorealism», it is assessed as interstate relations, and world politics is perceived as an interaction of unofficial actors, a confrontation between superpowers.

When global geopolitical trends are taking place and the new world order is based on modern requirements, unprecedented processes are taking place, and they add specific components to the nature of this order.

Thus, the principal foundations of the new world order are:

- diversity of political regimes;
- Refusal to forcibly impose ideological concepts of political institutions on other societies
- not to use global economic, financial, rating, information and other instruments in the implementation of national foreign policy;
- to guarantee the inviolability of the traditional borders of states recognized by authoritative international organizations and legal norms

НАРГИЗ НАГИЕВА

Доцент Бакинского Государственного Университета, доктор философии по политическим наукам (Азербайджанская Республика)

НЕОКОЛОНИАЛЬНАЯ ПОЛИТИКА ВЕЛИКИХ ДЕРЖАВ НА ЮЖНОМ КАВКАЗЕ

DOI: <https://doi.org/10.52340/isj.2024.27.11>

Понятие деколонизации использовалось для обозначения процесса обретения колониальными странами независимости. Процесс деколонизации проходил в два этапа. Первый этап охватывал процессы независимости азиатских стран в 1945-54 годах, а второй этап - процессы независимости африканских стран в 1955-56 годах. Однако о полной ликвидации колониализма не может быть и речи. Процесс деколонизации привел не к «абсолютной» независимости, а к иному виду «зависимости», соответствующему новым условиям. Экономические и другие методы, используемые вместе с новыми правилами, позволили построить огромную новую колониальную империю, невидимую для глаза. Новые правила позволили создать «огромную новую невидимую колониальную империю» экономически и другими методами.

Таким образом, неоколониализм — это новая форма классического колониализма. [3] Многие бывшие колонии не утратили своей зависимости от колониальных стран. Сохранение этих зависимых отношений обусловлено прежде всего отсутствием у колониальных стран собственных технологий, образовательных программ, культурной политики и экономического понимания.

Дебаты вокруг неоколониализма в первую очередь связаны с именем антиколониального лидера Ганы, а затем президента Кваме Нкрумы. Нкрума, вслед за Лениным, который называл империализм последней стадией капитализма, характеризует неоколониализм как последнюю стадию империализма.

Основываясь на своем опыте независимости Ганы с 1957 года, Нкрума видел главную

особенность неоколониализма в том, что, несмотря на формальную независимость и суверенитет государства, «его экономическая система и, следовательно, его политическая деятельность управляются извне» [2]. В таких условиях вложения иностранного капитала в «слаборазвитые» регионы приводили к их эксплуатации и вместо «развития» постепенно увеличивался разрыв между бедными и богатыми странами (там же). Нкрума подчеркивает, что «борьба с неоколониализмом заключается не в том, чтобы исключить развитый мировой капитал из деятельности в слаборазвитых странах», «она заключается в том, чтобы не допустить использования финансовой мощи развитых стран для обнищания слаборазвитых стран». Наряду со старыми колониальными державами в качестве акторов неоколониализма упоминаются новые имперские державы, особенно США, а также транснациональные корпорации и международные финансовые круги в целом [2].

Теоретическим ядром неоколониализма остается управление экономикой иностранными игроками как образцовое проявление устойчивости колониализма.

Южный Кавказ исторически находился в центре внимания великих держав из-за своего геостратегического положения и природных ресурсов. Длина нефтепровода Баку-Тбилиси-Джейхан, который является одной из важнейших инвестиций в сотрудничестве между Кавказом и странами региона, составляет 1768 км. Эта линия является крупнейшим энергетическим сотрудничеством между турками и грузинами в регионе. Россия всегда старалась держать другие великие державы

подальше от региона, чтобы сохранить свое влияние на Южном Кавказе. Россия, выступая против членства Грузии в НАТО, еще раз подтвердила, что не откажется от региона, взяв под свой контроль Абхазию и Южную Осетию.

Сегодня США, Иран, Россия и Франция пытаются создать свои сферы влияния на Южном Кавказе. Благодаря имеющимся у них знаниям они пытаются получить прибыль, используя элементы конфликта между народами региона. Очевидно, что одна из этих сил стоит за этническими или религиозными разногласиями на Южном Кавказе. С другой стороны, Россия не хотела терять свое влияние на постсоветском пространстве. Он использует всю свою силу, время от времени прибегая к насилию. Отделив Абхазию и Южную Осетию от Грузии, Россия отрезала связь Кавказа с Европой и буквально поставила заслон на северной границе этой страны. Все это показывает, насколько полны решимости россияне не потерять свое влияние в регионе.

До 2003 года Евросоюзу, не желавшему допускать южнокавказских республик из-за национальных конфликтов на их территориях, наконец пришлось скорректировать свою политику в отношении этого региона. Так, 14 июня 2004 года на встрече в Люксембурге министры иностранных дел стран-членов Евросоюза приняли решение о включении Азербайджана, Грузии и Армении в программу «Расширение Европы: новые соседи», и это решение было одобрено на саммите Евросоюза, прошедшем в Брюсселе 17 июня, был выполнен. В результате Южный Кавказ практически полностью приблизился к Европейскому Союзу.

Собственные природные ресурсы Азербайджана, особенно его богатые углеводородные ресурсы, представляющие сегодня большой интерес для Запада, тот факт, что он является транспортным коридором между богатыми этими ресурсами республиками Центральной Азии и Европой (в обход России), а также особое геополитическое положение

Азербайджана. Каспийские воды на Ближнем Востоке, куда входит и Азербайджан, делают нашу республику более привлекательной для западного мира.

Позиции России (бывшего СССР) и США находятся в противоречии на протяжении многих столетий. Столкновение евразийских и атлантистских позиций, называемое дуализмом в геополитике, ярко проявляется и в политике Южного Кавказа. С геополитической точки зрения можно четко сформулировать цели как атлантизма, так и евразийства в кавказском регионе. Цель Евразии — поставить этот регион под контроль Москвы, укрепить здесь позиции России и сохранить свое стратегическое присутствие. Атланты заинтересованы в прямо противоположном. То есть геополитическая цель США — вывести все эти территории из сферы влияния Москвы и создать условия для того, чтобы Запад мог воспользоваться этим на Кавказе.

Урегулирование национальных конфликтов, сохраняющихся сегодня на Южном Кавказе, несомненно, имеет большое значение для поддержания стабильности в этом регионе, имеющем особое геостратегическое значение. В результате особой деятельности США и Евросоюза регион Южного Кавказа день ото дня интегрируется в западный мир, что, естественно, не может не беспокоить соседние страны, такие как Россия и Иран, теряющие свои геополитические позиции.

З. Бжезинский отмечает, что регион Южного Кавказа, ранее находившийся под контролем Российской империи, в настоящее время является объектом борьбы Ирана, России и Турции за создание сферы влияния. Но ни один из этих трех традиционных кандидатов не имеет возможности доминировать здесь. Итак, помимо этих трех государств, в этом регионе можно увидеть силуэт еще двух крупных фигур - США через НАТО, одним из ведущих членов которого является Турция, и Евросоюз, в который Турция настойчиво пытается стать членом [1, 134].

Колонизаторы никогда не хотят, чтобы их

колонии стали полностью независимыми. Например, Украина и Россия. Подход в поддержку ЕС и НАТО был встречен Россией с беспокойством, и затем Россия приступила к вторжению и аннексии Крыма. Другими словами, за попытку провести независимую политику, выходящую за рамки международного неокOLONIALИЗМА, придется заплатить, и Украина испытала это на себе.

Принципиальное отличие от пост-неокOLONIALИЗМАльной практики неокOLONIALИЗМА состоит в том, что в ее рамках государство-покровитель может не только использовать ресурсы зависимой страны, но и использовать их для решения своих проблем в международном мире, как на региональном, так и на глобальном уровне. Подконтрольный субъект становится инструментом политики другого государства.

Сфера применения «пострадавших» стран достаточно широка. Такие государства могут использоваться на военном, военно-политическом, политическом и торгово-экономическом уровнях в зависимости от их функциональной специализации.

Эта практика используется для решения многих задач, особенно для сильного давления и влияния на оппонентов. Кроме того, сила зависимых, находящихся под влиянием государств используется для предотвращения стремления великих держав расширить свое региональное или глобальное значение. Наконец, его используют для решения своих военно-политических задач в отдельных регионах мира. Таким образом, военно-политическое использование «под влиянием» страны возможно как в регионе ее расположения, так и далеко за его пределами.

С 1991 года, после окончания «холодной войны» и распада Советского Союза, политика ведущих евроатлантических стран в отношении своих бывших колоний, контролируемых и зависимых стран вступила в период трансформации и корректировки. Серьезные изменения в международной политике дали о себе знать. Внешнеполитическая практика

неокOLONIALИЗМА стала приобретать новую форму и содержание. Обновленную модель политики неокOLONIALИЗМА можно условно определить как пост-неокOLONIALИЗМ.

Каковы формы и методы реализации пост-неокOLONIALИЗМАльной политики великих держав в современное время? В новое время расширились формы и области применения зависимых предметов. Теперь они выступают не только источниками ресурсов и рынков для западных стран, но и лидерами собственных политических курсов на региональном и глобальном уровне. Такие страны прямо или косвенно используются для реализации целей евроатлантических государств на военном, политическом, торгово-экономическом уровнях. Фактически, благодаря им США, Англия и западные державы приобрели новые инструменты для своей внешней, оборонной и экономической политики.

В пост-неокOLONIALИЗМАльной практике уровень милитаризации возрос. НеокOLONIALИЗМ оценивался исследователями преимущественно как модель экономической эксплуатации бывших колоний и «слабых» стран. Торгово-экономические отношения были основным каналом зависимости «слабых» стран от евроатлантических государств. Пост-неокOLONIALИЗМ прочно связан с пространством войны. Большинство новых зависимых образований были созданы в результате региональных войн, внутренних вооруженных конфликтов и кризисов. Такая ситуация предопределила формы их использования. Главную роль среди них играет не только поставка наемников и оружия, но и поддержание войн в отдельных регионах мира. США являются крупным игроком в неокOLONIALИЗМЕ. Вашингтон значительно расширил свое влияние в мире после 1945 года, максимально воспользовавшись развалом колониальной системы. С 1991 года США являются лидером в новой практике манипулирования странами, находящимися под их контролем. Крах системы европейской безопасности после «холодной войны» в результате аннексии Крыма,

изменений на международных энергетических рынках, дестабилизирующего влияния Ближневосточного региона на Южный Кавказ и внутренние проблемы Европейском Союзе заставил США пересмотреть свою политику на Южном Кавказе.

Франция является одной из стран, которая все еще продолжает неокOLONIALИЗМ, не придает никакого значения правам человека в рамках колониальной политики и ложно называет себя защитником прав человека и международного права. Помимо Африки, Франция проводит неокOLONIALИЗМ в других регионах, даже на Южном Кавказе, превращая Армению в колонию.

После 30-летней оккупации земель Азербайджана и после полного восстановления его суверенитета над всей его территорией, когда он прилагал все усилия для установления мира и стабильности в регионе, ряд государств и организаций пытались помешать этому. Чтобы поддержать постконфликтный период и не допустить окончательного мирного соглашения, Франция тем или иным образом активно занимается провокационными действиями, всячески пытаясь предотвратить это и разжечь новую напряженность в регионе.

Регулярные беспочвенные обвинения, какие-то документы, петиции, антиазербайджанские заявления о попытках что-то диктовать Баку стали обычной линией поведения представителей французского политического круга. Но если раньше это пытались как-то прикрыть, то недавно французское государство во главе с Эммануэлем Макроном, добавившим азербайджанофобию к исламофобии, расизму и колониализму, составляющим генетический код Франции, фактически начало открытое нападение на Азербайджан.

Франция, сопредседатель Минской группы ОБСЕ, которая не проявляла активности уже почти 30 лет, не выступила с какой-либо серьезной инициативой по разрешению оставшегося в прошлом конфликта, наоборот, сделала все возможное, чтобы сохранить конфликт и «статус-кво». Игнорирование фак-

тов оккупации Арменией азербайджанских земель, этнической чистки, геноцида и массовых убийств, осуществленных Арменией против азербайджанцев, грубого нарушения прав почти 1 миллиона азербайджанцев, ставших беженцами и вынужденными переселенцами, уничтожения и разграбление городов и сел Азербайджана, принадлежащих азербайджанцам культурных ресурсов и разрушение исторических памятников, а также непрекращающиеся военно-политические провокации, осуществляемые Арменией после военной агрессии Армении, война 2020 года является примером предвзятого подхода Парижа к этому вопросу.

Франция любыми способами претендует на лидерство на Южном Кавказе. Как получилось, что Россия и США участвуют в армяно-азербайджанских отношениях, а Франция нет? Франция во главе с Макроном, взявшим на себя роль неофициального лидера ЕС после ухода его извечного соперника Великобритании, решила стать страной лидером в Европе. Он считал, что наиболее «удачным» для него выбором в достижении этих целей является армянский фактор. Премьер-министр Армении Н.Пашинян легко согласился сделать суверенитет своей страны предметом переговоров между великими державами.

Таким образом, мы видим, что для достижения своих целей, в том числе усиления себя на Южном Кавказе, Франция не чурается любых грязных методов, от явной лжи и махинаций до оказания военной поддержки Армении. Жаль, что Армения была инструментом Франции для реализации политики неокOLONIALИЗМА на Южном Кавказе. Пытаясь выйти из сферы влияния другой страны, оно попало под влияние Франции.

20 октября 2023 года Азербайджан провел в Баку международную конференцию на тему «НеокOLONIALИЗМ: нарушение прав человека и несправедливость».[4] На конференции представители бывших колоний Сенегала и Алжира и участники примерно пятнадцати других стран собрались, чтобы подтвердить,

что колониальная система все еще сохраняется в соответствующих странах, а также осудить политику французского государства, которое громко заявляет о ценности свободы и демократии и нарушает фундаментальные права.

Сегодня, вместо того, чтобы взять на себя ответственность за свое колониальное про-

шное, кровавые колониальные преступления и акты геноцида и извлечь уроки из истории, Франция пытается реализовать неоколониальную политику в регионе Южного Кавказа, поддерживая армянский сепаратизм в Карабахском регионе Азербайджана, агрессию Армения и необоснованные территориальные претензии.

Литература:

- [1].Бжезинский Зб. Великая шахматная доска. Господство Америки и его геостратегические императивы, М.: Международные отношения, 1999.–256 с.
- [2].Nkrumah K. Neo-Colonialism, the Last Stage of Imperialism. London: Thomas Nelson & Sons, Ltd. 1965. p.204. Online: <http://www.marxists.org/subject/africa/nkrumah/neocolonialism/introduction.htm>.
- P3]. <https://www.britannica.com/topic/neocolonialism>
- [4]. <https://president.az/az/articles/view/61823>

NARGIZ NAGIYEVA

**Associate professor of Baku State University, Doctor of Philosophy in Political Science
(Republic of Azerbaijan)**

POST-NEOCOLONIAL POLICY OF THE GREAT POWERS IN THE SOUTH CAUCASUS

SUMMARY

Neocolonialism is a new form of classical colonialism. Many former colonies have not lost their dependence on the colonial countries. The maintenance of this dependent relationship is primarily due to the lack of the colonial countries' own technologies, educational programs, cultural policies, and economic understanding.

France is one of the countries that still continues neocolonialism, with no emphasis on human rights within the framework of colonial politics, and who today falsely pretends to be a champion of human rights and international law.

Today, instead of taking responsibility for its colonial past, bloody colonial crimes and acts of genocide and learning from history, France is trying to implement neo-colonial policy in the South Caucasus region by supporting Armenian separatism in the Karabakh region of Azerbaijan, aggression of Armenia and groundless territorial claims.

РУСЛАН ШЕВЧНЕКО**Доктор истории, политический аналитик (Молдова)****ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗРЕШЕНИЯ ПРИДНЕСТРОВСКОГО КОНФЛИКТА**DOI:<https://doi.org/10.52340/isj.2024.27.12>

Отсчет нынешнего этапа решения приднестровской проблемы следует начинать с 2019 г., когда прекратились раунды переговоров в формате «5+2». Это несмотря на то, что И.Додон и В.Красносельский осуществили несколько личных встреч (в частности, в октябре 2019 г. и июле 2020 г.), и обсудили вопросы прекращения уголовного преследования левобережных лидеров и упрощение свободного перемещения людей и товаров через административную внутримолдавскую границу с приднестровским регионом. Не состоялись, по настоянию законных властей Молдовы, и переговоры с сепаратистскими структурами Приднестровья, и намеченные на октябрь 2021 г. переговоры в Швеции. С приходом на пост Президента М. Санду, новый молдавский лидер сделала ряд необходимых жестких заявлений в адрес Приднестровья. В частности, она отметила, что не собирается встречаться с лидером Левобережья В.Красносельским, как это делали ее предшественники на посту, несмотря на попытки последнего «принудить» власти Молдовы к переговорному процессу. [1].

После нападения РФ на Украину 24 февраля 2022 г. руководство Левобережья предприняло множество усилий, чтобы подчеркнуть свой «нейтралитет», несмотря на пребывание в регионе ОГРВ. Лидер сепаратистов В.Красносельский неоднократно опровергал заявления украинских властей о «агрессивных намерениях» Приднестровья в отношении Украины, сведения о том, что армия региона приведена в боевую готовность, что аэропорт Винницы был обстрелян с территории Приднестровья и т.д. [2]. Объясняется такое поведение Красносельского тем, что в случае, если Украина действительно будет атакована с территории Приднестровья, не-

важно, кем именно, «армией» Левобережья или же войсками ОГРВ, то украинские власти немедленно нанесут сокрушительный удар по самому региону, и едва ли не первой их целью, по имеющимся данным, станут склады в Колбасне, где находится примерно 20 000 тонн боеприпасов. То есть, в случае взрыва, в зоне поражения в той или иной мере окажутся не только Молдова, Украина, Румыния и даже Россия, но, почти наверняка и такие страны, как Болгария, Греция, Чехия, Словакия, Венгрия и другие [3]. Это означает, что от Приднестровья, в случае реализации такого сценария, останутся в основном только воспоминания. Подобный сценарий категорически невыгоден ни тираспольскому руководству, ни его московским кураторам, во всяком случае, пока что. Поэтому оно и дальше будет принимать титанические усилия для того, чтобы остаться в стороне, как бы далее не развивалась война в Украине.

Другой целью сепаратистов остается возобновление умершего формата 5+2 бессмысленных переговоров по урегулированию конфликта. Этот формат давно отыграл свою положительную роль, способствовал интернационализации конфликта, и уже многие годы позволял РФ и Тирасполю просто тянуть время, не допуская перехода к ключевым вопросам, связанным со статусом региона в составе Молдовы, сохраняя за РФ важнейшую роль в решении конфликта. В то же время сепаратисты и Кремль непрерывно жалуются, что если не будет возобновления переговоров, то Молдова и Украина неизбежно все приведут к войне с целью ликвидации Приднестровья, что будет рассматриваться как нападение на РФ, учитывая более 250 000 жителей региона с российским гражданством. [4].

Но возобновлять переговоры власти Мол-

довы не собираются, рассчитывая на завершение в перспективе войны в Украине. Хотя уже очевидно, что Украина на этом этапе сможет просто «заморозить» ситуацию на линии боестолкновения и на неопределенный срок отложить решение вопроса о восстановлении своей территориальной целостности, но в данной ситуации и это уже хорошо. Точка, пусть и временная, в войне в Украине позволит решить сразу несколько задач. Украине и Молдове это даст сразу несколько возможностей: возможность ускорить процесс вступления в НАТО (ибо без прекращения войны это невозможно), что позволит открыть ворота для вступления в Евросоюз, так как все страны, вступающие в ЕС, в обязательном порядке вступают в НАТО. А Молдове, помимо этого, позволит поставить вопрос ребром в отношениях с тираспольским режимом и заставить его миром или войной вернуться в состав единого молдавского государства [5]. Подготовка к этому уже началась. С 1 января 2024 г. в Молдове вступил в силу новый таможенный кодекс, были отменены таможенные льготы для левобережных компаний, что принуждает последние начать платить налоги не только в тираспольский, но и общемолдавский бюджет, что начинает процесс втягивания региона в молдавское законодательное пространство. Следом, как предполагается, будут введены молдавские акцизы и НДС. Тираспольский режим попытался отомстить, повысив стоимость коммунальных услуг для молдавских юридических лиц, работающих в Приднестровье, и проведя 28 февраля 2024 г. «съезд депутатов всех уровней», с жалобами в Москву.[6].

После окончания войны в Украине, до которого, впрочем, пока достаточно далеко (не

менее года-полутора, а то и более), и то далеко не сразу, молдавские власти смогут перейти и к таким мерам, которые пока реализовать нецелесообразно, ибо еще не настало время – как, например, блокирование приднестровского участка молдо-украинской границы, полностью изолировав его от окружающего мира. И как крайняя, но явно необходимая мера, без которой будет не обойтись – будет применена силовая акция – вполне вероятно, с участием украинской армии, в ходе которой приднестровский режим будет уничтожен. Этот вопрос пока открыто не озвучивается, но имеющиеся у нас сведения из различных источников позволяют сделать абсолютно однозначный вывод именно о таком разрешении приднестровского вопроса. В пользу этого будет и то обстоятельство, что перебросить войска в Приднестровье РФ не сможет, так как ее военно-транспортная авиация будет сбиваться силами теперь уже довольно мощной ПВО Украины, крайне заинтересованной в ликвидации «приднестровского гнояника». Поэтому в не самом далеком будущем шовинистический прокремлевский режим Приднестровья неизбежно будет поставлен перед выбором – либо сдаться добровольно, без серьезных человеческих и материальных потерь, либо сопротивляться, без малейших шансов на выживание. Учитывая особую пропагандистскую важность Приднестровья, как единственного «окна на Балканы» для РФ, оба варианта имеют одинаковое право на существование. Но главное будет сделано – сепаратистский режим в Приднестровье будет уничтожен и это станет важным стимулом для нормального социально-экономического и политического развития Молдовы.

Литература:

- [1]. Шевченко Р. Приднестровский и донбасский конфликты: прошлое и настоящее. Кишинев: Pontos, 2022, сс.218-219.
- [2]. Там же, с.219.
- [3]. Там же, сс.219-220.

- [4]. <https://www.kommersant.ru/doc/6071006>; <https://www.kommersant.ru/doc/6070223>
[5]. <https://www.kommersant.ru/doc/6309594>
[6]. <https://www.kommersant.ru/doc/6444975> ;
[7]. <https://www.vspmr.org/news/supreme-council/v-tiraspole-proshel-vii-syezd-deputatov-vseh-urovney-pmr.html>

RUSLAN SHEVCHNEKO

Doctor of History, Political Analyst (Moldova)

PROSPECTS FOR RESOLVING THE TRANSNISTRIAN CONFLICT

Summary

The current stage of resolving the Transnistrian problem should be counted from 2019, when the rounds of negotiations in the «5 + 2» format ceased. This is despite the fact that I. Dodon and V. Krasnoselsky held several personal meetings (in particular, in October 2019 and July 2020), and discussed the issues of ending the criminal prosecution of the left-bank leaders and simplifying the free movement of people and goods across the administrative intra-Moldovan border with the Transnistrian region. At the insistence of the legitimate authorities of Moldova, negotiations with the separatist structures of Transnistria and the negotiations scheduled for October 2021 in Sweden did not take place. With the advent of M. Sandu to the post of President, the new Moldovan leader made a number of necessary tough statements addressed to Transnistria. In particular, she noted that she was not going to meet with the leader of the Left Bank V. Krasnoselsky, as her predecessors in office had done, despite the latter's attempts to «force» the Moldovan authorities to enter into a negotiation process.

After the Russian Federation's attack on Ukraine on February 24, 2022, the Left Bank leadership made many efforts to emphasize its «neutrality», despite the presence of the OGRF in the region. The leader of the separatists V. Krasnoselsky has repeatedly denied statements by the Ukrainian authorities about the «aggressive intentions» of Transnistria towards Ukraine, information that the region's army was put on combat alert, that the Vinnitsa airport was fired upon from the territory of Transnistria, etc. [Krasnoselsky's behavior is explained by the fact that if Ukraine is really attacked from the territory of Transnistria, no matter by whom exactly, by the Left Bank «army» or by the OGRV troops, then the Ukrainian authorities will immediately deal a crushing blow to the region itself, and almost their first target, according to available data, will be the warehouses in Kolbasna, where approximately 20,000 tons of ammunition are located. That is, in the event of an explosion, not only Moldova, Ukraine, Romania and even Russia will be in the affected area to one degree or another, but almost certainly also countries such as Bulgaria, Greece, the Czech Republic, Slovakia, Hungary and others. This means that from Transnistria, if such a scenario is realized, only memories will remain. Such a scenario is categorically disadvantageous to either the Tiraspol leadership or its Moscow curators, at least for now. Therefore, it will continue to make titanic efforts to stay on the sidelines, no matter how the war in Ukraine develops. Another goal of the separatists remains the resumption of the dead 5+2 format of meaningless negotiations on the settlement of the conflict. This format has long played its positive role, contributing to the internationalization of the conflict, and for many years has allowed the Russian Federation and Tiraspol to simply drag out time, not allowing the transition to key issues related to the status of the region within Moldova, preserving the most important role for the Russian Federation in resolving the conflict. At the same time, the separatists and the Kremlin constantly complain that if negotiations are not resumed, Moldova and Ukraine will inevitably lead to a war with the aim of eliminating Transnistria, which will be considered an attack on the Russian Federation, given the more than 250,000 residents of the region with Russian citizenship.

HISTORY - ИСТОРИЯ

КАХАБЕР ПИПИЯ

Доктор истории, профессор Сухумского Государственного Университета (Грузия)

АРИСТАРХ – ДИНАСТ КОЛХИДЫ

DOI: <https://doi.org/10.52340/isj.2024.27.13>

В конце II в. до н. э. Колхида, разделенная на отдельные административно-территориальные единицы – «скептухии», была завоевана Понтийским Царством и довольно долго оставалась одной из сатрапий обширной державы Митридата VI-го (120-63 гг. до н.э.). Однако, как видно, подчинение Колхиды произошло не без сопротивления. Существовавшие на территории Колхиды отдельные «скептухии», которые не хотели терять свою независимость, вели ожесточенные сопротивления. Именно это указывает сведения Мемнона, что понтийский царь «путем войны подчинил себе царей вокруг Фасиса» (Мемн., XV, III). Эти «цари» реально должны были быть лишь местные «скептухии», которые безусловно не хотели ограничить свою политическую власть (21, 8-10). «Скептухии» оказали настолько серьезное сопротивление понтийцам, что Аппиан колхов упоминает как «войственный народ» (App., Mithr., 15). Как видно, борьба за восстановление местной государственности не прекращалась. В конце 60-х гг. I в. до н.э., в условиях изменившихся после Восточного похода Помпея геополитических реалий в Передней Азии, в Колхиде создалась благоприятная ситуация для этого.

С 60-х гг. I в. до н.э. в истории Колхиды начинается новый этап. Она оказалась включена в ареал геополитических сдвигов, являвшихся следствием понто-римского противостояния. Широкомасштабная экспансия Римской Республики на Востоке обернулась полной катастрофой для Понтийского Царства. В результате успешных походов Лукулла и Помпея Малая Азия перешла под контроль римлян. В сфере их влияния оказалось и пространство Южного Кавказа (15, 85). Естественно,

что установившийся в Малой Азии новый «Римский порядок» подразумевал и новую организацию управления. Фундаментальные изменения коснулись почти всех сфер местной жизни. В результате Восточной кампании Помпея (106-48 гг. до н.э.) в Малой Азии начался период правления назначенных им царей, правителей и династов, большая часть которых исчезла с исторической арены после его (Помпея) падения. К их числу относился и династ колхов Аристарх.

В 65 г. до н.э. преследовавшая Митридата армия Помпея вошла в Колхиду. Администрация Колхидской сатрапии Понтийского Царства не оказала организованного сопротивления римлянам. Согласно принятой в научной литературе точке зрения, последний понтийский правитель Колхиды, дядя матери известного географа Страбона Моаферн (Strabo, XI, 2, 18), покинул страну и направился в Боспор вместе с Митридатом. Правда, в последнее время заметна попытка ревизии данной версии. Часть исследователей считает, что понтийцы Колхиду на произвол судьбы не бросили и назначили здесь на место Моаферна нового правителя (10, 176). Согласно мнению некоторых исследователей, находившийся в Диоскурии Митридат, готовясь отплыть морем в Боспор, утвердил царем Колхиды некоего Орхоза, упоминаемого Флором в контексте колхидской кампании Помпея (Flor., XL, 28). Кроме того существует мнение, что последним понтийским правителем Колхиды был Олтак (5, 7-8), упоминаемый Аппианом среди пленников, участвовавших в триумфе Помпея (App., Mithr., 117). Однако мы, на основе анализа античных источников, считаем, что Орхоз и Олтак были лишь одними из мест-

ных «скептухов», последним же понтийским правителем всей Колхиды был упоминаемый Страбоном Моаферн, после ухода которого страна лишилась центрального управления. Данное обстоятельство, естественно, вызвало активизацию местных сил. На историческую арену вновь выходят местные правители, включая Орхоза и Олтака, подавлять локальное сопротивление которых пришлось Помпею (21, 7-10).

Помпей, быстро пройдя центральную Колхиду, подошел к Фазису, где его поджидал блокировавший побережье Колхиды Публий Сервилий с флотом (Plut., Pomp., 34; Dio Cass., XXXVII, 3,1-3). Именно в этот момент на арену выходит Аристарх, которого Помпей назначает династом Колхиды (App., Mithr., 114). В источниках не сохранилось никаких сведений о происхождении Аристарха. Его имя явно греческое, однако этот факт нельзя считать свидетельством его этнического происхождения, поскольку греческие имена были широко распространены в аристократических кругах Колхиды (8, 37). Назначение Помпеем Аристарха династом закономерно вписывалось в восточную политику Рима. Власть династов была широко распространенным местным институтом на Востоке. У Аппиана приводится весьма пространственный список царей и династов, назначенных Помпеем на Востоке: цари - Тигран в Армении, Фарнак в Боспоре, Ариобарзан в Каппадокии, Антиох в Коммагене; тетрархи – Дейотар у галогреков, Аттал в Пафлагонии. Кроме того, в Комане главным жрецом (что фактически равнялось царской власти) был утвержден Архелай (App., Mithr. 114). Учитывая, что все вышеприведенные правители были местного происхождения, не приходится сомневаться, что и Аристарх был родом из Колхиды (5, 11).

В специальной литературе принята точка зрения, что Аристарх был одним из «скептухов» Колхиды, который, в отличие от Олтака, поддержал Помпея, за что и был назначен правителем Колхиды (8, 37; 24, 407; 26, 374). Не исключено, что он с самого начала не

подчинялся Митридату Евпатору. Возможно, Аристарх был потомком тех «скептухов», которые в 105-90 гг. до н.э. сопротивлялись понтийскому завоеванию Колхиды. Хотя приход Аристарха к власти в Колхиде весьма скупо освещен в имеющихся письменных источниках, однако, как будет видно ниже, некоторые сохранившиеся в них указания, по нашему мнению, дают возможность для определенных интерпретаций.

Как известно, в начале 66 г. до н. э. народный трибун Рима Гай Манилий представил в комиции законопроект, согласно которому все азиатские дела, ранее распределенные между несколькими магистратами, переходили в ведение Помпея. С Востока должен был быть отозван управляющий Вифинией и Понтом Глабрион, из Киликии – Марций Рекс, а у Лукулла отбиралось управление Востоком. Все их полномочия переходили к Помпею (16, 25-26). Кроме того, Помпею вручалось командование флотом и полная власть на море в рамках полномочий, предусмотренных законом Габиния (67 г. до н.э.). Таким образом, Помпей получал неограниченную власть и ему передавались экстраординарные полномочия на подконтрольных Риму азиатских территориях (Plut., Pomp., 30; App., Mithr., 97; Cic., De Imperio Gn. Pompei, III, 8, IV, 9; IX, 22).

С точки зрения интересующего нас вопроса особого внимания заслуживает одно свидетельство, почему-то не пользующееся заслуженным вниманием в историографии. По сообщению Плутарха (46 -120 гг. н.э.), закон Манилия был «не чем иным, как подчинением всей римской державы произволу одного человека. Действительно, из провинций, которые он еще не получил в свое распоряжение на основании прежнего закона, теперь переходили под его власть Фригия, Ликаония, Галлия, Каппадокия, Киликия, Верхняя Колхида и Армения вместе с лагерями и войсками, бывшими под начальством Лукулла в войне против Митридата и Тиграна» (Plut., Pomp., 30).

Таким образом, согласно Плутарху, часть Колхиды («Верхняя Колхида») уже в 66 г. до н.

э. была неподконтрольна понтийцам и считалась подчиненной римлянам. Однако известно, что Колхида являлась одним из последних убежищ разбитого Митридата, зиму 66/65 гг. до н.э. он провел в Диоскурии и именно отсюда отправился в свое последнее путешествие на Боспор (App., Mithr., 101). Между прочим, и Плутарх хорошо знает, когда именно установил Помпей реальный контроль над Колхидой и через несколько параграфов, описывая кампанию 65 г. до н.э., отмечает: «победив иберов, Помпей вторгся в Колхиду...» (Plut., Pomp., 34). Но тогда чем же объяснить тот факт, что данный автор называет «Верхнюю Колхиду» среди подчиненных Помпею стран уже в 66 г. до н.э.?

Несмотря на хорошую осведомленность античных авторов о Колхиде и колхах, «Верхняя Колхида» более нигде не упоминается. При этом, ошибка и случайное упоминание Плутархом этого топонима исключены, поскольку в данном случае Плутарх, очевидно, ограничился бы просто упоминанием Колхиды, без такого уточнения, как «Верхняя» (16, 30-32; 20). Конечно же, точная локализация «Верхней Колхиды» на основании только этого сообщения невозможна, однако вкуче с анализом военно-политических процессов, имевших место в тогдашней Колхиде (и Передней Азии в целом), а также – синхронных артефактов из Северо-западной Колхиды, оно дает основания для некоторых предположений.

Если исходить из чисто географических соображений, речь, очевидно, идет о крайнем северо-западном регионе Колхиды. Факт, что степень контроля понтийцев над различными частями Колхиды была неодинакова. Наиболее прочно они утвердились, безусловно, на побережье и в центральных районах страны, однако реальный контроль Митридата над ее гористыми северными и северо-западными регионами трудно представить (18, 45-49). Позднее этого и римляне не добились (Strabo, XVII, 3, 24; App., PPE, 17). В такой ситуации логично предположить, что «Верхняя Колхида», ранее, вероятно, входившая в состав

Колхидского Царства в качестве отдельной «скептухий», могла быть цитаделью антимиридатовских сил в регионе. О том, что плутарховской «Верхней Колхидой» должна быть северо-западная часть нынешней Абхазии, в некоторой степени свидетельствуют события начала 60-х гг. I в. до н.э. Именно здесь, конкретно – в Эшере, фиксируются следы масштабных боевых действий в интересующий нас период. Выявленные в Эшере археологические и нумизматические данные показывают, что на завершающем этапе Митридатовых войн, в начале 60-х гг. I в. до н.э., Эшерское городище подверглось разрушительному нападению, вероятно – с юго-востока, со стороны Диоскурии, после чего жизнь в поселении фактически прекращается (12, 49-50).

Сверяя сведения Плутарха и данные археологии, приходим к выводу: как уже отмечалось, в «верхней Колхиде», т.е. северо-западной части нынешней Абхазии – власть понтийцев имела эфемерный характер и не исключено, что эта территория представляла собой некое убежище для антимиридатовских сил. Эти силы, по всей вероятности, участвовали в восстании Митридата Младшего, когда увязший в первой войне с Римом (89-84 гг. до н.э.), Митридат Евпатор вынужден был удовлетворить требования колхов и временно (в 85-83 гг. до н.э.) восстановить царскую власть в Колхиде (19, 267-276). Новая активизация антимиридатовских сил должна была иметь место в 72 г. до н.э., когда выбитый Лукуллом из своего царства Митридат Евпатор укрылся в Армении. Вероятно, именно с этого момента антимиридатовские силы в Колхиде сумели взять под полный контроль часть страны («Верхнюю Колхиду») и открыто выйти из под понтийского контроля. Именно они, очевидно, взяли Эшеру и не исключено – готовились к штурму Диоскурии, центра митридатовской администрации в регионе. Весьма вероятно, что этими силами руководил именно Аристарх. Однако в 67 г. до н.э. Тигран II и Митридат активизировались и Митридат сумел вернуть под свой контроль Понтийское

царство. Как видно, понтийцы и в Колхиде сумели мобилизовать свои силы, произведя из Диоскурии энергичную атаку на Эшеру и окончательно разрушили ее. Именно в этих условиях были приняты законы Габиния, а затем – Манилия, и Помпей принял командование римскими силами на Востоке (16, 34-36).

В Передней Азии начался период больших перемен. Вокруг Помпея стали объединяться все антимиитридатовские силы, к нему явились многие местные правители. Не исключено, что именно на этом этапе, перед началом решающей военной кампании, и связанная с Помпеем правитель «Верхней Колхиды» Аристарх, предложивший ему свою службу. Римляне, естественно, присоединили подконтрольную Аристарху территорию к зоне ответственности Помпея, что и отразилось в сведениях Плутарха (16-33-35; 19, 277-285).

В 65 г. до н.э., после вторжения Помпея в Колхиду, Аристарх безусловно сумел мобилизовать все местные антимиитридатовские силы, встретил Помпея и помог ему очистить страну от местных сторонников Митридата (Орхоз, Олтак и др.), что Помпей и оценил по достоинству.

Помпей не задерживался в Колхиде надолго. Вскоре ему пришлось срочно возвращаться назад для подавления вспыхнувшего в Албании восстания (Dio Cass., XXXVII, 3, 3). Управление Колхидой он доверил Аристарху. Однако официальный статус последнего еще не был определен, т.к. Понтийское Царство юридически пока что не было упразднено.

После подавления албанского восстания Помпей вернулся в Понт. В 64 г. до н.э., находясь в г. Амисе, он приступил к административному устройству и реорганизации завоеванных стран, перекраивая по своему желанию политическую карту Передней Азии (4, 28-30; 26, 360). Согласно амисскому акту Колхида отделялась от прежней метрополии, объявлялась отдельной административной единицей и Аристарх становился ее правителем с титулом династа (App., Mithr, 114; 22, 30)

Таким образом, римские походы в Закавказье

явно пошли Колхиде на пользу. Их официальный итог, амисский акт, можно оценить, как значительнейшее явление в колхидской истории. После почти 50-летнего непосредственного вхождения в Понтийское Царство в стране было восстановлено местное правление, что являлось значительным шагом в борьбе за возрождение местной государственности. Правда, о полной независимости этого политического образования в данный период говорить не приходится, но факт, что древнее колхское государство восстанавливалось в той или иной форме. Так или иначе, на политической карте вновь возникла Колхида.

Выведение Колхиды из состава новообразованной Понтийской провинции и назначение ее правителем Аристарха было одним из значительных элементов помпеевской реорганизации Востока. Объявление Колхиды отдельной политической единицей, по нашему мнению, было обусловлено следующими причинами: во-первых, Помпей, проводя реорганизацию Востока, прежде всего руководствовался личными мотивами. Он большое внимание уделял содействию, оказанному ему местными лидерами и щедро награждал их верность высокими титулами (18, 41-47). Именно так получили власть цари и правители, перечисленные в вышеприведенном сообщении Аппиана (App., Mithr., 114). Этой политикой Помпей закладывал основы своего господства в Передней Азии, получал там множество союзников и огромные военные силы, что обязательно понадобилось бы ему в дальнейшем, в политических баталиях, ожидаемых в Риме. И эта его политика действительно оправдала себя впоследствии, когда в ходе гражданской войны против Цезаря весь Восток встал за Помпея. Поставленный правителем Колхиды в награду за помощь Помпею Аристарх также был помпеевской креатурой и частью его политики.

Аристарх, являясь самой влиятельной фигурой в Колхиде, был нужен Помпею и после установления в ней контроля. С точки зрения сохранения здесь римского влияния Аристарх, который всегда мог найти общий язык с мест-

ными «скептухами», был явно предпочтительнее римской администрации новообразованной Понтийской провинции. При этом, антимиридатовские силы, десятилетиями боровшиеся с понтийцами и теперь выступавшие союзниками Помпея, безусловно требовали для страны более высокого статуса, чем имевшийся у Колхиды в составе державы Митридата. И кроме того, что было особенно важно для римлян, вывод Колхиды из состава Понта и повышение ее статуса окончательно подорвал бы местные промитридатовские силы.

Вместе со всем этим следует учитывать, что в 64 г. до н.э. Митридат VI еще был жив, владея Боспором. Не было гарантии, что он не попытается вновь вторгнуться оттуда в Малую Азию через Колхиду. Долго в Колхиде Помпей не оставался. Времени и средств для ее переустройства у него не было. И римских гарнизонов он тут не оставил (8, 37). По этим причинам Помпей, хорошо понимавший стратегическое значение Колхиды, вывел страну из состава Понта и вверил доказавшему свою лояльность Аристарху. Этим он создавал между антиримскими силами Северного Причерноморья и римскими провинциями Малой Азии буферную зону, способную в случае внезапной экспансии из Боспора в сторону новых римских владений по Меотидо-колхидской магистрали, принять на себя первый удар и прикрыть их (18, 49-51).

В 62 г. до н.э. Помпей Великий вернулся в Рим, где устроил великолепный триумф. Там, среди прочих пленников, за его колесницей шел и «скептух колхов Олтак» (App., Mithr., 117). Заслуживает внимания тот факт, что Аппиан, перечисляющий участников триумфа в соответствии с их положением в иерархии, упоминает Олтাকা среди пленных царей и представителей царских семей (App., Mithr., 117). Из этого видно, что Олтак не был обычным полководцем. Он мог быть и из рода прежних колхидских царей. Дальнейшая его судьба неизвестна. По сведениям Аппиана, римляне предали смерти только двоих из участников триумфа – Тиграна и иудейского

царя Аристобула, прочих же, за исключением членов царских семей, отправили домой за счет государства (App., Mithr., 117). Исходя из этого, если Олтак был признан членом царской семьи, его не освободили. Впрочем, по нашему мнению, был ли он царского рода или простой «скептух», возвращение Олтাকা в Колхиду было исключено. Факт, что упоминание Олтাকা среди участвовавших в триумфе царей и членов царских семей указывает на его высокий статус. В сложившейся ситуации трудно допустить, чтобы Помпей отпустил деятеля, безусловно, пользовавшегося в Колхиде определенным влиянием, а значит – способного создать проблемы для его ставленника Аристарха (19, 271-279).

Однако правлению Аристарха, как и в целом, реорганизационным мероприятиям Помпея на Востоке, возникла угроза с совершенно неожиданной стороны. Сенат отказался утвердить созданную на Востоке систему. Всесильному полководцу было отказано и в консульстве на следующий год. Помпей перешел к решительным действиям. В 60 г. до н.э. в противодействие сенатской олигархии был создан первый триумvirат, а в следующем, 59 году, в период консульства Цезаря, вместе с прочими законопроектами, были утверждены и восточные мероприятия Помпея (19, 260-269; 1, 243).

Впрочем, кипевшие в 62-59 гг. до н.э. в Риме страсти не отразились на делах Колхиды и Востока в целом. Поставленные здесь Помпеем правители продолжали свою деятельность как ни в чем не бывало. После создания первого триумvirата и усиления Помпея им ничего не угрожало. И Аристарх сумел максимально употребить период могущества своего покровителя для укрепления Колхиды.

Как уже отмечалось, Помпей не оставил в Колхиде гарнизонов и не коснулся внутреннего устройства страны. Римляне оставили в силе старую систему управления, имевшую место и при Митридате. Возможно, что резиденцией нового правителя оставалась Диоскурия, очевидно, являвшаяся политическим

центром страны и при Митридатах. Хотя не исключается и то, что Аристарх перенес резиденцию в Вани (19, 267).

Часть исследователей, опираясь на компиляторов IV в. Евтропия и Феста (Eutr., Brev., VI, 14; Fest., XVI), называющих Аристарха царем (rex), считают, что он принял соответствующий титул (5, 7-8). Однако это не так, поскольку, как будет видно далее, на выпущенных Аристархом монетах царского титула нет. Все же, несмотря на данное обстоятельство, он считался единоличным лидером Колхиды. Он был достаточно энергичным правителем. По крайней мере, сумел навести в стране порядок и восстановить так или иначе ее территориальную целостность. Военно-политическая активность Аристарха должна была быть направлена в первую очередь на северо-запад, в сторону нынешней Западной Абхазии. Расширение границ Колхиды в этом регионе до Пителии включительно должно было быть следствием вооруженной борьбы с гениохи – союзниками Митридата. К сожалению, мы не располагаем прямыми сведениями о том, насколько реальна была власть Аристарха во внутренних сепаратизмах, но опираясь на союз с римлянами, он, очевидно, так или иначе сумел установить здесь определенный контроль. Во всяком случае факт, что он сохранял контроль над Колхидой довольно долго и на 12-м году своего правления добился права эмиссии серебряных монет со своим именем, что Рим далеко не всегда позволял вассальным царям.

На аверсе этих монет профиль мужчины. Монетная легенда точно передает титул Аристарха – «ΕΠΙ ΚΟΛΧΙΔΟΣ» («стоящий над Колхидой»). Одни исследователи считают, что портрет на Аверсе принадлежит Аристарху, другие – что Помпею (27, 32; 6, 108-109; 14, 87-90). Как бы ни решился этот вопрос, по нашему мнению бесспорно одно – эта монета в любом случае иллюстрирует особые отношения между этими двумя деятелями.

В 49 г. до н. э. противостояние между Помпеем и Цезарем вылилось в гражданскую войну. Результаты этого конфликта оказали

большое влияние на политическое положение Колхиды.

Решающая битва между Помпеем и Цезарем произошла в августе 48 г. до н.э., у фессалийского города Фарсала. Как выясняется, в ней участвовали и колхи. Цицерон (106-43 гг. до н.э.) дважды упоминает колхов в контексте происходивших на Балканах баталий. 17 марта 48 г. до н.э. он писал своему другу Аттику: «Александрийский, колхидский... флот готов занять Сицилию и Сардинию» (Cic., Att., IX, 9). А 18 марта того же года он сообщал тому же адресату о слухах, согласно которым он (Цицерон) якобы привел к Помпею «орды геттов, армян и колхов» (Cic., Att., IX, 10). Интересно, что по сообщению Лукана (39-65 гг.) среди сторонников Помпея названы «грозные гениохи» (Lucan. Phars., III, 269-279).

Учитывая эти сведения, участие колхов в гражданской войне между Помпеем и Цезарем, и конкретно в Фарсальской битве, не должно вызывать сомнений. Цицерон, как известно, активно участвовал в происходивших тогда процессах. Он находился в лагере Помпея и непосредственно наблюдал за событиями (17, 165-171; 13, 256).

Как следует из сведений Цицерона, флот колхов активно участвовал в морской блокаде. Неизвестно, из скольких кораблей он состоял, но тот факт, что Цицерон упоминает колхов дважды, отмечая, что они вместе с другими союзниками участвовали в блокаде Италии, планируя занять Сицилию и Сардинию, должен означать, что этот флот представлял собой довольно солидную силу (17, 165-178).

Скудность источников не дает нам возможности определить, как сражались колхи, каковы были их потери и как сложилась в итоге их судьба. Неизвестно и то, кто ими командовал. Сведений обо всем этом не сохранилось. Колхидой до 48 г. до н.э., вероятнее всего, продолжал править Аристарх. Правда, после 52 г. до н.э. он в источниках не упоминается, но исходя из отношений, сложившихся между ним и Помпеем, а также – политической ситуации на Востоке в 52-49 гг. до н.э., какие-

либо изменения в правящих кругах Колхиды исключены. То есть, если Аристарх в 48 г. до н.э. был еще жив, он продолжал управлять Колхидой. Очевидно, он это делал вплоть до вторжения в Колхиду Фарнака в 48-47 гг. до н.э. Во всяком случае, анализ политических явлений того периода приводит нас именно к такому выводу.

В 48-47 гг. до н.э. Колхида стала ареной новых войн. Боспорский царь Фарнак воспользовался сложившейся после битвы при Фарсале ситуацией, вторгся в Малую Азию и попытался восстановить Понтийскую державу Митридата (7, 123-127). Вторжение с севера застало Аристарха врасплох и он оказался

к нему не готов. Военные силы колхов, подорванные в балканских баталиях, также были в тот период не в лучшем виде. Все же, без сопротивления Фарнак Колхиду не прошел. Аристарх сопротивлялся, но ослабленные в результате последних событий войска колхов не сумели остановить врага. Аристарх, вероятно, погиб на поле брани.

Со смертью Аристарха завершился последний этап борьбы за сохранение в той или иной форме, хоть формально единого древнеколхидского государства. Колхида на долгий срок стала частью римско-средиземноморского мира.

Библиография:

- [1].D. Braund. *Georgia in Antiquity*. Oxford, 1994.
- [2].Cicero. *Letters to Atticus*. Vol. II. Edited and translated by D.R. Shackleton Bailey. Harvard, 1999.
- [3].Dio's *Roman History*. Volume 1. London: W. Heinemann; New York: MacMillan, 1974.
- [4].M. Dreher. Pompey in the Caucasus. - *Journal of Ancient History*, 1994, 1.
- [5].G. Kavtaria. Aristarchus, king of Colchis. - „Sakartvelos respublika”, # 57, 27 March, 2010. - <http://burusi.wordpress.com/2010/03/30/grani-kavtaria>.
- [6].K. V. Golenko. Aristarchus of Colchis and his coins. - *Journal of Ancient History*, 1974, N 4. (in Russ.).
- [7].N. Lomouri. *Georgian-Roman Interrelationship*. Tbilisi, 1981 (in Russ.).
- [8].Г.А. Lordkipanidze. *To the history of ancient Colchis*. Tbilisi, 1970 (in Russ.).
- [9].Memnon. *History of Heracleia*. Oxford University Press, 2006.
- [10]. V. N. Talakh. *Born under the sign of the comet: Mithridates Eupator Dionysus*. Kyev, 2013. (in Russ.).
- [11]. *The Geography of Strabo: An English Translation, with Introduction and Notes* D. W. Roller. Cambridge University Press, 2014.
- [12]. G.K. Shamba. *Eshera settlement*. Sokhumi, 1980. (in Russ.).
- [13]. K. Surguladze. *Cicero and Rome*. Tbilisi, 2009. (in Georg.).
- [14]. M. Pataridze. Aristarchus, the Ruler of Colchis (Numismatic Research). – *Pro Georgia. Journal of Kartvelological Studies*. N 29, 2019, p. 83-95.
- [15]. K. Pipia. Foreign Policy of Rome and Eastern Black Sea Coast (I century B.C. - I century A.D.). - *The Caucasus and the World. International Scientific Journal*, № 22, Tbilisi, 2017, p. 83-89. (in Russ.).
- [16]. K. Pipia. The Manillius' Law and "Upper Colchis". - *Bulletin of the Abkhazian National Academy*, N 1 (8), Tbilisi, 2012, p. 24-36. (in Georg.).
- [17]. K. Pipia. Colchians in the kerkyra and Pharsalos.- „Z. Papaskiri-60". *Inscribing Annals is Talking the Truth*. Tbilisi, 2010-2013. p. 162-175. (in Georg.)
- [18]. K. Pipia. The Issue of Separation of Colchis from the Kingdom of Pontus. - *Marie Brosset-210*, Tbilisi, 2012, p. 37-51. (in Georg.).
- [19]. K. Pipia. Pompeys and Aristarchos. - *Bedia*, N 8-9, Tbilisi, 2010, p. 257-289 (in Georg.).
- [20]. K. Pipia. Pour la localisation de «Haute Colchide» de Plutarque. - *Colloque international Langue et Territoire 2. Collection de résumés*. Tbilissi, 2016;
- [21]. K. Pipia. Oriental Politics of Rome and Creating of Separate „Kingdoms” in Colchis (the 2-nd

- century A.D.). Tbilisi, 2012. (in Georg.).
- [22]. K. Pipia. Rome and the Eastern Black Sea Coast in the I-II Centuries (Political Relations). Tbilisi, 2005. (in Georg.).
- [23]. Plutarch. Parallel Lives. Chicago University Press, 2022.
- [24]. Th. Reinach. Mitridate Eupator roi du Pont. Paris, 1890.
- [25]. Y.N. Voronov. Dioskuriada – Sebastopolis – Tskhum. M., 1980. (in Russ.).
- [26]. D. Magie. Roman rule in Asia Minor. vol. I. Princeton, New Jersey, 1950.
- [27]. Jenkins. Recent Acquisitions of Greek Coins by the British Museum. - Numismatic Chronicle, 1959, ser. VI, t. XIX, p. 32-37.

KAKHABER PIPIA

Doctor of history, Professor of Sokhumi State University (Georgia)

ARISTARCHUS – DYNAST OF COLCHIS

SUMMARY

With the Eastern campaign of Pompey, the “Roman order” was established in Asia. Among the countries included in the political system of Rome was Colchis, whose ruler Pompey appointed Aristarchus. Aristarchus was a local magnate or one of the “Skeptouchos” who supported Pompeus and was appointed as the ruler of Colchis because of the treachery he rendered to the Romans. It is possible that Aristarchus from the 72 year BC, when Lucullus occupied Pontus, took over one part of Colchis, “Upper Colchis” and declared disobedience to the Pontians. The basis for such an assumption is given by Plutarchus (46-120 AD) in the list of administrative territories of Pompey mentions „Upper Colchis” by the 66 year BC.

In 65 year BC after the campaign in Colchis, Pompey left Aristarchus as the Colchian dynast, but the latter’s status should not have been officially approved at this time, as the Kingdom of Pontus had not yet been legally abolished. Aristarchus was officially approved in 64 year BC while Pompey’s being in Amiso. The separation of Colchis from the newly created Pontus province and the appointment of Aristarchus as its ruler is part of Pompey’s eastern reorganization. By forming Colchis as a separate administrative unit, Pompey actually created a buffer space between the anti-Roman forces of the northern Black Sea coast and the Roman provinces of Asia Minor, still under the control of Mithridates, which, in case of expansion from the Bosphorus, was supposed to directly protect the territories of the Republic from the sudden invasion of the barbarians through the Meotida-Colchis way.

Although it was not possible to completely restore the local statehood in Colchis and Aristarchus, who was appointed as the head of Colchis, only held the title of dynast, but this political act was undoubtedly a step forward compared to the previous period in the history of Colchis. Aristarchus turned out to be a very energetic ruler. He was able to establish control over individual skeptouchos and restore the integrity of the country. Aristarchus maintained his power in Colchis for quite a long time, and in the 12th year of his ruling he even managed to mint silver coins in his own name.

In 49-48 years BC the ongoing civil war between Pompey and Caesar, the Colchis actively helped Pompey. They seem to have taken part in the battles of Dyrachium and Pharsalos in Greece. In the context of the ongoing battles in the Balkans, the famous Roman statesman, writer and philosopher Marcus Tullius Cicero (106-43 BC) mentions the Colchis twice. After the defeat of Pompey, the fate of Aristarchus was virtually decided. He apparently died during the conquest of Colchis by Pharnaces, king of the Bosphorus. With the death of Aristarchus, the last stage of the struggle for the preservation of the ancient Colchian statehood, at least formally, in some form, was end, and Colchis became a part of the Roman-Mediterranean world for a long time.

VUSALA ALIYEVA

Associate professor of BSU, doctor of philosophy in history (Republic of Azerbaijan)

THE AEGEAN PROBLEM IN RELATIONS BETWEEN TURKEY AND GREECE

DOI: <https://doi.org/10.52340/isj.2024.27.14>**ABSTRACT**

Throughout history, there have been enmity, confrontation, conflicts, controversial issues, as well as friendly relations between Greece and Turkey.

There were several wars and conflicts between the two countries in the 20th century. However, since 1999, Turkish-Greek relations have entered a new era based on cooperation and dialogue in various fields. At the same time, official relations between Greece and Turkey improved as a result of the Greek government's support for Turkey's EU membership efforts, but some problems were not resolved.

One of these disputes is related to the delimitation of territorial sea in the Aegean Sea. The problem in the Aegean Sea arises from disputes over the continental shelf and territorial waters. It should be noted that the resolution of this dispute is of keen interest not only to Greece and Turkey, but also to European countries, Russia and Israel. The discovery of new oil and gas deposits in the Eastern Mediterranean further complicates the problem. If the dispute is resolved in favor of Turkey, then these fields will belong to the territorial waters of Southern Cyprus if it is resolved in favor of Turkey and Greece. This is a factor that directly affects Europe's energy dependence on Russia. Therefore, when proposing a solution to a problem, it becomes necessary to conduct both legal and political analysis.

The purpose of the research is to study the period between Turkey and Greece from the end of the 20th century to the beginning of the 21st century, the development of bilateral and multilateral political relations, trade, economic, transport, tourism, cultural and educational relations, as well as a detailed examination of the problems existing between the two countries. One of the important factors determining the relevance of the study is the comprehensive development of

relations between the two countries and the study of existing problems between them.

In general, there is progress between Turkey and Greece in diplomatic, political, trade, economic, transport, tourism, cultural and educational relations. To resolve existing problems between the two countries through dialogue, various mechanisms have been established, such as political discussions, meetings and the High-Level Cooperation Council, and the number of high-level official visits has increased recently. High-level Cooperation Council meetings are organized alternately in Turkey and Greece under the coordination of the heads of government and foreign ministers of both countries.

It can be concluded that the most beneficial option is to provide these islands with 3 nautical miles of territorial waters, as provided for in the Treaty of Lausanne of 1923 and the Treaty of Paris of 1947. Given the unchanged position of both countries, it is recommended to resolve the issue of delimitation of territorial waters in the Aegean Sea within the framework of the above principles and methods in order to prevent this crisis from becoming global.

Main part:

The Aegean problem is in fact not one problem, but a series of problems: they concern restrictions on territorial waters, sovereign rights over the continental shelf and airspace, the management of military and civilian air traffic control zones, and the militarization of the Greek islands.

Thus, the Greek side argues that the only subject of dispute between the parties is the delimitation of territorial waters. However, the Turkish side divides disputes related to the Aegean Sea into 5 different categories [7]:

1) Jurisdiction at sea – territorial waters, continental shelf and their delimitation;

2) the demilitarized status of the eastern Aegean islands on the basis of relevant international documents, including the Treaty of Lausanne of 1923 and the Treaty of Paris of 1947;

3) the legal status of certain geographical features in the Aegean Sea;

4) 10 nautical mile claims to Greek national airspace;

5) Search and rescue missions.

The most important of these issues for Turkey is the issue of territorial sea. Under the 1982 Maritime Convention, which Turkey is not a signatory, Greece has the right to extend its territorial sea to 12 miles, although Greece has so far refrained from exercising this right. Greece expanding its territorial waters from 6 miles to 12 miles could make it difficult for Turkey to enter major ports such as Istanbul and Izmir. Turkey has repeatedly stated that any attempt by Greece to expand its territorial waters to 12 miles would lead to a state of war. The threat of force if Greece exercises its right to expand its territorial waters has become a major source of tension between the two countries. Official circles in Greece are firmly convinced that there will be no rapprochement between Greece and Turkey, especially as long as Greece threatens to use force to resolve its political activities in accordance with international law [4, p. 130].

Turkey and Greece also clash in Aegean airspace. Turkey does not recognize the 12 miles of airspace claimed by Greece, asserting Greek sovereignty over just 6 miles. To emphasize this point, Turkey regularly sends its aircraft within 6 miles of the Greek coast. Greece responded by sending a plane to intercept the Turkish plane, regarding this as a violation of airspace. Official fighting and airspace issues are a constant source of concern for Turkey's NATO allies, who are concerned that an incident or miscalculation could lead to a major conflict between the two countries, as happened during the Imia/Kardak crisis in January and February 1996.

The Republic of Turkey has repeatedly proposed to initiate a bilateral dialogue with Greece to resolve these issues. However, Greece rejected broad bilateral dialogue, arguing that only one issue should be resolved – the continental shelf. Greece argues that the case should be referred to the International Court of

Justice in The Hague. Be that as it may, Turkey preferred to resolve the issue through bilateral negotiations and refused to submit this issue to the International Court of Justice [1, p. 137].

Another issue straining bilateral relations is Greece's militarization of the eastern Aegean and Dodecanese islands, which Turkey claims is contrary to the terms of the 1947 Paris Agreement. On the contrary, Greece argues that the militarization of the islands was a defensive response to Turkey's creation of a 100,000-strong «Fourth Aegean Army» shortly after the Turkish invasion of Cyprus in 1974, headquartered in Izmir, a few miles from the Greek islands. Until recently, Turkey refused to release its Aegean army. But in the spring of 2000, Admiral Güven Erkaya, former commander of the Turkish Navy and adviser to Prime Minister Acavit, proposed in a secret memorandum (later leaked to the Turkish press) to release Turkey's Aegean Army in exchange for a promise not to expand Greece's territorial waters to 12 miles. Although his proposal was initially rejected by the Turkish military, who stated that Greece should agree not to extend its territorial waters beyond 12 miles, it is seen in some Turkish circles as a favor that, combined with Greek reciprocity, could lead to an escalation of the Aegean dispute [1, p.139].

Since mid-1999, Turkey's relations with Greece have softened considerably. But the Aegean dispute continues to cloud relations and may even derail current muted tensions. For example, in October 2000, disagreements over access to the islands of Lemnos and Ikaria led Greece to withdraw from NATO exercises in the Aegean Sea to bring Greece and Turkey closer together. Although both sides tried to declare their commitment to easing relations, this incident made it clear that disagreements over the Aegean Sea continue to burden relations [2, p. 90].

In addition, the EU appears to have resolved Turkey's differences with Greece by demanding Turkey's accession to the EU. In December 1999, the official message of the EU summit in Helsinki called on candidate states to try to resolve border disputes and other related issues or, failing that, to refer the dispute to the International Court of Justice within a reasonable time. The Council stated that it would review the situation regarding the accession process by the end of 2004. Thus,

with no resolution to the dispute, Turkey's application for EU membership continued to be extended until today.

In January 2002, Greece agreed to begin a bilateral dialogue with Turkey on the Aegean Sea. Greek diplomats wanted the dialogue to be limited to the continental shelf. At the same time, other issues needed to be discussed during the dialogue, such as airspace control and disagreements regarding the Ecumenical Patriarch (the spiritual leader of the world's Orthodox Christians, who lives in Istanbul).

At first glance, the complex Aegean conflict seems zero-sum and difficult to resolve as it involves sensitive "national issues" such as sovereignty, sovereign rights, oil reserves, freedom of the high seas and air, access to ports, security and influence. However, unlike the Cyprus problem, the motto "no solution can be solved" does not apply to the Aegean conflict. As can be seen from the two settlement attempts (1975-1981 and 2002-2003), both sides came to a strong agreement on the basic principles and parameters of a proper and fair settlement, as well as the latest negotiations, which seem promising since May 2010 [2, p. 73].

At the Aegean level, it must be clearly demonstrated that Greece does not want to "strangle Turkey" by turning the Aegean into a "Greek sea"; Türkiye, for its part, is not thinking about "occupying the Greek islands". Resolving the Aegean conflict still requires more time than dialogue carried out in the spirit of *détente* – the easing of tensions in the Aegean Sea for more than a decade.

Critics of this approach note that attempts in 1975-1981 and 2002-2003 did not produce any results, and negotiations continued in 2004-2009 also led to failure: one or both sides failed to take important steps for various reasons. As for the more recent renewed negotiations (from 2010), Recep Tayyip Erdogan seemed ready to make a deal, but Greece, under the leadership of George Papandreou, who initially seemed more positive in this direction, agreed to extend the deal for a longer period due to concerns about internal costs. Moreover, given that Turkey's prospects in the EU are diminishing, EU membership is becoming less popular even within Turkey. Due to Turkey's growing influence vis-à-vis the EU

and the perception of Turkey as a constructive and friendly state in the region, there is little incentive to consider resolving the Aegean conflict as a priority.

But over time, the Greek side seems hopeless in solving the problem due to the country's economic problems. (Greece has been constantly on the verge of bankruptcy since 2009). Such a grim situation is unlikely to be conducive to a bold reconciliation at the Aegean level since, given Greece's current weakness and international influence, it will almost certainly be structured as a bribery of the opposition and the public.

The economic problems provoked another negative reaction from Greek nationalists and like-minded "experts": Greece should acquire the entire Aegean Sea (the traditional Andreas Papandreou line of the 1970s and 1980s) and possibly the eastern Mediterranean (around the small island of Kastellorizo), which would likely provide oil and other mineral resources and thus save Greece from bankruptcy. In this context, in addition to the other "six concepts" in the Aegean Sea, another promising dispute arises – about the exclusive economic zone [3, p. 124].

Despite the centuries-long conflict between Greece and Turkey, the Aegean Sea dispute is still a fairly new conflict that requires resolution for many reasons. Despite the possibility of an armed conflict, now is the time to begin a serious process of its resolution. The earthquakes that occurred in 1999 brought not only the population closer together, but also politicians and the media. However, in the 2000s, relations between Greece and Turkey repeatedly reached the point of armed conflict.

For example, President Erdogan's visit to Athens in 2017 took place in a very tense format. Both sides have laid a long list of historical claims against each other stemming from the collapse of the Ottoman Empire more than a century ago. Finally, Erdogan mentioned the Treaty of Lausanne of 1923, which formalized the end of the *de facto* war between the two countries and the final fall of the Ottoman Empire. This agreement largely determines the relationship between both countries. Erdogan said that many years after the agreement was signed between the countries, "new problems have arisen". As an example, he cited the situation of the Muslim

minority in Greece. The countries have long disagreed on a variety of issues, including where their continental shelf begins and ends, energy resources, how to fly over the Aegean Sea and more.

Cold relations between Athens and Ankara have begun to soften amid the devastating earthquake that Turkey faced in February 2023. After this, Greece immediately sent aid to the neighboring country. Two rescue teams arrived in Turkey to search for people under the rubble. Greek Foreign Minister Nikos Dendias has instructed the country's permanent mission to the UN in Geneva to take measures to provide urgent humanitarian assistance to Turkey and Syria through the UN Office for the Coordination of Humanitarian Affairs. Deputy head of the department Andreas Katsaniotis, in turn, took on the responsibility of coordinating the activities of organizations and individuals wishing to help collect humanitarian aid for the affected regions of Turkey and Syria.

After the earthquake, Mitsotakis called Erdogan and promised to help in eliminating the consequences of the earthquake. It was the first phone call in months. Relations with Greece really warmed up after providing assistance to Turkey after the earthquake. However, it should be noted that a number of factors influence the warming of relations. This is due to changes in the internal economic and internal political situation in Greece and Turkey, changes in the foreign policy situation around Turkey, relations between Turkey and the EU, a fundamental change in the situation in the Middle East and the situation in the Eastern Mediterranean.

Elections took place in Greece, which strengthened the position of the ruling majority and leader and gave it room to maneuver. In addition, Greece now feels more confident. He signed military agreements with France and the United States. At the same time, it is extremely important to take into account the results of the Turkish elections in Greek foreign policy. Of course, although the economic relations between Ankara and Athens are not so good, they are important for Greece. The possibility of doubling trade turnover has a positive effect on Greek foreign policy.

The benefits of establishing relations with

its neighbor for Turkey are obvious and they are quite multifaceted. Erdogan, who has consistently demonstrated an independent foreign policy, demonstrates through his actions his commitment to the obligations of the NATO alliance. Turkey has its own position in everything and balances its actions in other areas through dialogue with Greece. A clear proof of the warming relations between the two countries was the visit of Turkish President Recep Tayyip Erdogan to the Greek capital in early December 2023.

During the visit, 16 documents were signed between Athens and Ankara: declarations, agreements and memorandums, including the "Declaration of Friendship and Friendly Good Neighborhood Relations". The signed documents cover various areas of interaction between the two countries, including education, economics, social services, sports, tourism, research and innovation.

Greek Prime Minister Kyriakos Mitsotakis announced in a joint press statement with Erdogan that Athens will issue visas to Turkish citizens for year-round weekly visits to 10 Greek islands in the Aegean Sea. Mitsotakis noted that this initiative "carries a strong message, but also expresses the great truth that the Greek islands are a bridge of communication and friendship between the two countries". According to him, the next step in restoring bilateral dialogue could be an approach to delimiting the continental shelf and exclusive economic zones in the Aegean and East Mediterranean seas.

The President of Turkey specially emphasized: "We want to turn the Aegean Sea into a sea of peace. We want to be an example for the whole world with the joint steps of Turkey and Greece". According to him, there are "no insoluble problems" between the countries [5]. On the eve of his meeting with the Greek Prime Minister, Erdogan gave an interview to the Kathimerini newspaper, called him a "friend" and called for a "new page" to be opened in relations between the two countries after many years of tension. "I think Mr. Mitsotakis understands and sees that we want to overcome the problems between Greece and Turkey and further develop our relations. I feel a similar position in him and it makes me happy...".

He said that Turkey has never viewed

neighboring Greece as an enemy or an enemy and that it has no problems with its neighbors that it cannot overcome. "We have the same geography, the same sea. We breathe the same air. We are connected by our past. There are many problems between us that we have not yet been able to solve and which we are aware of as two countries. Let's build trust between our countries. Let's expand our cooperation in the areas of economy, trade, transport, energy, healthcare, technology, education and youth policy. Let us mutually protect the historical and cultural heritage of our peoples" [6].

Consolutions

Thus, on the basis of international agreements, the legal position of both states and the approach of the International Court of Justice in similar cases, as well as consideration of the methods and principles applied, it can be concluded that the Aegean Sea should be divided between Turkey and Greece based on the center line principle applied by the International Court of Justice.

It is clear that this decision – the resolution will decide what activities each country allows and where, minimizing the possibility of military action between Greece and Turkey in the Aegean Sea. Moreover, the resolution will bring greater political, military and social stability and security to the region and ultimately to NATO and the EU. Both countries will gain more political respect and influence than they currently have and will increase their national prestige. Both Greece and Turkey will benefit from increased economic opportunities, from resources on the continental shelf to increased tourist numbers and business partnerships. The resolution will ensure uncontested passage for ships of all countries from the Aegean Sea to the Black Sea and back.

Литература:

- [1].Mustafa Aydin – Kostas Ifantis; Turkish-Greek Relations, The Security Dilemma in the Aegean. "Perception and Rapprochement: Debating a Greek Strategy Towards Turkey". London, Routledge Taylor & Francis Group, 2004, 376 p.
- [2]. Turkish-Greek Relations, Aegean Problems. Ministry of Foreign Affairs of Turkey. Available: <http://~wv.mfa.gov.tr/~pdad/adeladeddefault.htm> , 2000.
- [3].Kut, Şule; "The Aegean Problem in Turkish Foreign Policy", (Ed.) Faruk Sönmezoğlu; Analysis of Turkish Foreign Policy, Istanbul: Der Publications, Third Edition with Revised Supplements, Publication №: 137, 2004, p.122-126

NATO can improve the efficiency and effectiveness of crisis management planning and related measures and begin to view the Aegean as a strong point in the overall security and stability architecture, rather than as weak spots in Greece or Turkey that each country must defend. Both countries, on the other hand, could reduce the excessive amount of money they currently spend on national defense compared to other European countries due to the "threat". The resolution will give greater legitimacy to UN Declaration III and enable it to be accepted worldwide as the only true maritime regime. Finally, the Greeks and Turks (and America, which actually places great strategic importance on the region and spends a lot of time and money trying to prevent violence and resolve disputes) will be able to live easier knowing that the threat of war has been eliminated once and for all.

Undoubtedly, Turkey's EU membership proposal could help the settlement process. Moreover, Türkiye has wanted to become a member of the European Union for decades. Following his re-election in May amid an economic crisis, Erdogan said he intended to improve the country's relations with Western partners and allies.

It should be noted that Turkey has a long way to go before it is accepted as a full member of the EU, but this path of acceptance will have a cyclical connection with the Aegean dispute. The more Greece and Turkey try to resolve their disputes, the more likely it is that Turkey will fully comply with membership requirements and therefore be accepted into the EU. Likewise, if Turkey becomes a member of the EU, the European Union will help resolve the Aegean Sea dispute

- [4]. Constas, Dimitri, ed., The Greek-Turkish Conflict in the 1990s, New York: St. Martin's Press, 1991, 240 p.
- [5]. President Erdoğan spoke at the joint press conference with Greek Prime Minister Mitsotakis // <https://www.iletisim.gov.tr/turkce/haberler/detay/cumhurbaskani-erdogan-yunanistan-basbakani-micotakis-ile-ortak-basin-toplantisinda-spoke>
- [6]. Message from President Erdoğan to Greece: We want friends, not enemies // <https://www.yirmidort.tv/gundem/cumhurbaskani-erdogan-yunanistan-turkiyenin-hasmi-degil-icinde-bulundugu-ittifakin-kiymetl-138807>
- [7]. Ministry of Foreign Affairs of the Republic of Turkey, Major Aegean Sea Problems, <https://www.mfa.gov.tr/baslica-ege-denizi-sorunlari.tr.mfa>

ВУСАЛА АЛИЕВА

Доцент БГУ, доктор философии по истории (Азербайджанская Республика)

ЭГЕЙСКАЯ ПРОБЛЕМА В ОТНОШЕНИЯХ ТУРЦИИ И ГРЕЦИИ

РЕЗЮМЕ

Ключевые слова: Турция, Греция, Эгейское море, территориальные воды, делимитация.

Два прибрежных государства, Греция и Турция, имеют законные права и интересы в Эгейском море. К ним относятся безопасность, экономика и другие традиционные права, признанные международным правом. Есть два вопроса относительно Эгейского моря между Турцией и Грецией. Первое из них относится к территориальным водам, второе – к континентальному шельфу. Турецко-греческие разногласия по Эгейскому вопросу связаны с Эгейским статус-кво, который был установлен на основе Лозаннского договора 1923 года. Лозаннский договор был направлен на установление политического баланса между Грецией и Турцией. Türkiye приветствовала положения Лозаннского договора и ожидала, что Греция сделает то же самое. Ширина территориальных вод в Эгейском море для обеих стран составляет 6 миль. Однако Греция заявляет об увеличении своих территориальных вод с 6 до 12 миль. Греция неоднократно подчеркивала, что имеет права на территориальные воды и континентальный шельф в Эгейском море, что противоречит статье 300 Конвенции ООН по морскому праву, которая является одним из самых основных принципов международного права

УЛЬЖАЕВА ШОХИСТАХОН

Доктор исторических наук, профессор, Национальный исследовательский университет «Ташкентский институт инженеров ирригации и механизации сельского хозяйства». (Узбекистан)

НУРСУЛУ АЛГАДЖАЕВА

Профессор, заведующая кафедрой педагогики и образования Национального университета Казахстана имени Аль Фароби (Узбекистан)

НЕКОТОРЫЕ РАЗМЫШЛЕНИЯ ОБ АКАДЕМИЧЕСКОЙ ЧЕСТНОСТИ И ЕЕ ВАЖНОСТИ

DOI: <https://doi.org/10.52340/isj.2024.27.15>

Аннотация

В данной статье анализируются данные об академической честности, что считается важным для современной системы образования.

Академическая честность играет важную роль в жизни государства, общества и личности. Приверженность ей инициирует прогресс во всех областях.

Для того, чтобы вузы Узбекистана вошли в список 1000 лучших вузов, они должны в первую очередь соблюдать академическую честность и внедрять ее во все процессы образовательных систем. В статье раскрывается сущность академической честности.

Ключевые слова: академическая честность, образование, плагиат, качество, исследования.

Требование академической честности восходит к древней мировой истории.

Ученые древнего мира и средневековья считали академическую честность честью.

Изменения в моральном облике людей с течением времени породили заявления и опасения по поводу академической честности. Академическая честность была очень востребована в американских университетах 18 века.

За рубежом проводились различные исследования об академической честности и ее роли в жизни личности, государства и общества.[1].

Сегодня плагиат увеличился во всем мире. Ученые активно высказываются об академической честности с 1990-х годов.[2].

Академическая честность – это ценность, выражающая честность при чтении и письменных работах (тестах, эссе, дипломных работах и диссертациях), промежуточном и итоговом контроле, ответах на экзаменационные вопросы, проведении исследований, демонстрации знаний, отношениях с педагогами и другими сотрудниками и студентами.[3].

Академическая честность важна для различных дисциплин и для образовательных учреждений в целом. Академическая честность оказывает положительное влияние на развитие личности, государства и общества. От этой честности зависит процветание или упадок государства. Там, где установлена академическая честность, открывается путь к талантам.

Специалист, обладающий высокими знаниями и квалификацией, будет иметь возможность решить судьбу государства и общества в положительном направлении. Вот почему важно готовить детей к этой моральной норме со стороны системы дошкольного и школьного образования, учить будущих специалистов соблюдать моральные нормы.

Прежде всего, в системах школьного образования необходимо развивать и неукоснительно соблюдать принципы академической честности. Там, где нет академической честности и чистоты, будет нарушена окружающая среда, специалисты с низкой профессиональной квалификацией и знаниями не смогут должным образом воспитать подрастающее поколение. Оригинальные таланты, трудолюбивая молодежь отбираются в условиях, когда

их труд оценивается честно и беспристрастно. Нам также необходимо создать умные системы управления талантами. Такие пороки, как фамильярность, безответственный подход к своему делу, отталкивание тех, кто не нравится, служили закрытию дверей будущих талантов.

Сегодня школьник и преподаватель, студент или профессор высшего учебного заведения должны осознать, что академическая честность является важной силой в развитии общества.

Плагиат процветает там, где ему позволено процветать. Несмотря на введение в некоторых высших учебных заведениях Узбекистана различных правил этики и академической честности, порядка проверки на плагиат и дисциплинарных мер, многие негативные факты не упоминаются, что не позволяет решать их системно.[4].

Плагиат и академическая нечестность не возникли в высших учебных заведениях спонтанно.

Отклонения в обществе, прежние коррумпированные системы приема в высшие учебные заведения, негативное влияние массовой культуры на умы молодых людей отдалили молодых людей в глобальных сетях от обучения, упорного труда и терпеливого преодоления трудностей. Тысячи сайтов, отвлекающих от человечности, взаимного уважения и других человеческих качеств, порнографические материалы, развлекательные игры, пристрастие к развлечениям, одежде и прочей рок- и поп-музыке, находящиеся под влиянием того, как некоторые артисты одеваются, ведут себя, сериалы, служащие для убийства духовность, иностранная поношенная одежда, отчужденность родителей от образования, безответственность за судьбу своих детей, роскошь, любовь к деньгам, отсутствие стремления заложить фундамент будущего своих детей, отсутствие стремления к приобретению профессии, отсутствие энтузиазма, снижение бдительность и осведомленность и многие другие пороки, в результате чего образовалась группа молодых людей без навыков и с низкими религиозными и мирскими знаниями. Это, безусловно, было связано с поверхностным проведением реформ в системе образования.

Молодые люди осознавали ошибки взрослых и их несправедливость, существование коррупции, а родители порой подают отрицательный пример своим детям в заботе о материальном мире.

За последние 5-6 лет в результате исчезновения случаев коррупции в системе образования молодые люди постепенно снова начали стремиться к образованию. Принцип справедливости в государственной политике, социальная среда являются важными факторами, влияющими на сознание молодежи и ее нравственное воспитание. Изменения в сегодняшней системе образования, безусловно, будут стимулировать появление квалифицированных и знающих специалистов в будущем.

Болото коррупции в системе образования последних пятнадцати-двадцати лет в ряде случаев создало основу для поступления в учебные заведения или научно-исследовательские институты всех направлений сотрудников со средними знаниями и низким академическим потенциалом. Эти факторы могут создать определенные трудности в создании высокого качества и академической честности в высших учебных заведениях. Конечно, среди них много нашей молодежи, которая стремится к знаниям и научилась много работать над собой.

Формирование научного творческого мышления у студентов высших учебных заведений через академическую честность является одной из важных задач современной системы образования. Конечно, академическая честность играет в этом решающую роль. Одной из важных задач высших учебных заведений является стимулирование их проведения независимых научных исследований. Академическая честность идет рука об руку с качественным образованием.

Указ Президента Республики Узбекистан «Об утверждении Концепции развития системы высшего образования Республики Узбекистан до 2030 года» от 8 октября 2019 года на основе международного опыта направлен на внедрение передовые стандарты высшего образования, в том числе формирование практических навыков обучения, направленных на приобретение теоретических знаний в учебных программах. Особое внимание уделяется

постепенному переходу к системе образования, поднятию содержания высшего образования на новый качественный уровень, создание системы подготовки высококвалифицированных кадров, которые внесут достойный вклад в устойчивое развитие социальной сферы и отраслей экономики, смогут найти место на рынке труда.[5].

В нем профессора и преподаватели вузов, научные сотрудники, докторанты, студенты и аспиранты будут публиковать статьи в престижных международных научных журналах с высоким импакт-фактором, увеличивать количество цитирований статей, а также обеспечивать постепенное включение республиканские научные журналы в международной научно-технической базе данных. Также были затронуты вопросы.[6].

Некоторые из студенток, обучающихся в системе высшего образования, являются будущими учеными. Большинство из них – талантливые студентки. Проводить лекции, практические занятия и самостоятельное обучение студенток, давать им представление, ориентировать их на научную работу, учить писать рефераты, статьи, рефераты и другие произведения на актуальные темы, давать разъяснения по методам написания текстов, встречи с опытными профессорами и наставниками, добившимися важных результатов в организации деятельности, имеет важное значение. Обучение студенток методам научных исследований и улучшение снабжения научной литературой, их использования, анализа материалов, формирования умения критически подходить к проблеме является актуальной проблемой.

Также каждая профильная кафедра должна разработать и представить студентам тему самостоятельной работы, направленную на научные исследования. Также возможно определение тем, исходя из интересов студенток.

Научить наших студенток избегать плагиата при самостоятельной работе, промежуточном и итоговом контроле, курсовой работе и других заданиях, отказаться от этого неправильного пути по совести, обогатить свой внутренний духовный мир, показать, что плагиат вреден государству, обществу и даже самой себе. В связи с этим необходимо

совершенствовать правовую базу, продвигать законодательство об «Авторском праве» и пересмотреть вопросы применения большого материального и морального наказания за копирование. Государственные образовательные стандарты направлены на усиление практического и самостоятельного образования, требования, предъявляемые к ним, ориентируют молодых людей на поиск, работу над собой, приобретение навыков самостоятельного выражения своего научного мышления, мнения, анализа. Эти процессы обязательно положат начало процессам качественного образования. При этом единство преподавателя и ученика создает основу для качественного образования и творческой деятельности, ориентированной на научные результаты.

Мы подчеркнули, что у нас есть молодые люди, поверившие в свои знания и осваивающие науки на протяжении многих лет. Разрабатываются стратегии по удержанию их в качестве кадров резерва, однако многие из них лишены возможности научных исследований из-за семейных обстоятельств или коррупционной ситуации. Талантливая молодежь может стать важной силой современной академической честности. Для этого руководство вуза должно отобрать талантливую молодежь и сформировать резерв будущих ученых.

За прошедшие годы многие дипломированные специалисты получили ученые степени или ученые степени в результате академических нарушений. Диплом они получили очень быстро, впопыхах, на памяти окружающих. Как эти сотрудники могут служить системам высшего образования?

Среднеобразованный специалист, далекий от академической честности, преподает во имя своего потенциала, он не понимает сути изучаемых тем, он даже не понимает сути темы, по которой он вел научную работу. Своими бесцельными действиями и поверхностными знаниями он предаст образование, государство и общество. Не работает над собой, усваивает материалы с трудом.

Среднестатистический специалист без колебаний выполняет поставленные перед ним задачи, он всю жизнь привыкает копировать.

Преданные кадры, усовершенствованные знания и опыт в своей области, полные духов-

ности и нравственности, патриотичные, верные национальным ценностям, стремящиеся жить скромной жизнью, могут совершать великие научные открытия в науке, облегчать и развивать жизнь людей. государство и общество, применяя свои открытия в своих областях. Сегодня Узбекистану необходимы новые реформы, касающиеся научных открытий и их внедрения.

Как мы уже упоминали, развитие страны тесно связано с развитием науки. До сегодняшнего дня мы могли бы разработать интеллектуальные системы в области строительства и архитектуры, устойчивые к землетрясениям и различным катастрофам, безопасные для жизни человека и экологически чистые. Как и в других сферах, в строительстве работают только специалисты, нужно было научное решение. В настоящее время в мире строятся оптимальные, дружелюбные к человеку умные города, которые тщательно продумали каждое направление и объединили их в единое решение. Даже продовольственная безопасность не организована должным образом. Сегодня умные дома, умное образование, умные станции, умное производство, умные государственные системы, умный бюджет, умная стратегия, умное сельское хозяйство, умные водосберегающие технологии, умная микробиология, цифровая физика, робототехника, умное землеустройство, умный кадастр, умный... сотди, искусственный интеллект, умная медицина и т.д. стали широко внедряться в зарубежных странах.

Сегодня этому примеру могли бы последовать интеллектуальные информационные технологии, цифровая экономика, менеджмент и маркетинг, скажем, десятки областей.

Следует подчеркнуть, что реформы, проводимые с 2017 года, существенно влияют на развитие государства и общества. Либеральные реформы были проведены во всех сферах и продолжаются. Возможности электронного правительства были расширены. Конечно, большая роль в этих изменениях принадлежит высококвалифицированным специалистам. Тем не менее, необходимо будет создать академическую честность в образовательных учреждениях, чтобы устранить имеющиеся недостатки и обеспечить баланс качества и ко-

личества, расширить масштабы сегодняшних реформ.

Текущие вопросы, стоящие перед нами, не будет решать глава государства, их будут решать квалифицированные и знающие кадры. Поэтому образованные кадры можно формировать, прежде всего, обеспечивая академическую честность. В концепции развития Узбекистана до 2030 года определена цель и задача по вхождению нашей страны в ряды 50 передовых стран в международных рейтингах и индексах. Для их реализации издан ряд решений и указов, но для того, чтобы эти задачи и результаты были обеспечены экспертами и сотрудниками органов государственного управления, необходимо развивать интеллектуальные системы, академические знания и стратегии. Поиск умных и эффективных решений в государственном управлении, создание систем, прозрачно отображающих финансовые доходы и расходы государственных служащих и организаций, стало требованием времени.

Согласно демократическим принципам важно соблюдать правило самоограничения. У нас больше власти в руках исполнительной власти, чем в руках законодательной власти, и некоторые вожди могут расширять свои полномочия настолько, насколько пожелают. Сколько бюджетных денег они разворовали, механизм их остановки до сих пор не создан. Необходимо активизировать борьбу с коррупцией и полностью разработать правовую базу для механизмов компенсации, налогов, уплачиваемых на найденное богатство, подтверждающих документов и т.д. механизмов. Устранить эти недостатки можно также путем формирования у молодежи добродетели академической честности. В своих выступлениях Президент подчеркнул следующее по поводу «вакцины честности»: «Если к борьбе с коррупцией не будут привлечены все слои населения, лучшие специалисты, и все члены нашего общества не будут привиты «Вакциной честности», так сказать, мы не сможем достичь тех высоких целей, которые перед собой поставили».[7].

Президент Республики Узбекистан Ш.М. Мирзиёев в своем Послании в декабре 2022 года выдвинул принцип «Сначала – человек,

потом – общество и государство».

2023 год объявлен «Годом внимания к людям и качественного образования».

Ш.М. Как подчеркнул Мирзиёев, «повышение качества образования – единственно правильный путь развития Нового Узбекистана».

Единственное правильное решение развития нового Узбекистана достигается через академическую честность.

В этих обращениях наш президент процитировал следующий стих нашего деда Юсуфа Хоса Хаджиба:

«Где разум, там и величие,

Где знание, там и величие».[8].

Формируется процесс перехода от академической честности к принципу авторитетной честности и корректности. Прежде всего, необходимо усилить законодательство и практику в сфере противодействия коррупции.

Стремиться любыми способами достичь определенных показателей, гнаться за цифрами и статистикой вместо качества и содержания не только вредно, но и опасно для жизни страны.

Основные требования академической честности:

цитирование информации в соответствии с правилами авторского права, их правильное использование;

признание работ других авторов;

не выдавать работу другого ученого за свою;

разработать Положение об научной этике Университета и проводить научные исследования в соответствии с приоритетом этики;

точно сообщать об исследованиях;

быть этичным во всех академических начинаниях.[9].

Почему сегодня академическая честность важна для наших девочек в их академической деятельности?

Без академической честности человек, выдающий чужую работу за свою, ничему не учится и перестает развиваться.

Если вы не будете честны, справедливы и ответственны на своем рабочем месте, вы можете столкнуться с такими проблемами, как увольнение или судебный процесс.

Университет должен иметь политику, про-

цедуры и рекомендации по академической честности и требовать от всех сотрудников и студентов их соблюдения.

В ходе исследования желательно правдиво и объективно излагать информацию, научный результат, метод и состояние научной публикации. Также не следует допускать копирования, фальсификации данных и создания фейковых данных. Совет академической честности контролирует внедрение инновационных, передовых и международных образовательных стандартов в педагогический процесс в университете, соблюдение требований по обеспечению качества преподавания.[10].

«Узбекистан. Кому выгоден плагиат?» Али Тахмазов, исполнительный директор plagiat.pl, соавтор системы антиплагиата StrikePlagiarism.com, назвал причины плагиата следующими:

во-первых, причина кроется в низких моральных ценностях, допускающих воровство и ложь.

Во-вторых, в образовательной системе, которая позволяет поставить под угрозу академическую честность. Он не очищается сам. Студент должен уметь работать с информацией, критически мыслить, сопоставлять факты и проявлять творческий подход. Мы ожидаем от студента развития различных компетенций, в том числе умения анализировать факты, сравнивать и критически мыслить, но система образования не создает для этого соответствующих условий. Сегодняшние студенты относятся к материалам открытого доступа как к общественному достоянию, присваивая их как свои собственные, независимо от того, может ли материал принадлежать автору. Знаменитый навык «копировать и вставить» не позволяет им совершенствовать свои аналитические способности.[11].

В Казахстане по закону все дела студентов подлежат проверке при переводе, и образовательные учреждения обязаны принимать меры в случае нарушения академической тайны. В вузах Казахстана создана общественная организация «Лига академической честности», в рамках которой обсуждаются и реализуются меры по повышению качества образования и академической честности.[12].

Формирование института академической

честности в системе образования также является актуальным вопросом в Узбекистане.

Как мы уже упоминали выше, академическая честность является важной единицей измерения, определяющей внутреннее и внешнее признание и престиж страны в научной сфере. Качественное образование, качественный персонал, качественная жизнь, каче-

ственное и прозрачное общество и правительство являются решающими инструментами, которые служат для подготовки высококвалифицированных специалистов.

Поэтому данную концепцию необходимо поднять на уровень государственной политики, создать правовые и внешние основания для ее формирования и развития

Литература:

- [1].Bretag, Tracey (2016). Handbook of Academic Integrity. Singapore: Springer. ISBN 978-981-287-097-1; Bretag, T., Mahmud, S., East, J., Green, M., & James, C. (2011). Academic integrity standards: A preliminary analysis of the Academic integrity policies at Australian Universities. Paper presented at the Proceedings of AuQF 2011 Demonstrating Quality, Melbourne; Ellis, Cath; van Haeringen, Karen; Harper, Rowena; Bretag, Tracey; Zucker, Ian; McBride, Scott; Rozenberg, Pearl; Newton, Phil; Saddiqui, Sonia (2020-04-15). «Does authentic assessment assure academic integrity? Evidence from contract cheating data». Higher Education Research & Development. 39 (3): 454–469. doi:10.1080/07294360.2019.1680956. ISSN 0729-4360. S2CID 210451768; Eaton, S. E., Guglielmin, M., & Otoo, B. (2017). Plagiarism: Moving from punitive to pro-active approaches. In A. P. Preciado Babb, L. Yeworiew, & S. Sabbaghan (Eds.), Selected Proceedings of the IDEAS Conference 2017: Leading Educational Change Conference (pp. 28-36). Calgary, Canada: Werklund School of Education, University of Calgary; Eaton, Sarah Elaine (2017). «Comparative Analysis of Institutional Policy Definitions of Plagiarism: A Pan-Canadian University Study». Interchange. 48 (3): 271–281. doi:10.1007/s10780-017-9300-7. ISSN 0826-4805. S2CID 254570492; Eaton, S. E. (2018). Contract cheating: A Canadian perspective. Retrieved from <http://blogs.biomedcentral.com/bmcblog/2018/07/24/contract-cheating-a-canadian-perspective/>; Clarke, R., & Lancaster, T. (2006). Eliminating the successor to plagiarism: Identifying the usage of contract cheating sites. Paper presented at the Second International Plagiarism Conference, The Sage Gateshead, Tyne & Wear, United Kingdom; Lancaster, Thomas (2019). «The emergence of academic ghost writers from India in the international contract cheating industry». International Journal of Indian Culture and Business Management. 18 (3): 349. doi:10.1504/IJICBM.2019.099281. ISSN 1753-0806; Foltýnek, Tomáš; Králíková, Veronika (2018). «Analysis of the contract cheating market in Czechia». International Journal for Educational Integrity. 14 (1): 1–15. doi:10.1007/s40979-018-0027-8. ISSN 1833-2595; Tricia Gallant, «Revisiting the Past: The Historical Context of Academic Integrity», Academic Integrity in the Twenty-First Century, pp. 13–31; Alison Kirk (1996-11-30), Learning and the marketplace, ISBN 9780809320929; Scott, Jon; Badge, Joe; Yakovchuk, Nadya (December 12, 2011). «Staff and student perspectives on the potential of honor codes in the UK». International Journal for Educational Integrity. 7 (2). doi:10.21913/IJEL.v7i2.762 – via [www.ojs.unisa.edu.au.](http://www.ojs.unisa.edu.au/); «The Netherlands Code of Conduct for Academic Practice» (PDF). Association of Universities in the Netherlands (VSNU). 2014.; Tricia Gallant, «Twenty-First Century Forces Shaping Academic Integrity», Academic Integrity in the Twenty-First Century, pp. 65–78; Tatum, Holly; Schwartz, Beth M. (2017-04-03). «Honor Codes: Evidence Based Strategies for Improving Academic Integrity». Theory into Practice. 56 (2): 129–135. doi:10.1080/00405841.2017.1308175. ISSN 0040-5841. S2CID 152268649; Pavela, Gary (Summer 1997), «Applying the Power of Association on Campus: A Model Code of Academic Integrity», Journal of College and University Law (PDF), 24 (1); «Academic Integrity». www.ou.edu. Retrieved 2018-10-11; UGC (Promotion of Academic Integrity and Prevention of Plagiarism in Higher Educational Institutions) Regulations, 2018 (PDF), 2018 ва бошқалар.
- [2].Хайридин Мурод. Академик ҳалоллик замонавий тамойиллар ва мақсадларга уйғун //

- <https://yuz.uz/news/akademik-halollik-zamonaviy-tamoyillar-va-maqsadlarga-uygun>
- [3]. Хайриддин Мурод. Академик ҳалоллик замонавий тамойиллар ва мақсадларга уйғун // <https://yuz.uz/news/akademik-halollik-zamonaviy-tamoyillar-va-maqsadlarga-uygun>
- [4]. Ўзбекистон. Плагиат кимга фойда келтиради? // <https://anhor.uz/uz/vzglyad-iznutri/zbekiston-plagiat-kimga-fojda-keltiradi/>
- [5]. Ўзбекистон Республикаси Президентининг «Ўзбекистон Республикаси олий таълим тизими 2030 йилгача ривожлантириш концепциясини тасдиқлаш тўғрисида»ги Фармони // <https://lex.uz/docs/4545884>
- [6]. Ўзбекистон Республикаси Президентининг «Ўзбекистон Республикаси олий таълим тизими 2030 йилгача ривожлантириш концепциясини тасдиқлаш тўғрисида»ги Фармони // <https://lex.uz/docs/4545884>
- [7]. Коррупцияга қарши кураш йўлидаги яна бир муҳим қадам // <https://xs.uz/uzkr/post/korruptsiyaga-qarshi-kurash-jolidagi-yana-bir-muhim-qadam>
- [8]. Ўша ерда.
- [9]. What is academic integrity? // <https://latrobe.libguides.com/academic-integrity>
- [10]. Хайриддин Мурод. Академик ҳалоллик замонавий тамойиллар ва мақсадларга уйғун <https://yuz.uz/news/akademik-halollik-zamonaviy-tamoyillar-va-maqsadlarga-uygun>
- [11]. Ўзбекистон. Плагиат кимга фойда келтиради? // <https://anhor.uz/uz/vzglyad-iznutri/zbekiston-plagiat-kimga-fojda-keltiradi/>
- [12]. Ўша жойда.

ULZHAeva SHOKHISTAKHON

Doctor of historical sciences, Professor, National Research University «Tashkent Institute of Irrigation and Agricultural Mechanization Engineers». (Uzbekistan)

NURSULU ALGADZHAEVA

Professor, Head of the Department of Pedagogy and Education, National University of Kazakhstan named after Al Farabi (Uzbekistan)

SOME REFLECTIONS ON ACADEMIC INTEGRITY AND ITS IMPORTANCE

SUMMARY

This article analyzes data on academic honesty, which is considered important for the modern education system. Academic honesty plays an important role in the life of the state, society and the individual. Commitment to it initiates progress in all areas. In order for universities in Uzbekistan to be included in the list of 1000 best universities, they must first of all observe academic honesty and implement it in all processes of educational systems. The article reveals the essence of academic honesty.

NARGIZA GAMISONIA

Doctor of Historical Sciences, Professor (Georgia)

DEVELOPMENT OF MEDIEVAL EDUCATION IN WESTERN EUROPE

DOI:<https://doi.org/10.52340/isj.2024.27.16>

Introduction. The existence of a pedagogical tradition in the Middle Ages, as well as in other historical periods, the formation of pedagogical ideas, and the implementation of the educational process are associated with the structural and functional structure of society, the type of social inheritance of subjects of the educational process. Medieval pedagogy has its own characteristic features, since, firstly, the pedagogical traditions of this era are not closed in time, they have their own historical past, established in their influence on modern Western European pedagogy. Secondly, a person in the Middle Ages self-determined not with ethnicity, but with local (village, city, family), as well as by confessional sign, i.e. belonging to the clergy or laity. Both in educational material and in the organization of special educational institutions, there is a synthesis of reality with the new needs of society. The ideal of medieval education is the rejection of the comprehensively developed personality of the Antiquity era, the formation of a Christian person. The new ideal of education determined the main European pedagogical tradition of the early Middle Ages (5th-10th centuries) - the Christian tradition, which also determined the educational system of the era.

Keywords - *Education, Schools, Churches, Renaissance, Monastic Schools, Art, Architecture.*

The church dominated the spiritual sphere. It determined the style of medieval thinking, which was also shaped by the entire situation in Western Europe. It was characterized by: heightened emotional tension, the idea of the jurisdiction of humanity, sin and redemption, utopianism, the contrast between religion and the whole world. The church's claims to speak on behalf of the whole society manifested themselves primarily in education. It needed clerics who knew Latin and ancient Greek, who could read the Bible, interpret it to laymen, and influence their mindsets. During

the early Middle Ages, education could only be obtained in bishoprics and monastic schools, where instruction was based on the Bible and other church books. Only children of the nobility were accepted to these schools. In the early feudal state of the Carolingians (descendants of Charlemagne) in the 7th - 9th centuries, the period of the so-called «Carolingian Renaissance» began. It manifested itself in a greater desire for education, literature, fine arts and architecture than in other regions of Europe. The church in it turned into a significant factor in cultural development. Monasteries became centers of education, and by order of Charlemagne, schools were necessarily opened in each of them [1].

In the monastery schools for the clergy and children of the nobility, education was conducted according to the ancient system, which was reorganized in the 6th century by the last scholars of the «ancient model» - Boethius and Cassiodorus. Cassiodorus (c. 480-573), abbot of the Vivarium monastery in southern Italy, was a teacher and one of the first medieval writers [2]. According to this system, liberal arts were taught, divided into two levels. The first - the trivium - consisted of grammar, rhetoric and dialectic, the second - the quadrivium - geometry, arithmetic, astrology and music. Later, the quadrivium was studied at universities. Rhetoric was studied according to Cicero, dialectic according to Aristotle, arithmetic and geometry according to Pythagoras and Euclid, astronomy according to Ptolemy. A parochial school was an elementary (small) school, which was located near a church and gave basic knowledge to 3-10 students in the field of religion, church singing, reading in Latin, and where sometimes they taught arithmetic and writing. The only and main teachers were: a deacon or sexton, a scholastic or didascal, a magniscola, who had to teach all the sciences. If the number of students increased, then a circulator specially supervised discipline. Monastic schools developed in

close connection with episcopal schools, which prepared successors for the diocesan clergy. Students gathered in circles around the bishop, receiving deep religious knowledge. Thus, the rules of education of St. Benedict of Nursia (480-533) included the requirement to read three hours a day, and during Lent to read an entire book. The Benedictine school of the early Middle Ages was part of a whole complex of institutions with missionary tasks, where the problems of teaching secular sciences were also solved. The school was divided into schola claustris, or interior, for monastic youth and schola canonica, or exterior, for secular youth. The meaning of the ancient motto of the monks of the Benedictine order was that the strength of the order, its salvation and glory consisted in its schools. The people who supervised education during this period belonged to this order. The educational activities of Albinus Alcuin (735-804) went far beyond this era, since his monastic school in Tours was a «hotbed of teaching» until the 12th century. The abbey in Monte Cassino, where the center of the Benedictine order was located, is also famous for the fact that the outstanding theologian Thomas Aquinas (1225-1274) later studied here. By the 16th century. In Western Europe, there were about 37,000 monasteries belonging to the Benedictine Order and its descendants (every fifth of them had a monastic school). In these schools, teachers were usually monks or priests, who conducted educational classes with children at set hours. The main subjects were the same as in parish schools, but later this circle expanded significantly, including rhetoric, religious philosophy, grammar and, in some schools, the disciplines of the quadrivium. In monastic schools, much attention was paid to copying books, due to which a library appeared in the monastery. The sages of that time said that a monastery without a library is like a fortress without protection. A learned cleric was required to be able to read Latin, know prayers, the order of church services, and have basic knowledge of arithmetic. Rhetoric was needed only for composing sermons and drawing up documents; dialectics (as formal vocabulary was then called) - for formulating a system of evidence in substantiating dogmas of faith; arithmetic for calculating church tithes, taxes for the construction of churches and the marking out

of monastic and feudal lands. Studying music, future clerics learned to sing psalms and compose church hymns. Well, and astronomy, which almost entirely acted as astrology, was needed to determine the date of Christian Easter and to draw up horoscopes [3].

Emperor Charlemagne founded an Academy at his court, where he invited famous scholars from all over Europe: Paul the Deacon, a Lombard; Theodulf, a Visigoth; Einhard, a German; and Alcuin, an Anglo-Saxon. The latter headed the Academy and also founded a palace school for Charlemagne's children and those close to him [4]. The emperor himself held debates and gave instructions to his academics. The works of Greco-Roman culture were considered a model, although Latin had become «barbaric», «vulgar», «kitchen», that is, mixed with local folk dialectic. The «Holy Scripture» was considered the pinnacle of education and the criterion of scientificity.

During the early Middle Ages, pedagogy rethought the ancient heritage in education and introduced its own values - a focus on spiritual education, education by faith. Until the 6th century. Christians received a grammar and rhetorical education, the medieval pedagogical tradition inherited the language of ancient Rome from the previous era, and from the moment the Bible was translated into Latin, when church services began to be conducted in Latin, this language became pan-European and mandatory for education. Of course, humanity could not discard the scientific achievements of the previous era, so the main dispute arose about the means and ways of comprehending secular knowledge by a Christian. Three main types of church schools developed in medieval Europe: monastic schools, episcopal (cathedral) and parochial schools. The main goal of all types of schools was to prepare the clergy. They were available, first of all, to the upper classes of medieval society. Education in advanced church schools was taught according to the program of the seven liberal arts. Teaching methods were based on memorization and the development of mechanical memory. Grammar was the main subject. The study of Latin began with elementary rules and mastering the simplest phrases. The majority of the population did not receive even a minimal education in schools. Children were brought up by their parents in the

family and in everyday work.

History began to develop anew. In the monasteries, short records - annals were kept. But there were still memories of the ancient historical and geographical tradition. In the 6th century, the Frankish bishop Gregory of Tours wrote «History of the Franks», where he included a short world chronicle and the history of Gaul. The Italian monasteries of Bobbio and Montecassa also kept their own annals. In England, from where the Roman troops were withdrawn around 400, after the Saxon conquest (late 6th century), Bede the Venerable was a major figure, who kept his chronicles, which were called «Ecclesiastical History of the English». In Seville, this was done by Bishop Isidore, who wrote «Etymology» in the 6th century - the first medieval encyclopedia [5].

Literature was «luckier». Although it was also thoroughly permeated with the Christian spirit in the early Middle Ages, folk elements penetrated into it. The earliest were songs in honor of leaders in the Frankish and Germanic dialects, which later formed the basis of the medieval epic. In England, by the 8th century, an epic about the hero Beowulf (the poem «Beowulf») was written in the Anglo-Saxon language [6]. Hagiographic and biographical literature became widespread. The above-mentioned Einhard wrote a biography of Charlemagne similar to the biography of Augustus.

In the 10th-10th centuries, the Cantilena of St. Eulalia, the Life of St. Leodegar, and the Passion of Christ appeared in France. In the 10th century, the first epic poems-gestures (songs) about Charlemagne and his warriors were born in France, including the famous Song of Roland. In Germany, in the last third of the 10th - early 11th centuries, the era of the so-called «Ottonian Renaissance» began. The Emperor of the Holy Roman Empire of the German Nation (as the country was officially called) patronized sciences and arts [7]. Under him, a number of schools were also founded, and literature (in Latin) experienced a period of prosperity. A number of chronicles were compiled: the Huanica of the Saxons by Widukind of Corvey, the St. Gallen Chronicle of Eckhard IV, the chronicle of the Bishop of Merzburg, Dietmar. At that time, clerics wrote not only on religious but also on secular subjects (Waltarius - an adaptation of the folk

«Song of Walter», «The Flight of the Prisoner», «Rudolite», etc.) [8]. Literary activity in Italy consisted of rewriting ancient books, and Italian Latin was closer to classical Latin than Latin in other regions of Western Europe.

The Christian Church adapted the geocentric teachings of Aristotle and Ptolemy to its own needs, and until the Renaissance, astronomy as a science did not exist. The same can be said about geography, according to which Jerusalem was considered the center of the earth. In the east, on a mountain, there was paradise, from which 4 rivers flowed: Tigris, Euphrates, Nile, Ganges [9].

In the 9th century, an outstanding medieval thinker, Joanna Scott Eriugena from Ireland, lived. He was influenced by the Neoplatonists and was close to pantheism. In his main work, On the Division of Nature, he wrote that religion should not interfere with reason and that the latter was above church authorities. His works were later added to the list of prohibited books by the Inquisition. The learned monk from Reims, Gerbert, the future Pope Sylvester II, became famous as a teacher of mathematics at the end of the 10th century. He translated Arabic mathematical treatises into Latin, introduced Europeans to Arabic numerals, the astrolabe, and the abacus [10]. The development of medieval art and architecture reflected the same features of medieval thinking as other areas of culture, but had its own characteristics. Humanity acquired a tragic tint, which was more evident in the late Middle Ages. The opposition between legend and reality was clearly defined; initially unconscious, it was later increasingly subject to the control of reason. Symbolism permeated all medieval art, especially religion. Moreover, the particular was accepted as a reduced copy of the whole and at the same time served as a symbol. A characteristic feature of medieval art was its close connection with craft. The collective nature of medieval art resulted in its anonymity, because Catholic cathedrals took centuries to build. «Long-term construction» was also characteristic of castle construction. Finally, the art of the Middle Ages was ensemble. It existed in an inseparable connection of architecture, painting, sculpture and applied art. Architecture formed the basis of the synthesis; it acted as the main system-forming

element. In the early Middle Ages, the so-called pre-Romanesque style (that is, «pre-Roman») developed in architecture. These are the buildings of the barbarians - the Ostrogoths and other tribes, who did not imitate the Roman ones very skillfully. The earliest of them is the tomb of the Ostrogoth king Theodoric in Ravenna (c. 530). The low, thick-walled building is covered with an equally thick dome, carved from a single huge stone. Noble Franks and bishops, building palaces, imitated ancient Roman villas, bringing marble columns and other decorative details from Italy. Church construction is becoming increasingly important. Roman basilicas and early Christian churches served as models. They had a Latin cross plan. The main, long room was divided into three parts - the nave (that is, the «ship») by thick columns that rested on a heavy cylindrical vault. The temple was oriented from east to west. The altar was located in the eastern part, the entrance in the western. On the sides of the western facade there were towers - bell towers. Another one was located in the tower above the crossing of the nave and transept (cross section). The walls of the cathedrals were very thick, as they supported the cylindrical vault, and the windows were very narrow. Such a building (especially monastery churches) could successfully serve as a fortress in the event of an enemy attack [11].

The cathedrals were austere on the outside and had almost no decoration. The surviving stone carvings were far from the perfection of antiquity. The few human figures were large-headed and squat. Stylized animal and plant ornaments were more common.

Ancient influences grew in the architecture of the Carolingian era. Few names of architects are known, for example, the master Eid of Metz, who built the palace chapel in Aachen. Several monasteries were founded under Charlemagne, and entire architectural complexes were built. But the appearance of the cathedrals still strikes us with its modesty. Monumental painting began to appear, but very few examples have survived, for example, the frescoes from the Church of St. John in Munster - «Christ in Glory», «Ascension». [12].

From the end of the 10th century, the Romanesque architectural style developed, which lasted until the end of the 12th century.

The general but short-lived rise of culture also affected construction. Monasteries were founded, roads, bridges, hotels, hospitals were built, feudal lords erected strongly fortified castles. The Romanesque style became uniform throughout Europe [13]. It developed in France and is represented by both secular and religious buildings. The main type of secular building was the feudal lord's castle. The main dwelling was a large donjon tower, the lower floors of which were occupied by storerooms. In the courtyard, surrounded by powerful walls, there were stables, barracks and other buildings. From the 12th century, the feudal lord's house began to be built next to the donjon, the house itself became much more comfortable. A small home church-chapel was erected nearby. The castle walls were strengthened with towers and heavy gates with a grate. The castle was surrounded by a moat filled with water. At the same time, urban construction was growing, Western European cities were becoming large craft, trade and administrative centers. They were also carefully fortified with walls (sometimes in several rows), ramparts and ditches. Houses in cities were multi-story, with the upper floors hanging over the lower ones. Only in the 12th century was regular planning introduced. At the intersection of two main streets there was a market square. The city cathedral and town hall were built there. Romanesque architecture reveals a strong connection with antiquity. The walls of the cathedrals and the pillars-columns are very thick and massive. Cross vaults appear. Large cathedrals were erected on traditional pilgrimage routes. In France, these are the cathedrals of Saint-Martin in Tours (c. 1056), Saint-Martial in Limoges (1053/63-1096), Saint-Foy in Conques (1041/52-1130) and Sec-Sernin in Toulouse (1075-1150). The first two have not survived. These cathedrals are large: 3-5 naves, with a wide transept [14]. There is little sculptural decoration. Ordinary churches are single-nave, small, but their facades are richly decorated. Large and lavishly decorated cathedrals were built in monasteries. The church in Cluny Abbey, the center of the Benedictine order, is the largest in Europe, but has not survived to this day. German cathedrals were more like fortresses and were sparingly decorated, for example the cathedral in Worms. Italian architecture had a number of Byzantine and

Eastern features (for example, the Cathedral of St. Mark in Venice). Spanish religious architecture is close to southern French and Arabic. The Church of San Jago de Compostela in Galicia stands out in particular. This saint was revered throughout Europe, as four main roads from Northern France and Germany converged there [15]. The heyday of Romanesque sculpture and painting was in the 11th-12th centuries. Sculptural images of gospel characters and saints, and later of knightly and burgher nobility, decorate the walls both inside and out. The main, western façade is the most lavishly decorated. The capitals of the columns were decorated with plant or geometric ornaments. Sometimes figurines of monsters and people are depicted. Human figures are extremely conventional, gestures are exaggerated. The reliefs are formed by a linear pattern. The figures of Christ and the Virgin Mary are taller than the other characters.

German temples are more sparingly decorated with sculpture than French ones, biblical and evangelical characters are placed mainly in the interior. There is a lot of wood carving. Wooden figures and crucifixes are usually painted. German sculpture is more symbolic than French or Italian. Individuality and vivid imagery appear only later. Wooden sculpture is also widespread in Italy, the names of several masters have come down to us, for example, Benedetto Antelami (Antelmi), who created the relief choirs of the Parma Cathedral (1177-1233). Two features

stand out in the monumental sculpture of Spain: Eastern influence and religious exaltation. Monumental painting of the Romanesque style is represented by frescoes. They were not only «theology for the illiterate», a teacher of faith, but also a powerful means of decoration. This role was played by the plots of the «Last Judgment», apocalyptic visions, «The Passion of Christ», and the lives of the holy martyrs. The theme of the struggle between angels and Satan for the human soul stands out. Sometimes non-religious motifs are also encountered: plots from fables, images of people and fantastic beasts (the so-called «bestiary») [16]. This indicates the remnants of paganism. In the images of biblical characters, as in sculpture, symbolism, asceticism, maximum conventionality, and a violation of perspective prevail. But sometimes observation and humor can be seen. Frescoes fill the surface of the walls and vaults of the temple, like a carpet. Book miniatures became a special type of painting. Books were written on parchment and most often had the form of a codex (like modern books), rather than a scroll. Here, lines and individual color spots dominate, there is no perspective and the proportions are distorted. This genre also has its own national characteristics: the German school preferred to depict the ruler on the throne, loved dark tones, in France there were illustrations to the Bible and the lives of saints; in Italy realistic tendencies grew; Spanish painting was the most ascetic.

References:

- [1]. Tokarev. S.A. Early forms of religion. [Text] / S.A. Tokarev M., 1990.
- [2]. Tyazhelov V.N., Sopotsinskaya O.I. History of the Middle Ages. [Text] / V.N. Tyazhelov. M., 1975.
- [3]. Uglova V.I. Ancient heritage and the Middle Ages. [Text] / V.I. Uglova. M., 1989.
- [4]. Formozov A.A. Monuments of primitive art on the territory of the USSR. M., 1992.
- [5]. Frezer D.D. Golden branch. M., 1983.
- [6]. Freud Z. Psychoanalysis. Religion. Culture. [Text] / Z. Freud M., 1992.
- [7]. Fromentin E. Old Masters. [Text] / E. Fromentin. M., 1966.
- [8]. Khachatryan V.M. History of world civilizations. [Text] / V.M. Khachaturian. M., 1996.
- [9]. Huizing I. Autumn of the Middle Ages. [Text] / I. Huizing. M., 1988.
- [10]. Reader on the history of the Middle Ages / Ed. S.D. Skazkina M., 1961-1963. T.1-2.
- [11]. Civilizations. Collection of articles / Rep. ed. M.A. Barg - M 1985.
- [12]. Civilization of Northern Europe. Medieval City and Cultural Interaction. M., 1992

- [13]. Man and Culture: Individuality in the History of Culture / Ed. A.Ya. Gurevich. M., 1990.
[14]. Man and Society. Foundations of Modern Civilization / Comp. P.A. Belousov. M., 1992
[15]. Man and Nature Management: Collection of Articles / Ed. N.N. Filippovsky. M., 1992.
[16]. Shar Yu. Essays on the Theory of Culture. [Text] / Yu. Shar L., 1989.

..

НАРГИЗА ГАМИСОНΙΑ

Доктор исторических наук, профессор (Грузия)

ВОПРОСЫ РАЗВИТИЯ СРЕДНЕВЕКОВОГО ОБРАЗОВАНИЯ В ЗАПАДНОЙ ЕВРОПЕ РЕЗЮМЕ

Ключевые слова - Воспитание, Школы, Церкви, Возрождение, Монастырские Школы, Искусство, Архитектура.

Существование педагогической традиции в Средневековье, как, впрочем, и в другие исторические периоды, формирование педагогических идей, осуществление образовательного процесса связаны со структурно-функциональным устройством общества, типом социального наследования субъектов образовательного процесса. Педагогика Средневековья имеет характерные особенности, поскольку, во-первых, педагогические традиции данной эпохи незамкнуты во времени, имеют собственное историческое прошлое, устоявшееся в своих влияниях на современную западноевропейскую педагогику. Во-вторых, человек Средневековья самоопределялся не с этнической принадлежностью, а с локальной (деревня, город, семья), а также по конфессиональному признаку, т.е. принадлежностью к служителям церкви или мирянам. Как в образовательном материале, так и в организации специальных учебных заведений происходит синтез реальной действительности с новыми потребностями социума. Идеалом средневекового воспитания является отказ от всесторонне развитой личности эпохи Античности, формирование человека-христианина. Новый идеал воспитания определял основную европейскую педагогическую традицию раннего Средневековья (V—X вв.) — христианскую традицию, которая определяла и образовательную систему эпохи.

ШОХИСТАХОН УЛЬЖАЕВА

Профессор ТИИИМСХ Национального исследовательского университета, доктор исторических наук (Узбекистан)

БАХТИГУЛ МАМАДАМИНОВА

Доцент ТИИИМСХ Национального исследовательского университета, PhD (Узбекистан)

НУРГУЛЬ АБДИРАЗАККЫЗЫ АЛДАБЕК

Кандидат филологических наук, доцент, сотрудник НИИ Абая при КазНУ имени Аль-Фараби (Узбекистан)

ДИПЛОМАТИЧЕСКИЙ ПРОТОКОЛ-ГОСТЕПРИИМСТВО В ИМПЕРИИ АМИРА ТЕМУРА (ПО «ДНЕВНИКУ» РУИ ГОНСАЛЕСА ДЕ КЛАВИХО)

DOI: <https://doi.org/10.52340/isj.2024.27.17>

Аннотация

В данной статье представлены сведения о системе дипломатического протокола в империи Амира Темура, в частности, о культуре гостеприимства во время официальных приемов послов других стран.

Подробная информация об этом в основном упоминается на страницах «Дневнике» посла Испании Руи Гонсалеса Де Клавихо. Детальное изучение этой темы поможет нам лучше понять международные отношения, церемонии дипломатического приема и правила этикета и протокола того времени.

Ключевые слова: *Амир Темура, дипломатия, посол Руи Гонсалес де Клавихо, протокол, гостеприимство.*

До прихода на престол Амира Темура в Мавераннахре просиходила феодальная раздробленность, бушевали междуусобные войны, а народ был унижен. За короткий период времени Амир Темура смог объединить Мавераннахр и превратил его в огромную империю, включавшее в себя двадцать семь стран.

Оно буквально создало единое пространство на Евразийском континенте и построило мост между разными народами, кочевым и оседлым населением.

Амир Темура построил государство, осно-

ванное на законах и обычаях своего времени. Величие государства ярко проявлялось не только в государственном управлении, политике, социальной, экономической, архитектурной и духовной сферах, но и в правилах дипломатического протокола.

Более подробно система дипломатического протокола описана в книге «Дневник путешествия в Самарканд ко двору Тимура (1403-1406)[1]» испанского посла Руи Гонсалеса де Клавихо.

Клавихо отметил, что церемонии дипломатического приема Амира Темура были пышными и грандиозными. Он сообщал о роскошных вечеринках, в великолепных садах, редких шедеврах. Могущество и процветание правления Амира Темура ощущалось и в церемониях дипломатического приема. Дипломатические встречи прошли в легендарных прекрасных садах, заложенных Амиром Темуром. В нем описывалась 104 созданных сценах и большие площади, украшенные вокруг них, где различные мастера и художники выставляли свои работы, устраивались большие парады и зрелища. Здесь представлены различные шоу, театральные сцены, концерты, музыка, песни и игры разных стран. Амир Темура славился своими пышными банкетами, что показывало его власть и статус в то время.

На официальных приемах соблюдались

правила протокола при кормлении высокопоставленных гостей и сервировке стола. Столы богато украшаются вареной, соленой, жареной бараниной. Ели также жареную конину.

На круглый позолоченный кожаный стол положили разное приготовленное мясо, и повара отнесли его в ту сторону, где сидели Амир Темур и послы. На этом мероприятии на кожаном столе было так много мяса, что его оттащили к царю, чтобы стол не порвался.

После того, как слуги, принесшие мясо, остановились шагах в двадцати от эмира, повара, которые раздают мясо гостям оказались на своем месте[2].

Эти люди строго соблюдали правила санитарии и гигиены.

Мясо кусками раскладывали на золотых, серебряных, керамических тарелках и других фарфоровых посудах. Конину подают также в золотой и серебряной посуде. Мясо бараньих бедер, конских почек и бараньих голов разложили по отдельным блюдам и преподнесли гостям.

Много мяса добавляли и во многие другие блюда. Затем следуют тарелки, наполненные супом, которым поливают мясо в качестве начинки.

Уже в то время тонко выпеченный хлеб лочира складывали вчетверо и клали поверх мяса. После этого эти блюда несли два-три человека, состоявшие из царских слуг, мирз и вельмож, и ставили их перед эмиром, послами и чиновниками.

Потому что стол стал тяжелым от обилия мяса, и один человек не мог унести столько мяса. Амир Темур сначала проявил свое уважение к гостю, поставив перед испанскими послами два куска мяса.

Клавихо сказал, что мясо вынули еще до того, как оно было готово и принесли новое[3].

По традиции того времени каждому человеку давали еду, которую взвешивали и отправляли домой. Клавихо сказал, что мяса, которое им давали, было слишком много, и если они захотят отнести его домой, у них может быть полугодовой запас.

После того как приготовленные и жареные блюда были вынесены, вместо них на стол ставили баранину, хасип и другие блюда.

На столе расставлены фрукты, дыни и арбузы. В золотых и серебряных кружках подавали кимиз, приготовленный путем смешивания подслащенного молока с медом.

В то время у соковыжималок тоже была белая ткань, похожая на полотенце, и через эту белую ткань подносили золотые и серебряные чаши, не касаясь их руками.

Испанский посол и турист также дал информацию о том, как его подданные готовили своему правителю подарки в девяти-девяти (түккиз-түккиз) блюдах и проводились церемония подбрасывания монеты. Подарки были приготовлены Шейх Нуриддином, Шохмалик, девять серебряных чаш, наполненных сахаром, изюмом, миндалем, фисташками и другими сладостями, и на них был наброшен кусок шелковой ткани. Мы можем узнать за этими торжествами и описать национальные обычаи того времени.

После приема были вручены подарки, привезенные послами разных стран. Король Клавихо стал свидетелем вручения Его Высочеству трехсот лошадей и многих других подарков. На церемониях приема послы представили самые ценные, редкие и редкие товары своего времени, в том числе лошадей, мулов, верблюдов, чудесных птиц, золотые и серебряные монеты и другие. Среди подарков, присланных королем Испании, правителю больше понравился красный моват.

Эти ткани он раздал Сараймулханым и другим принцессам. Послы хана Тохтамышша преподнесли подарки, состоящие из норки, белой лисицы, мехов и соколов. После торжественной церемонии за послами присматривал специальный чиновник, назначенный правителем.

Ему была поручена задача обеспечить послов всем необходимым. Этот чиновник был главным носильщиком, и он разместил послов в специальном здании недалеко от царской резиденции. Эти земли были очень плодородны-

ми и заболоченными.

На приемах особое внимание также уделяется одежде каждого. В то время как женщины украшали себя драгоценными камнями Малой Азии, ювелиры Исфахана, Молтона, Гянджи, Дамаска, Бурсы и Венеции, мужчины носили оружие и пояса, украшенные редкими камнями. В Кониголе было установлено около 20 000 палаток, а на свадебной церемонии присутствовали представители различных сословий населения, кроме придворных и министров. Клавиго писал, что большое внимание уделялось расстановке палаток в соответствии с положением чиновников, их снаряжением и даже украшениями[4].

По древним традициям послам, посетившим нашу страну, вручались золотые короны и другие ценные подарки.

Фатхи аль-Гувайли, египетский учёный-исследователь, справедливо заявил, что «дипломатические методы, используемые Амиром Темуром в отношениях с лидерами других стран, и некоторые их тонкости достойны глубокого изучения с теоретической и практической точки зрения[5]».

References:

- [1] Ruy Gonzales de Clavijo. Diary of travel to the court of Timur in Samarkand in 1403-1406.
- [2] Ruy Gonzales de Clavijo. Diary of travel to the court of Timur in Samarkand in 1403-1406. Tashkent, Uzbekistan, 2010. -P. 158.
- [3] Ibid...-P. 159.
- [4] Muhammadjonov A.R. Empire of Timur and Timurids. - Tashkent: Science, 1996.- P. 34.
- [5] Fathi al-Ghuwaili. Diplomacy of Amir Temur // Amir Temur and his place in world history: Materials of the international conference. - Tashkent: Uzbekistan, 1996.- P. 108.
- [6] Ibid.

Фатхи аль-Гувайли: «Амир Темур отличается глубоким умом и интеллектом, и эти качества являются важнейшим аспектом и основой дипломата. Амир Темур отправлял своих послов в ту или иную страну, принимал послов других стран, устанавливал дипломатическую переписку с царем и эмирами и еще больше обогащал форму и содержание этой области[6]», - деб ёзади.

Подводя итог, можно сказать, что государственная политика проводилась на одинаково высоком уровне во всех сферах.

Церемонии дипломатического приема в свое время также были организованы на высоком уровне, а традиции садоводства и церемонии дипломатического приема, созданные в период правления Амира Темура, могут быть творчески использованы в становлении сегодняшнего Нового Узбекистана.

Потому что в периода правления Амира Темура и Тимуридов сформировалось и развивалось второе Возрождение и это уникальное наследие и опыт Средневековья могут послужить одной из основ Третьего Возрождения.

SHOKHISTAKHON ULZHAYEVA

Professor of the TIIMSH of the National Research University, Doctor of Historical Sciences (Uzbekistan)

BAKHTIGUL MAMADAMINOVA

Associate Professor of the TIIMSH of the National Research University, PhD (Uzbekistan)

NURGUL ABDIRAZAKKYZY ALDABEK.

Candidate of Philological Sciences, Associate Professor, Employee of the Abay Research Institute at the Al-Farabi Kazakh National University (Uzbekistan)

**DIPLOMATIC PROTOCOL-HOSPITALITY IN THE EMPIRE OF AMIR TEMUR
(ACCORDING TO THE “DIARY” OF RUY GONZALEZ DE CLAVIJO)**

SUMMARY

Key words: Amir Temur, diplomacy, ambassador Ruy Gonzalez de Clavijo, protocol, hospitality.

This article provides information about the system of diplomatic protocol in the empire of Amir Temur about the culture of hospitality during official receptions of ambassadors of other countries.

Detailed information about this is mainly mentioned in the pages of the “Diary” of the Spanish Ambassador Ruy Gonzalez De Clavijo. A detailed study of this topic will help us better understand international relations, diplomatic reception ceremonies, and the rules of etiquette and protocol of the time.

MARINA IZORIA

Doctor of Social Sciences, Sukhumi State University (Georgia)

GEORGIA AND AZERBAIJAN - GEOPOLITICAL ALLIES

DOI: <https://doi.org/10.52340/isj.2024.27.18>

Introduction. Georgian-Azerbaijani relations are one of the key factors influencing regional politics and security issues in the South Caucasus. They seriously affect energy trade, including the transport and transit sector - a priority area of cooperation between Baku and Tbilisi - and are reflected in the general situation in the region. In this regard, it is necessary to mention first of all the Baku-Supsa and Baku-Tbilisi-Ceyhan oil pipelines, the Baku-Tbilisi-Erzurum gas pipeline and the Kars-Akhalkalaki railway.

Our peoples are united by centuries-old good-neighborliness, mutual respect and friendly relations. Relations between our countries have reached the level of strategic partnership today. Georgian-Azerbaijani relations are developing in all spheres, be it politics, economics, energy, transport, culture, education, military and other spheres.

Keywords: *Azerbaijan, Georgia, cooperation, Geopolitical union, Strategic partnership*

After the restoration of state independence, the Republic of Azerbaijan began to pay great attention to the establishment and development of relations with neighboring Georgia in its foreign policy. It should be noted that the length of the state border between the two countries is 480 km. Even before the collapse of the USSR, the Supreme Council of the Republic of Azerbaijan in an appeal adopted on October 30, 1991 expressed confidence that Georgia would take an active part in the creation of a united and prosperous Caucasian home. On the same day, a statement was adopted recognizing the state independence of Georgia. ⁷ Thus, the first measures were taken in the direction of developing interstate relations. On December 16, 1991, the Parliament of the Republic of Azerbaijan approved the agreement on friendship, cooperation and

good-neighborliness with Georgia submitted by the President of the country.

During this period, the internal political situation in Georgia worsened: the country was on the brink of civil war. This situation did not correspond to the interests of the Republic of Azerbaijan. Therefore, on December 25, the Supreme Council adopted an appeal to the Georgian people. This document expressed hope that the Georgian people, in the name of their peaceful and happy future, would achieve unity and solidarity through dialogue. Azerbaijan declared its readiness to mediate in achieving a national truce in Georgia. However, establishing stability in Georgia turned out to be a difficult process.

On November 18, 1992, diplomatic relations were established between the Republic of Azerbaijan and Georgia. This marked the beginning of a new stage in the relations between these countries. A number of factors contributed to the establishment and successful development of relations, which was quite natural. First of all, these countries were neighbors, i.e. they were close geographically. Georgia was a window to Europe for Azerbaijan, and Azerbaijan, in turn, was a window to Asia for Georgia. For a long time in their history, the territories of both countries were part of Tsarist Russia, and then the USSR. The cultures of both peoples are close. The relations between Azerbaijan and Georgia, established in accordance with international norms and based on a balance of interests, were not directed against one or a group of countries. The uniqueness of the relations between Azerbaijan and Georgia was determined by historically established, modern and promising cooperation. Both countries and their peoples were united by historical traditions, political and geographical borders, and good neighborliness. The state independence of Georgia acquired great importance for Azerbaijan. Certain forces in neighboring Armenia exerted pressure

on Georgia and made territorial claims against it. An Armenian battalion fought against Georgia in Abkhazia. Armenian separatism was growing in Georgia itself. For Georgia, cooperation with Azerbaijan was one of the factors stimulating its socio-economic development. Georgian government and political figures clearly indicated that the successful implementation of political and economic reforms in their country was impossible without the support of Azerbaijan. One cannot ignore the fact that over half a million Azerbaijanis lived in Georgia, and Georgians lived in Azerbaijan. They influenced the state of relations between the countries.

On January 27, 1993, a decision was made to establish an embassy of the Republic of Azerbaijan in Tbilisi. This decision gave impetus to a qualitative improvement in relations.

With the election of Eduard Shevardnadze to the post of chairman of parliament, the Georgian leadership began to pay special attention to relations with Azerbaijan. In February 1993, Eduard Shevardnadze visited Azerbaijan. During the visit, the most important issues of bilateral relations were discussed. As a result of the negotiations, a document on cooperation between the parliaments of the two countries was signed. On February 3, a treaty on friendship, cooperation and mutual security was signed. The treaty was ratified by the Azerbaijani parliament on April 21. The period that has begun in the relations between the countries should be characterized as initial, as a period of formation.

Transition to a qualitatively new stage in relations. A qualitatively new stage in relations between the two countries began in mid-1993. In Azerbaijan, this was facilitated by Heydar Aliyev, who came to power. By this time, problems had accumulated between the two countries, caused by the collapse of the USSR and subsequent events in the region. They needed to be resolved taking into account the interests of both countries. For this purpose, in 1994, a delegation headed by Georgian Prime Minister Otar Patsatsia visited Azerbaijan. During the Azerbaijani-Georgian negotiations, issues of economic, political and

cultural cooperation were discussed. The parties agreed to expand mutual relations. Georgia began to pay more attention to relations with Azerbaijan. In February 1995, the Georgian embassy was opened in Baku. In the same year, Chairman of the Georgian Parliament Vakhtang Gogvadze, First Deputy Prime Minister Zviad Kervalashvili, Chairman of the Parliamentary Committee on Human Rights and Interethnic Relations Sandro Kavsadze visited Azerbaijan, and problems of a bilateral and regional nature were discussed. On April 15, an agreement on cooperation and interaction was signed between the Ministry of National Security of the Republic of Azerbaijan and the State Security Service of Georgia. These measures opened up new opportunities for the development of relations and created conditions for holding high-level meetings. Finally, a turning point occurred in bilateral relations. In March 1996, the President of the Republic of Azerbaijan visited Georgia. The main goal of the visit was to strengthen and develop friendly relations, to get acquainted with the situation of Azerbaijanis living in Georgia and to provide them with assistance. At the same time, Azerbaijan began to seek the transportation of Caspian export oil through Georgia. Discussion of this problem was necessary. Azerbaijan paid special attention to Georgia for several reasons. As stated above, Georgia was a neighboring and friendly state for Azerbaijan. There were close historical ties between the two countries. Azerbaijanis lived in this country, for whom Georgia was their homeland, their ancestors lived on these lands, their historical roots were there. At the meeting of state leaders, an exchange of views on bilateral relations, on regional and international issues was held. The talks revealed the unity of views of both sides on the issues under discussion. As a result of the visit, a treaty on friendship, cooperation and strengthening of bilateral security consisting of 22 articles was signed. Thus, the treaty on friendship, cooperation and mutual security signed between these countries on February 3, 1993, lost its force. The new treaty gave a more qualitative character to Azerbaijani-Georgian relations.

The leaders of both countries also signed the «Declaration on Peace, Stability and Security in the Caucasus Region». This was the first significant document on this issue. Its significance was largely determined by the situation in the Caucasus, where destabilization and many unresolved conflicts reigned. The leaders of the two states believed it was necessary to make efforts to achieve peace, stability and cooperation in the region. The document they signed opened up opportunities for regional cooperation. It consolidated the provisions of the declaration signed in 1996 in Kislovodsk between the presidents of Azerbaijan, Russia, Georgia and Armenia on the establishment of peace in the Caucasus. During the visit, a document was signed on the transportation of Azerbaijani oil to the Black Sea through Georgia. The proposed oil pipeline corresponded to the economic interests of both countries; it served the interests of friendship and cooperation. According to President Heydar Aliyev, there was no loser from the decision to build the oil pipeline; everyone only benefited. This decision was historic. The Azerbaijani president delivered a speech at a special session of the Georgian parliament. He reminded the parliamentarians of the history of friendly relations between the peoples of the two countries, noted that on May 28, 1918, it was in Tbilisi that the Azerbaijan Democratic Republic was proclaimed. In his speech, he spoke about the difficulties that Azerbaijan faced after restoring independence, the consequences of Armenian aggression and efforts to resolve the conflict. He also recalled that when discussing the Abkhaz issue at the CIS meetings, he was the first to support Eduard Shevardnadze. Heydar Aliyev noted the importance of the signed documents, and especially the document on the transportation of Azerbaijani oil to the Black Sea coast through the territory of Georgia. During the visit, the Azerbaijani embassy in Georgia was opened, and Gajan Gadzhiyev became the first ambassador of Azerbaijan to Georgia. A monument to the Prime Minister of the Azerbaijan Democratic Republic Fatali Khan Khoyski, who was killed on June 19, 1920 in Tbilisi by an Armenian terrorist, was unveiled. Heydar Aliyev

delivered a speech at the opening of the monument. Then he met with Muslim Azerbaijanis in the Juma Mosque and inquired about their concerns. Focusing on the problem of oil transportation, he said: “Natural gas produced in Azerbaijan was first delivered to Georgia in 1959, and a gas flare was lit in Tbilisi for the first time. Today, when our states have become independent, by making a decision to transport oil produced from the rich oil fields of Azerbaijan through Georgia and building a large oil pipeline, we are further strengthening the friendship and brotherly relations between our peoples.” On March 9, President Heydar Aliyev met with representatives of Azerbaijanis living in Georgia at the State Academic Opera and Ballet Theater in Tbilisi. Georgian President Eduard Shevardnadze also attended the meeting. Both the issues raised in the speeches of Azerbaijani activists and their reaction to the leader’s historic speech and what he said in that speech had great meaning and significance. Having recalled in his speech the history of friendship between the two peoples, the Azerbaijani President pointed to the fact of violation of the territorial integrity of Azerbaijan and Georgia, the military aggression of Armenia, reported on the efforts undertaken for a peaceful settlement of the conflict, and proposed to establish closer relations. The visit of the President of Azerbaijan to Georgia was of great historical significance. The negotiations and discussions were productive. The signed documents launched a new stage in the relations between these countries. The visit became a natural continuation of the relations between the Azerbaijani and Georgian peoples. Both sides sought to develop relations. This can be demonstrated by the significant visit of the President of Georgia Eduard Shevardnadze to Azerbaijan on April 18, 1997. The parties hoped that the visit would become another new stage in the relations, lead to further development of cooperation, strengthening of friendship and brotherhood between the countries. The issues of deepening relations, economic cooperation, conflict resolution in the region, primarily in the territories of Georgia and Azerbaijan, were discussed at the negotiations. The heads of state

emphasized the importance of establishing stability in the region.

It should be noted that by this time 32 documents on bilateral relations had already been signed. Thus, the number of documents signed between Azerbaijan and Georgia reached 54. The documents concerned relations in the political, economic, cultural and humanitarian spheres. Of great importance was the declaration on the further development of strategic partnership, consisting of 15 articles. According to the President of Azerbaijan, the document met the national interests of both countries and their peoples. An agreement on cooperation in the oil and gas industry was signed between Azerbaijan and Georgia. The agreement provided for mutual cooperation in the development of hydrocarbon deposits and the transportation of these types of raw materials. This document was of great importance for the cooperation of the two countries in the matter of bringing energy resources to world markets. Intergovernmental agreements on cooperation in the field of culture and border issues were also signed. The visit was of great importance. First of all, the signed documents strengthened the foundations of bilateral relations. The unity of positions on bilateral and regional issues, cooperation on the problem of transportation of energy resources contributed to the strategic alliance of the two countries. After this event, both sides continued to work on strengthening the legal framework of relations. In this direction, on March 8, an agreement on strengthening friendship, cooperation and mutual security was signed in Tbilisi. On May 13, an agreement on regulating freight transportation was signed between Azerbaijan, Georgia, Turkmenistan and Uzbekistan. Already at that time, Azerbaijan and Georgia, busy with the issue of energy transportation, were in the center of attention of the entire world. Some countries began to put pressure on Georgia. At that difficult time, Georgia needed political and diplomatic support. In this regard, on January 24, 1998, the President of Azerbaijan made a business visit to Georgia. The visit was timed to coincide with the 70th anniversary of E.

Shevardnadze. The leaders of the two countries exchanged views on a range of issues, including the relations between their countries. At the meeting, E. Shevardnadze told the President of Azerbaijan: «Your wise policy has played a major role ... in strengthening the historical friendly relations between our peoples and in the constantly developing cooperation between Azerbaijan and Georgia.» In resolving international and regional issues, Azerbaijan and Georgia were guided by the norms of international law and supported the policy of peace. They spoke from a single position in the CIS and international organizations. In previous years, both countries had experienced many difficulties. In his speech at the celebration of E. Shevardnadze's 70th birthday, Heydar Aliyev spoke about the friendship between their peoples, support in restoring Georgia's territorial integrity, and a qualitatively new level of relations between the two countries after the restoration of independence, which he was very happy about. Agreements on the transportation of oil produced in the Azerbaijani sector of the Caspian Sea through Georgia displeased Russia. In February 1998, an attempt was made on E. Shevardnadze's life. Only chance helped him stay alive. Attempts at such assassinations did not affect Georgia's political course. Azerbaijan's support also played a major role in this.

In April 1999, a major event in the history of the two countries and the entire region took place. The land terminal in Supsa and the Varna-Poti-Batumi ferry route were opened, ensuring the export of oil produced in the Azerbaijani sector of the Caspian to the West. President Heydar Aliyev participated in the opening ceremony. As Georgian researcher Vladimir Papava wrote, the foundations of the economic partnership between Georgia and Azerbaijan, after the restoration of their independence, were laid by the construction of the Baku-Supsa and Baku-Tbilisi-Ceyhan oil pipelines, as well as the construction of the South Caucasus Pipeline for pumping gas produced at the Shah Deniz field. As is known, despite the fact that the documents on the construction of the BTC oil pipeline were signed, the issue of transit tariffs

remained unresolved. Georgia put forward certain conditions, insisted on high transit tariffs. From an economic point of view, these conditions were unacceptable. Meetings of delegations of both countries were held to resolve the issue. A visit to Georgia was also made by Valeh Askerov, who supervised this issue at SOCAR. The Azerbaijani side tried to sign a commercial agreement on the construction of the pipeline as quickly as possible. Delays in the construction of the pipeline did not meet the interests of any state participating in the project. The solution to this issue became a requirement of that time. Therefore, on March 22-23, 2000, the President of the Republic of Azerbaijan Heydar Aliyev made an official visit to Georgia. The program of the visit included discussions of various issues on relations in the political and economic spheres.

The Department of Azerbaijani Language and Literature was opened at the Faculty of Foreign Languages of the Ilia Chavchavadze Tbilisi State Pedagogical University. Once a week, a half-hour program was broadcast in Azerbaijani. Under state tutelage, the weekly newspaper «Gurjustan» in Azerbaijani was published. In cities and regional centers of compact settlement of Azerbaijanis, newspapers in their native language began to be freely published. In Tbilisi, there was a Cultural Center of Azerbaijanis, as well as the house museums of M. F. Akhundov, J. Mamedguluzade, N. Narimanov. In 1997, a department for Azerbaijan was opened under the Union of Writers of Georgia. The President of Georgia signed a decree on the restoration of the Azerbaijan Drama Theater in Tbilisi and on the allocation of 10 places at the Tbilisi University of Theater and Cinema for the training of Azerbaijanis. All this had a serious impact on the relations between the two countries. The visit began with a one-on-one meeting of government leaders. For two hours, the presidents discussed in detail the issue of oil transit tariffs through Georgia. The presidents agreed to sign commercial agreements and submit these documents to their parliaments in April-May for ratification. This was the most important of the resolved issues. Both countries were interested in the comprehensive

development and deepening of the Trans-Caspian cooperation process in transporting energy resources to international markets. An exchange of views on the development of political, economic and social processes in these countries also took place. At the same time, the presidents discussed issues of further development and deepening of bilateral cooperation and current regional and international issues of mutual interest. Everything testified to the high level of bilateral relations based on strategic partnership. The parties demonstrated mutual interest in creating independent, sovereign, democratic Azerbaijan and Georgia in accordance with international law, as well as in developing a qualitatively new level of interstate relations in the 21st century. They believed that strengthening cooperation between their countries was of great importance for promoting the implementation of the historical law of creating a Europe without dividing borders in the 21st century, ensuring the foundations of stability in the region in the realities of new international conditions and the process of forming a new security system. Compliance with the principles of state sovereignty, legal equality, territorial integrity, inviolability of borders, non-interference in each other's internal affairs, peaceful resolution of disputes, as well as other generally recognized norms and principles of international law could ensure peace and security in the South Caucasus region. Discussion of security issues in this region was of great importance for Azerbaijan and Georgia. This was explained primarily by the fact that militant separatist forces were operating in both countries. Therefore, it was extremely important for both countries to maintain and strengthen political stability. The state leaders of Azerbaijan and Georgia condemned acts of aggression aimed at forcibly changing the internationally recognized borders of the countries of the region, creating a threat to their security and territorial integrity, human rights and fundamental freedoms, the principles of democracy and universal values, all forms of militant separatism and terrorism. Azerbaijan and Georgia have demonstrated their will to fight these threats together. It should be noted that

the documents previously signed between the two countries – the Treaty on Strengthening Friendship, Cooperation and Mutual Security of March 8, 1996, the Declaration on Peace, Security and Cooperation in the Caucasus Region of March 8, 1996, the Declaration on Further Deepening the Strategic Partnership between the Republic of Azerbaijan and Georgia of February 18, 1997 – laid the foundations for relations between the two countries. All this created the necessary conditions for the preparation of a fundamental document aimed at ensuring peace and security in the South Caucasus region. From this point of view, the proposal put forward at the OSCE Summit in Istanbul on the Security and Cooperation Pact in the South Caucasus and the results of this meeting were significant. The Charter on European Security and other documents adopted at this meeting, providing for the strengthening of security and stability in Europe in the 21st century, were of great importance. Azerbaijan and Georgia intended to continue to cooperate in the UN, OSCE, Euro-Atlantic Cooperation Council, Council of Europe, CIS and other international organizations and forums.

The effectiveness of the new European security structure depended, first of all, on the proper implementation of the commitments undertaken by all states, on the development of mechanisms for interaction between the OSCE, the Council of Europe, the Euro-Atlantic Cooperation Council, the European Union, NATO, and the UN. The Presidents of Azerbaijan and Georgia expressed their support for the earliest possible implementation of the UN and OSCE documents on the conflicts in Nagorno-Karabakh and Abkhazia. They were confident that these conflicts should be resolved based on respect for and observance of the sovereignty of states, their territorial integrity, and the inviolability of borders. This provided reliable guarantees for ensuring peace, stability, and trust between the states of the South Caucasus. Of utmost importance was the implementation of joint effective measures to accelerate the full-scale operation of the Eurasian Transport Corridor, restore the Great Silk Road, and implement the

TRACECA programs. The leaders of the two states emphasized the importance of delimitation and demarcation of interstate borders and the need to continue the work of state commissions. The parties expressed their determination to implement measures to promote the development of mutually beneficial cooperation in all areas of the economy, as well as to ensure favorable conditions for this. Of great importance was the observance of the rights and protection of the interests of Azerbaijanis living in Georgia and Georgians living in Azerbaijan. The presidents of the countries considered care for them as an important part of their state policy. Heydar Aliyev reported on the acceptable conditions created for the cultural development of Georgians living in Azerbaijan. Eduard Shevardnadze pointed out the existence of «broad opportunities and prospects in relations based on sincere friendship, good neighborliness and strategic partnership.» Then the negotiations of the delegations continued in a broader format, all aspects of relations between the two countries were discussed and the will to deepen cooperation was expressed. Upon completion of the negotiations, a signing ceremony was held. A statement of the two leaders was adopted. Speaking after the signing ceremony, Heydar Aliyev and Eduard Shevardnadze highly appreciated the negotiations. On March 22, Heydar Aliyev met with representatives of the Georgian public. He awarded Eduard Shevardnadze with the highest award of the Republic of Azerbaijan – the Istiglal (Independence) Order. The award was presented for significant contribution to the emergence and strengthening of friendship between the Azerbaijani and Georgian peoples, for efforts to develop relations into strategic partnership. The award ceremony took place on the eve of the presidential elections in Georgia scheduled for April 8, and this was very meaningful. In all his speeches in Georgia, the Azerbaijani leader openly supported the election of Eduard Shevardnadze for a second presidential term. During the visit, Heydar Aliyev met with members of the Georgian parliament. In his speech to the parliamentarians, he pointed out the importance of inter-parliamentary cooperation.

This visit, which was of great importance, had a positive impact on the development of bilateral relations. Cooperation became even stronger. On August 15, 2001, Georgian Foreign Minister Irakli Menagarashvili arrived in Baku. The purpose of his visit was to prepare and discuss issues related to the upcoming visit of Eduard Shevardnadze to Azerbaijan. He was received by Heydar Aliyev, who outlined the prospects for the development of relations between the two countries.

During the preparation of Eduard Shevardnadze's visit, events that shook the entire world took place. On September 11, 2001, terrorist attacks were committed in the United States. They also had an impact on Azerbaijani-Georgian relations. A few days after these events, on September 29, Eduard Shevardnadze's official visit to Azerbaijan began. At a joint meeting, both state leaders condemned the terrorist attacks committed in the United States. They noted the great importance of the ongoing TRACECA program, the restoration of the Great Silk Road, the export of energy resources produced in the Azerbaijani sector of the Caspian Sea to world markets, and in this regard, the implementation of the BTC main export oil pipeline and the Baku-Tbilisi-Erzurum gas pipeline project, and an exchange of views on the peaceful settlement of conflicts in the South Caucasus and ensuring security in the region took place. Then, at a meeting of the delegations in full force, the parties discussed bilateral, regional and international issues of mutual interest. Relations between the countries rested on a solid foundation. The heads of state declared their readiness to take an active part in the discussion of efforts in the fight against terrorism and condemned the terrorist attacks in the United States. They also noted the inadmissibility of document substitution, the need to resolve conflicts within the UN and OSCE, and the exceptional importance of the full-scale operation of the Europe-Asia transport corridor. Delimitation and demarcation of the border between Azerbaijan and Georgia were also of great importance. Therefore, the state leaders believed that the work of the relevant commissions should be continued. The issue of the situation of Azerbaijanis in Georgia and Georgians in Azerbaijan was discussed, the protection of

their rights and freedoms, and care for them were recognized as an important area of state policy in their countries. Issues of strengthening economic cooperation were also discussed. In this regard, the construction of oil and gas pipelines was of great importance. Following the talks, a ceremony of signing bilateral documents was held. An agreement was signed on the transit, transportation and sale of natural gas in the territory of Georgia and the Republic of Azerbaijan and beyond through the South Caucasus Pipeline System. The heads of state signed a joint statement. The visit of the President of Georgia to Azerbaijan was of great importance. The negotiations were held in an atmosphere of mutual understanding. The documents contributed to the integration of Azerbaijan and Georgia with Western countries. The programs that were implemented were of great importance from the economic and social points of view and were aimed at resolving problems and were important for strengthening independence. Cooperation between the two countries also began to strengthen in other areas. In particular, on March 26, 2002, the Chairman of the State Border Protection Department Valeri Chkheidze visited Azerbaijan. During the visit, three documents were signed. These documents were supposed to facilitate the transition of the population of the border regions to both sides. Defense Minister David Tevzadze, who arrived in Baku on April 11, held talks on regional security issues, including the parties' capabilities to create stability in the region, as well as the security of the pipeline passing through the territory of Azerbaijan and Georgia. The defense ministries were entrusted with the protection of this pipeline.

This was one of the arguments for military cooperation. Military cooperation also included airspace control and exchange of experience in personnel training. The issue of training Georgian officers in Azerbaijan was also discussed. David Tevzadze was received by Azerbaijani President Heydar Aliyev. The importance of strengthening military relations was emphasized at the meeting. It was previously noted that regional security issues occupied an important place in relations between the two countries. Thus, at the meeting in Trabzon on April 29-30, 2002, the presidents of Azerbaijan, Turkey and Georgia had two main tasks: expanding cooperation and strengthening security.

The agreement between Turkey, Azerbaijan and Georgia on combating terrorism, organized crime, smuggling, and ensuring the security of oil and gas pipeline routes, signed on April 30 as a result of the meeting, met the goal of ensuring peace and security. The heads of state adopted a statement on the results of the meeting. The meeting and the signed documents were of great importance. Thus, the presidents of Azerbaijan, Turkey and Georgia laid the foundation for joint cooperation in the fight against terrorism, organized crime and smuggling. At the same time, they demonstrated their full determination regarding the main export oil pipeline BTC. Shortly after, on December 16, 2002, the Defense Ministers of Azerbaijan and Georgia signed a 12-article agreement on military cooperation. The parties agreed to cooperate in the field of military development, military-economic, military-scientific, military-legal activities; in military training and retraining of personnel, military-technical assistance to the development of air defense enterprises, in the development, production, supply, operation, modernization and repair of weapons and military equipment; on cooperation within the framework of NATO's Partnership for Peace program and within the framework of GUUAM in the fight against international terrorism, in holding bilateral and multilateral exercises to protect oil and gas pipelines and in other areas. In general, in 1991-2003 Among the issues discussed between the two countries were the export of Azerbaijani oil and gas to world markets through Georgia, security, the fight against terrorism, economic, scientific, technical, cultural and humanitarian cooperation. During these years, having gone through a difficult and contradictory path of development, the relationship was raised to the level of a strategic ally.

In 2009, the Consulate General of Azerbaijan was opened in the Georgian city of Batumi, and in 2013 - the Consulate General of Georgia in the city of Ganja.

There is active cooperation between our countries at the parliamentary level. Both countries have friendship groups and working groups in their legislative bodies. Last year, the Chairman of the Milli Majlis Sahiba Gafarova made an official visit to Georgia. And the Chairman of the Georgian

Parliament Sh. Papuashvili visited our country in May of this year to participate in a special meeting dedicated to the 100th anniversary of the national leader Heydar Aliyev.

Azerbaijan and Georgia have experience of mutual support for each other within the framework of international organizations. During the voting at the UN General Assembly sessions held on September 3, 2020, June 17, 2021 and June 8, 2022, on the resolution «On the situation of internally displaced persons and refugees from Abkhazia (Georgia) and South Ossetia (Georgia)», Azerbaijan supported the adoption of this document.

Our countries regularly conduct visits of high-ranking officials, which is a clear indication of the high level of bilateral relations.

Relations between Azerbaijan and Georgia in the economic sphere are also at a high level. The Joint Intergovernmental Commission on Economic Cooperation has been operating since 2004. The commission holds regular meetings, the last one was held in Tbilisi on December 15 last year.

In 2022, the trade turnover between the two countries amounted to 771 million US dollars, and the bilateral trade balance was positive for Azerbaijan in the amount of 500 million US dollars. In January-August of this year, bilateral trade turnover exceeded 612.87 million US dollars, and the positive balance of bilateral trade amounted to 444 million US dollars.

There are 815 commercial entities with Georgian capital registered in Azerbaijan, 533 of which are active. In total, Georgia has invested 279 million US dollars in Azerbaijan, while Azerbaijan has invested 3.4 billion US dollars in Georgia.

The location of both countries on the historic Silk Road and the implementation of large-scale joint energy and transport projects have increased the volume of cargo flow through our region many times over.

The implementation of large-scale global energy and transport and communications projects (Baku-Tbilisi-Ceyhan oil pipeline, Baku-Tbilisi-Erzurum gas pipeline, Baku-Tbilisi-Kars railway, etc.) within the framework of successful regional

cooperation between Azerbaijan and Georgia contributes to regional peace and stability.

Considering the relations between the two countries, cooperation in the humanitarian sphere should be especially emphasized. Speaking about cooperation in this area, it is necessary to especially note the numerous projects implemented in Georgia by the Heydar Aliyev Foundation. There is a street and park named after Heydar Aliyev in Tbilisi, and a monument to the national leader has been erected. This once again shows the great importance the great leader attached to relations with Georgia. The national leader described the relations between the peoples of the two countries as follows: «The Azerbaijani and Georgian

peoples are happy to be neighbors. Our ancestors established these contacts, and today it is our duty to develop this cooperation and pass it on to future generations.» Georgia also has the Heydar Aliyev Tbilisi State Professional Azerbaijani Drama Theater, the ERA Theater, and the recently created Beez Children's Theater. As mentioned above, Tbilisi also has the M.F. Akhundzade Museum of Azerbaijani Culture. This museum unites the house museums of M.F. Akhundzade, J. Mammadguluzade, and N. Narimanov. Azerbaijan and Georgia are strategic partners. This creates an opportunity for developing cooperation and further strengthening ties in all areas.

Литература:

- [1]. Муса Гасымли. АЗЕРБАЙДЖАНО-ГРУЗИНСКОЕ ОТНОШЕНИЯ: ИСТОРИЯ И СОВРЕМЕННОСТЬ (1918-2003 ГГ.) / AZERBAIJAN-GEORGIA RELATIONS: HISTORY AND PRESENT (1918-2003)- <https://www.researchgate.net/publication/>
- [2]. Омар Ардашелия. Грузино-азербайджанское стратегическое партнерство История и современность. Тб 2018.
- [3] Гурам Мархулия.. Столица Армении – Азербайджанский город Иреван. <https://1905.az/ru>
- [4]. Натеван Мамедова. Грузино-азербайджанское экономическое сотрудничество. Тб. 2010

МАРИНА ИЗОРИЯ

Доктор социальных наук, ассистент профессор Сухумского Государственного университета (Грузия)

ГРУЗИЯ И АЗЕРБАЙДЖАН - ГЕОПОЛИТИЧЕСКИЕ СОЮЗНИКИ

Резюме

Грузино-азербайджанские отношения — один из ключевых факторов, влияющих на региональную политику и проблемы безопасности на Южном Кавказе. Они серьезно воздействуют на торговлю энергоресурсами, в том числе на транспортно-транзитную сферу — приоритетную сферу сотрудничества между Баку и Тбилиси — и отражаются на общей ситуации в регионе. В этой связи следует упомянуть прежде всего о нефтепроводах Баку — Супса и Баку — Тбилиси — Джейхан, о газопроводе Баку — Тбилиси — Эрзерум и железная дорога Карс — Ахалкалаки.

Наши народы объединяют многовековые добрососедство, взаимоуважение и дружеские отношения. Отношения между нашими странами сегодня достигли уровня стратегического партнерства. Грузино-азербайджанские отношения развиваются во всех сферах, будь то политика, экономика, энергетика, транспорт, культура, образование, военная и другие сферы.

Ключевые слова - Азербайджан, Грузия, сотрудничество, Геополитический союз, Стратегическое партнерство

GEOPOLITICS - ГЕОПОЛИТИКА

ELGUJA KAVTARADZE

Doctor of Political Science, Professor of Sukhumi State University (Georgia)

FAKE GEOPOLITICS OF RUSSIA IN UKRAINE

DOI:<https://doi.org/10.52340/isj.2024.27.19>

Introduction. The article examines the war of Russia in Ukraine as a complex, multifaceted and multifactorial phenomenon, analyzes the reasons why representatives of the Russian academic circles practically «did not notice» this war, which in fact became a resounding failure of the academic culture of Russian society. It is clear that the academic science of Russia has also joined the policy of great power, we are observing and encountering the absolute inhumanity of the country, which as its main «export product» has always represented «special spirituality» or «special culture». And this country demonstrated military and political inhumanity in Georgia, and now in Ukraine it represents its national essence, revealing virtually all forms of inhumanity that were overcome thousands of years ago.

The world community did not see the tragedy of the Georgian people in Abkhazia and in the North. Kartli (the so-called South Ossetia), this silence led to Bucha and other Ukrainian cities wiped off the face of the earth by the war, this is a crime against humanity, and silence is a form of solidarity with evil.

Keywords – *Ukraine, culture, international relations, Conflicts, NATO, European Union.*

The Russian war in Ukraine is the most explosive conflict in Europe since 1945. Many in the West believe that this is a “war of choice” started by Russian President Vladimir Putin, but he himself claims that NATO’s decision in 2008 on Ukraine’s future membership in the bloc created an existential threat on the Russian border. And some see the origins of this conflict in the events of the end of the Cold War and the West’s inability to adequately support Russia after the collapse of the USSR. How to determine the causes of this war, which may last for many years?

The First World War began more than a hundred years ago, but historians still write books arguing about its causes. Did it start because a Serbian terrorist assassinated an Austrian archduke in 1914, or did it have more to do with the rivalry between a rising Germany and Britain, or with the rise of nationalism across Europe? The answer is, “all of the above and more.” But war was not inevitable until it actually began in August 1914; and even then, the four years of carnage that followed were not inevitable.

To understand this better, it is useful to distinguish between deep, intermediate, and immediate causes. Think of a fire: laying down the wood is a deep cause; adding incendiary mixtures and paper is an intermediate cause; striking a match is an immediate cause. Even then, however, a blazing fire is not inevitable. A strong wind can blow out the match, or a sudden rainstorm can soak the wood. Historian Christopher Clark, in his book on the causes of World War I, *The Sleepwalkers*, notes that in 1914, “the future was still open—absolutely.” The main cause of this catastrophe was bad government decisions. There is no doubt that in the case of Ukraine, Putin lit the match when he ordered Russian soldiers to invade the country on February 24. Like the leaders of the great powers in 1914, he probably thought it would be a short, precision war with a quick victory, like the Soviet Union’s capture of Budapest in 1956 or Prague in 1968. Paratroopers would take the airport, and advancing tanks would occupy Kyiv, ousting Ukrainian President Volodymyr Zelensky and installing a puppet government. Putin told the Russian people that he was conducting a “special military operation” to “denazify” Ukraine and prevent NATO from expanding to Russia’s borders. But since he was so wrong in his calculations, we must ask what he was really thinking. We know from Putin’s own writings, and from biographers like Philip Short,

that the intervening cause was a refusal to regard Ukraine as a legitimate state. Putin regrets the collapse of the USSR, which he served as a KGB officer, and considers Ukraine a fictitious state, in part because of the strong cultural affinity between Ukraine and Russia. Ukraine has also been “ungrateful”: it offended Russia with its 2014 Maidan uprising that toppled a pro-Russian government, and it has deepened trade relations with the European Union.

Putin wants to restore what he calls the “Russian World” and is thinking about his historical legacy as he approaches his 70th birthday. Previous leaders, such as Peter the Great, expanded Russia’s power. With Western sanctions weak after Russia invaded Ukraine and annexed Crimea in 2014, Putin clearly wondered: why not go even further?

The prospect of NATO expansion was a lesser interim reason. Although the West created the NATO-Russia Council, which allowed Russian military officers to attend some NATO meetings, Russia expected more from the relationship. In the early 1990s, US Secretary of State James Baker told his Russian counterpart that NATO would not expand, but historians have shown that Baker quickly retracted those verbal assurances, which were never backed up by a written agreement.

When US President Bill Clinton discussed the issue with Russian President Boris Yeltsin in the 1990s, there was grudging Russian agreement to some NATO expansion, but the two sides had different expectations. NATO’s decision at the 2008 Bucharest summit to include Ukraine (and Georgia) as potential future members only confirmed Putin’s worst fears about the West.

And yet, while NATO’s 2008 decision may have been wrong, it was preceded by a change in Putin’s own approach. He had been supportive of the US since the September 11, 2001, attacks, but, as his speech at the Munich Security Conference in 2007 shows, he had become increasingly hostile to the West even before the Bucharest summit. That is why the possibility of NATO expansion was only one of several interim reasons, and its importance was weakened after the Bucharest summit by the announcements of France and Germany that they would veto Ukraine’s membership in NATO. There were more distant or deeper reasons behind all this, which arose after

the end of the Cold War. Initially, there was much optimism, both in Russia and in the West, that the collapse of the USSR would allow democracy and a market economy to flourish in Russia. In the early years, Clinton and Yeltsin made serious efforts to develop good relations. But although the United States provided loans and economic aid to the government of Russian Prime Minister Yegor Gaidar, Russians expected much more.

After seventy years of a planned economy, suddenly becoming a prosperous country with a market economy was impossible. Attempts to decisively implement such rapid changes could not help but lead to colossal irregularities, corruption and extreme inequality. Some oligarchs and politicians became incredibly rich thanks to the rapid privatization of state assets, but the standard of living for most Russians declined.

In February 1997, in Davos, Nizhny Novgorod Governor Boris Nemtsov said that in Russia no one pays taxes and the government delays the payment of salaries. The following September, liberal MP Grigory Yavlinsky told a Harvard Kennedy School dinner that “Russia is totally corrupt and Yeltsin has no ideas.” Yeltsin, in failing health, was unable to cope with the political consequences of the worsening economic situation; he turned to the then little-known Putin, a former KGB agent, to help him restore order.

None of this means that the Ukrainian war was inevitable. But it was becoming increasingly likely. On February 24, 2022, Putin miscalculated and lit the match that started the conflagration.

The war in Ukraine has been virtually “ignored” by Russian academics, a de facto resounding failure of the academic culture of Russian society. Even more tragic is that it does not even pretend to be of great public significance. Therefore, we believe that human dignity as understood in Russia is in strong contradiction with the way human dignity is understood by the patristic Christian tradition. In the ongoing attack on Ukraine, one can see historical parallels with the humanitarian catastrophes of the first half of the 20th century: forced deportation, filtration camps for Ukrainians, genocide, mass extermination of prisoners, “reforging of consciousness” by propaganda, and so on.

If history is cyclical, why is there no work on

historical mistakes? Why does culture not instill immunity against outbreaks of dehumanization, does not develop reliable mechanisms to prevent violence? How can we explain that some prominent intellectuals of the era again and again fail to notice obvious crimes against humanity and even try to justify their necessity? Why does the experience of war cause the experience of dumbness or a slide into obscene vocabulary. Is the experience of historical trauma accessible to a person who has not experienced it? Why is the creativity of witnesses necessary and how to correctly bear witness to war?

We are faced with the inhumanity of a country that has always presented a “special spirituality” as its main “export product”.

What is happening in Ukraine today is the final collapse of the Enlightenment project. After the Second World War, Postmodernism still retained the belief that culture is a supernatural environment that produces the human in man, and the humanity nurtured by it is transmitted by social experience. It still seemed that the more subtle, refined and large-scale the culture, the more moral a person it can educate.

And suddenly, in the 21st century, we are faced with the absolute inhumanity of a country that has always presented a “special spirituality” and a “special culture” as its main “export product.” This was the fuel for Russia’s conviction in its own exclusive historical “mission.” And now this country is demonstrating forms of inhumanity that were overcome thousands of years ago. It is precisely this collapsed dehumanization, which seemed to have been eradicated and buried in history, that leads to dumbness, since it does not find a language for its expression in our modern times.

It is necessary to “reinvent” a language adequate to describe the humanitarian catastrophe that has occurred. But for now, many, even fairly intelligent people, are retreating into the space of obscene vocabulary, since everyday, normal, literary, polite modern language seems insufficient to describe this archaic evil.

Disappointment in the idea of progress and the restraining capabilities of culture was already observed after the world wars. If in the First World War the civilian population made up only 5% of the dead, then in the Second World War

the figure increased to 65%, although it would seem that the shock of the first use of chemical weapons of mass destruction in Belgium in 1917 should have contributed to the development of cultural mechanisms to resist violence against civilians. But no, the same historical rake. Refined German artistic and philosophical culture did not save the Germans from creating concentration camps, implementing a policy of eugenics with its practices of forced sterilization of people with physical and mental disabilities or their destruction, and child euthanasia.

Why hasn’t contemporary culture learned this lesson again, developed defense mechanisms, and why has history rolled in with a new wave of Nazism, now Russian, in Ukraine?

After the world wars, writers of the «lost generation», dialogist philosophers, and filmmakers of Italian neorealism tried to solve the crisis of culture through culture. All of them sought to show the impotence of previous forms of culture in the face of dehumanization and were puzzled by the search for new forms of culture as an «inoculation» against it. Some turned to dialogism, some to a special sensitivity to otherness, some to the idea of ethical responsibility to the Other, even if he does not want to come out to meet me, «drives me away or plunges me into boredom.» Today the situation is changing, and after the tragedy of Bucha, Mariupol, Vinnitsa and others, there comes an understanding that culture is not patched up by culture, it is not enough to solve environmental problems by reforming it. We can no longer rely on culture.

- Yes, the mechanisms and narratives of German and current Russian propaganda are strikingly similar. Just as the symbols of the occupiers themselves were borrowed from the German Nazis. As V. Marayev and J. Guz note, Z is an ancient runic symbol («wolf’s hook»), at various times considered a symbol of Nazism and hatred, was part of the emblem of the 4th SS Police Panzergrenadier Division, the 2nd SS Panzer Division «Das Reich» and the 34th SS Volunteer Grenadier Division «Landstorm Nederland», known for their crimes against civilians. And the letter V is the distinctive sign of the oldest members of the SS, who joined the ranks of the Nazi Party before Hitler came to

power on January 30, 1933.

The deepest shock is that culture is not enough to inoculate against dehumanization. Culture does not transmit experience, which means that other mechanisms must be found. After all, the Russians have very strong Holocaust memorialization programs, even larger than the Ukrainian ones, with real and virtual museums. And what is amazing is that these programs are still working. But, unfortunately, the display of burnt children's shoes in museums does not prevent the Russians from today's mass murder of civilians or the burning of prisoners.

- Then why is «witness literature» important if the experience of trauma is not transmitted, is inaccessible to the perception of descendants?

- This is a question for all of us: why are we incorrectly using this most important and necessary evidence, why is the transmission of experience disrupted. Although, on the other hand, many note that the people committing these crimes on Ukrainian lands are not very familiar with culture: they make 10 mistakes in the simplest words, and toilets and blenders are a novelty for them, since they loot and steal. Maybe so. But still, the current invasion of Ukraine finds enormous support among the intelligentsia. For example, the interview of the Hermitage director M. Piotrovsky, which shocked many, in which he proudly speaks of a special Russian «historical mission», of all Russians as «militarists and imperialists», notes the alleged «cultural advantage» and the need for a Russian «cultural special operation» throughout Europe, so that «they envy us», and justifies colonialism, with which «not everything is so clear». This «cultural figure» justifies the war of conquest in Ukraine openly in the Nazi spirit: «On the one hand, war is blood and murder, and on the other - self-affirmation of people, self-affirmation of the nation». The case of the Hermitage director is striking in that what he is saying now does not look like intimidation, but seems to be a sincere position.

— It is similar to the final scene of the famous dystopian novel by George Orwell, when the main character, who had long resisted the dehumanizing regime, was finally broken by the system, and the sign of this ultimate brokenness was his sincere acceptance of it: “The fight is

over. He has conquered himself. He loves Big Brother.”

— Yes. Piotrovsky's example also resembles the story of one of the most influential philosophers of the 20th century, Martin Heidegger, who, despite all the insight of his mind, could not recognize the obvious inhumanity of the German Nazi regime and collaborated with it.

Only a Georgian can truly understand a Ukrainian now.

Today, influential modern thinkers Jordan Peterson, Noam Chomsky, and Jurgen Habermas show the same insensitivity to evil and lack of understanding of the very nature of the spontaneity of aggression, trying to present the attack on Ukrainians as justified.

The situation is similar with modern Russian cultural figures who supported the war. Along with Piotrovsky, a number of other representatives of Russian high culture also justify military aggression. Only a few of the intelligentsia were able to maintain the purity of their position, soul, views, and resist the war, like Olga Sedakova, although we don't know all of them, of course.

It is not only the support for the war among cultural figures within the country that is upsetting, but also the cowardice and lack of protest activity of Russian intellectuals-emigrants, who clearly understand that a crime is being committed by the Russian regime, but do nothing to stop it. It is no coincidence that they say that the Russian people have been taken prisoner. And this lack of freedom is difficult to overcome.

It is probably difficult for Ukrainians to appreciate the power of fear generated by terror. It was a tragedy for us that people who, as it seemed to us, admired us for their moral honesty, whom we internally looked up to, are now silent among others. Although it is surprising that those few who still find the strength to resist the war and condemn the war crimes of their country are not rebels or heroes by nature. These are ordinary people who have preserved their honor and dignity. They are called «good people.» And they often come from the same environment, and often even friends of those who remain silent.

That is, people can be brought up in the same cultural environment and support the same values, but they implement them differently.

Although now we are no longer offended

by the silence of the Russian or Western intelligentsia, I am not trying to tell or explain anything to anyone - it is a lost cause. There is Bucha and other Ukrainian cities crippled or even erased by the war, the attitude to the tragedy of which can only be unambiguous - as a crime against humanity. Silence is a form of solidarity with evil.

Ukraine has the right to win this war, and it needs the help of the world, first of all, the West. Western politicians and the population should consider this war more from a moral point of view. Killing a human being cannot be justified, especially if mass killings are carried out with the aim of restoring political influence or seizing the territory of another country.

The idea of avoiding war was the basis of the demilitarization process in the post-Soviet region after the collapse of the Soviet Union, when the West pressured Ukraine to hand over its nuclear weapons to Russia in exchange for protection.

If the West could intervene then, it should take responsibility and help Ukraine now.

Right now, the future of Ukraine is being decided, and now, Russian imperialism can be stopped. If this is not done, Putin will probably continue to rebuild his empire outside Ukraine. Let us not forget that his beloved Soviet Union used to reach Berlin. Vladimir Putin. «Russia: the National Question»).

Conclusion. It is clear that there is a complex relationship between «Russian nationalism» and «Russian geopolitics». On the one hand, there is the experience of a «spatial curse» as an obstacle to finding one's national home. Of the notable figures, this experience is especially acute in Solzhenitsyn. "I see with alarm," he wrote in 1990, "that the awakening Russian national consciousness, to a large extent, cannot free itself from the spacious state thinking, from the imperial dope." And further: "We should not strive for the breadth of the State, but for the clarity of our spirit in its remnants." On the other hand, there are accusations of "the collapse of the country" with the threat of the death under the rubble of almost the Russian people themselves. In order not to go too far, I will refer to the already mentioned author: "Attempts to preach the ideas of building a Russian "national" ... state ... are

the shortest path to the destruction of the Russian people" (Vladimir Putin. "Russia: the National Question").

Nationalism's radical awareness of its historical agenda, the agenda of challenges and responses, leads to the conclusion that its implementation requires real sovereignty, which, in turn, is possible only in a fairly large geopolitical and geo-economic space. Radical awareness by the «imperial thought» of the historical situation in which the centuries-old Russian imperial project has found itself leads to a conclusion that recalls the words of the radical monarchist Donoso Cortes, spoken at the height of the century of revolutions: «Now there can be no monarch except by the will of the people.» So, from now on there can be no «Russian empire» except through the Russian national state. If we consider the imperative of this geopolitics to be the recreation of the former imperial area in the form of a predominant sphere of influence, then the most instructive is not the integration experience of the EU, with which the Russians constantly compare themselves, but the long path that post-imperial Turkey has taken. Turkey, out of nothing, left for itself that part of the territory that is today called Turkey, and it is difficult in this relationship with Russia, since if it gets rid of the national regions, little will remain of Russia. First – farewell to the ghosts of "imperial greatness" against the backdrop of the determination to "gnaw out" a strong ethnic core from the doomed imperial ecumene. An unconditional redefinition of the state as a national territory of the titular ethnic group. As a result, the core turns out to be quite large, since the ethnic group itself is large, and the idea of its national home gives it the strength to fight. Then – the growth of the national state: an increase in internal homogeneity, an increase in external gravity. The young predator stays in the orbit of the Western alliance, but at the same time does not stop hunting independently. The ease of parting with the past promised it a greater future. Turkey as the "Sick Man of Europe" underwent good therapy. In this regard, it is interesting – what awaits the "Sick Man of Eurasia"? Is he ready to learn from the successes of others? Or, out of old habit, will he prefer to teach others from his mistakes?

Литература:

- [1]. Юрий Бондарь Информационные технологии и манипуляции российской пропаганды на страницах изданий «ЛДНР». Международный научный журнал Кавказ и Мир, № 24, Тб., 2022
- [2]. Гурам Мархулия. ГЕОИСТОРИЯ И ГЕОПОЛИТИКА ВОКРУГ ВОЙНЫ В УКРАИНЕ// https://iverieli.nplg.gov.ge/bitstream/1234/415401/1/Biznesi_Da_Kanonmdebloba_2022_N2.pdf
- [3]. Ф. Фукуяма. Готовясь к поражению // American Purpose. - 2022. - 17.03. - URL: <https://www.americanpurpose.com/blog/fukuyama/preparing-for-defeat/>
- [4]. Война в Украине как потрясение для психики Европы. <https://www.swissinfo.ch/rus/>
- [5]. «Наука Украины в условиях войны: вызовы и перспективы». <https://spubl.com.ua/ru/>

ЭЛЬГУДЖА КАВТАРАДЗЕ

Доктор политических наук, профессор Сухумского Государственного университета (Грузия)

ФАЛЬШИВАЯ ГЕОПОЛИТИКА РОССИИ В УКРАИНЕ

РЕЗЮМЕ

Ключевые слова – Украина, культура, международные отношения, Конфликты, НАТО, Европейский Союз

В статье рассматривается война России в Украине как сложное, многогранное и многофакторное явление, анализируются причины того, что представители российской академических кругов, практически «не замечали» эту войну что стало по факту оглушительным провалом академической культуры российского общества. Ясно, что к политике великодержавности присоединилась и академическая наука России, мы наблюдаем и сталкиваемся с абсолютной бесчеловечностью страны, которая в качестве своего основного «экспортного продукта» всегда представляла «особую духовность», или «особую культурность». И вот эта страна демонстрировала в Грузии военно-политическую бесчеловечность, а ныне в Украине представляет свою национальную сущность, выявляя фактически все формы бесчеловечности, которые были преодолены ещё тысячелетия назад.

Мировое сообщество не увидело трагедию грузинского народа в Абхазии и в Сев. Картли (т.н. Южная Осетия), это молчание привело к Буче и к другим стертых с лица земли войной украинские города, это преступление против человечности, а молчание это форма солидарности со злом.

Российская война в Украине – это самый взрывоопасный конфликт в Европе с 1945 года. Многие на Западе считают, что это «война по выбору», начатая президентом России Владимиром Путиным, но сам он утверждает, что принятое в 2008 году решение НАТО о будущем членстве Украины в блоке создало экзистенциальную угрозу на российской границе. А некоторые видят истоки этого конфликта в событиях времён окончания Холодной войны и в неспособности Запада адекватно поддержать Россию после развала СССР. Как определить причины этой войны, которая может длиться ещё много лет?

Украина имеет право выиграть эту войну, и ей нужна помощь мира, прежде всего, Западу. Западные политики и население должны рассматривать эту войну больше с нравственной точки зрения. Убийство человека не может быть оправдано, особенно если массовые убийства происходят с целью восстановления политического влияния или захвата территории другой страны.

ГУРАМ МАРХУЛИЯ

Доктор истории, ассоциированный профессор Сухумского государственного университета (Грузия)

ЗАПАД ИЛИ ВОСТОК - ГЕОПОЛИТИЧЕСКАЯ ТРАЕКТОРИЯ ГРУЗИИ

DOI: <https://doi.org/10.52340/isj.2024.27.20>

В течение многих лет, чтобы избежать путаницы между Грузией-страной и Грузией-штатом США, международные СМИ называли Грузию постсоветским образованием. Кажется, что только после грузино-российской войны 2008 года (когда американцы наконец убедились, что нападению подверглось не их штат) страна привлекла к себе мировое внимание. В настоящее время, похоже, Грузия, рядом со своими непосредственными соседями Азербайджаном и Арменией, вместе образующими Центральный Кавказ, этот регион привлекает внимание из-за своей роли в так называемом Среднем коридоре. Однако от внимания многих ускользнул тот факт, что этот регион давно получил три отличительные геополитические роли из-за своего местоположения. Центральный Кавказ на протяжении истории был мостом экономических взаимодействий, буфером между Европой, Россией и Ближним Востоком и границей разных цивилизаций.

Центральный Кавказ, состоящий из Грузии, Азербайджана и Армении представляет собой исторически сконструированное, сложное политическое пространство, воплощающее геополитическую ткань, сотканную на протяжении веков и образующую культурно, этнически, лингвистически и религиозно разнообразную область, простирающуюся между Черным и Каспийским морями.

Каждый исторический период создавал геополитическую модель, через которую можно интерпретировать карту мира и мировой порядок того времени. В империалистических геополитических трудах XIX-го — начала XX-го веков регион Центрального Кавказа почти не упоминался.

В то время как стратегическое расположение Центрального Кавказа временно ускользнуло от внимания империалистических писателей, исторически регион имел

геополитическое значение для трех крупных восточных держав: Персидской империи, Османской империи и Российской империи. Уже в начале 1800-х годов регион действовал как буферная зона между православным христианством и мусульманами Ближнего Востока. Расширение России на Кавказ также имело экономические соображения, очевидные в таких проектах, как Транскаспийская железная дорога, которая облегчила доступ к Центральной Азии и контроль над поставками каспийской нефти. Помимо своих географических преимуществ, Центральный Кавказ был благом для природных ресурсов. Помимо нефти, регион богат медной рудой. Полезные ископаемые также привлекали иностранных инвесторов, и с 1870 года Rothschild и Shell добывали нефть, а Siemens добывал медь.

После Второй мировой войны политическая картина резко изменилась, и возникла новая международная система, в которой многополярность уступила место биполярности. Во время Холодной войны геополитика стала ассоциироваться с двумя ведущими идеологиями того времени: коммунизмом и западной демократией. Таким образом, геополитики были в основном заняты соперничеством между двумя блоками Запада и Востока. Когда Советский Союз установил свою власть над государствами Центрального Кавказа, регион снова стал чуждым интересам международных наблюдателей и стал свидетелем того, как его геополитическая роль моста для региональных и международных торговых путей свелась к обслуживанию юго-восточной границы Европы с коммунистической Россией и Ближним Востоком.

Однако к 1980-м годам «ветры перемен» подули с восточной стороны железного занавеса, и с политикой гласности и перестройки Михаила Горбачева холодная война приближалась к своему логическому концу, уступая

место новому мировому порядку. Одновременно геополитические концепции были обновлены для понимания новой карты мира и того, куда сместились геополитические опоры, что в академическом контексте стало известно как Новый мировой порядок. В то время как некоторые радовались триумфу западной идеологии, а другие придумали неологизм «Геоэкономика», чтобы объяснить существенное проникновение экономики в геополитику, Сэмюэл П. Хантингтон предпринял кардинально иной подход для объяснения геополитической обстановки и моделей этого «нового мира». Он подчеркнул культурные различия как основную основу для идентичности и конфликта, предсказывая, что нации будут объединяться по культурным, а не идеологическим или экономическим линиям, что приведет к конфликтам на локальном и глобальном уровнях. Хантингтон определил несколько линий разлома, включая Балканы, Кавказ и Ближний Восток, как области, где столкновения между цивилизациями были вероятны. Безусловно без сомнения Хантингтона было ясно, что после холодной бури наступит «горячий сезон».

Теперь, в дополнение к его географически определенной стратегической функции буфера и моста на двух осях — Запад-Восток и Север-Юг, этнорелигиозная мозаика региона также оказалась в центре внимания геополитических работ и международных деятелей. Географически расположенный между православной и исламской цивилизациями, регион способствовал формированию разнообразной этнорелигиозной мозаики. Несмотря на религиозные различия, примеры религиозной или национальной толерантности Грузия может послужит примером для мирового сообщества еще с XI века, т.е. тогда когда речи об ООН или других международных организациях не могло быть речи, а в столице грузинского государства в Тбилиси на одной улице находились православная церковь, мечет для исповедующих Ислам, синагога для евреев, григорянская церковь для армянских беженцев.

Основанные на обычаях отношения между народами религии способствовали их мирному сосуществованию, терпимости и взаи-

мопониманию. Исторический фон мирного сосуществования и различные модели кавказских, основанных на обычаях отношений между различными религиями и этническими группами обеспечили понимание, лежащее в основе гармоничных отношений между кавказскими народами.

Однако распад Советского Союза не означал конец обоснования Холодной войны. Россия — как наследница Советского Союза — после разочарования надеждами на ожидаемую демократизацию все еще считалась державой, влияние которой необходимо было сдерживать. Збигнев Бжезинский, как и многие его современники, предполагал, что Россия в какой-то момент истории после Холодной войны, добровольно или нет, выберет путь западного развития, однако этой надежды не суждено было осуществиться. Причиной этого является русское или российское понимание мировой системы, которую проигнорировали западные академические круги, надеясь на то, что силой оружия заставят Россию жить и строить государство своими правилами.

Россия в самом в своем начале строительства империи понимала эту задачу, поэтому стремилась обособиться от западной модели мироустройства, возникшая в России школа геополитики фактически служила тому, что Россия с окружающим миром является другая, евроазиатская зона и полагалось, что прерогатива управления этим миром завоевана Россией. Поэтому представители этой школы Николай Трубецкой, Петр Савицкий, Лев Гумилев, а ныне Александр Дугин подчеркивали особую культурно-географическую и социально-историческую структуру Евразии и отвергали западные универсальные идеи культурного и исторического развития человечества. Считалось, что миссия России заключается в объединении Евразии и поддержке этого единства, утверждая, что судьбу евразийских народов и государств почему-то должна была решать Россия.

Важно понимать, что евразийство и подходы Москвы к Кавказу соответствуют друг другу. В этом отношении Центральный Кавказ рассматривается как задний двор России. Грузия, Азербайджан и Армения, Черное и

Каспийское море представляют собой стратегические измерения для России. Последняя полна решимости доминировать в регионе и использует «этническую карту», чтобы держать страны Центрального Кавказа в неравновесии. С точки зрения России, любое иностранное влияние в ее «ближнем зарубежье» рассматривается через призму ее национальной безопасности. Такая угроза должна быть предотвращена любыми средствами, поскольку Москва не раз давала понять, что не имеет ни малейшего представления об уступке территорий, представляющих для нее наибольшие геополитические интересы.

Как преемница Советского Союза, Россия понесла самые тяжелые потери с точки зрения территории, ресурсов, влияния, экономики, а также международного имиджа. Ее границы были отодвинуты с запада, юга и востока. Чтобы добавить масла в огонь, отрыв центральнокавказских государств от российского влияния и появление новых независимых государств Грузии, Армении и Азербайджана. Известный евразиец Александр С. Панарин утверждал, что «геополитические уступки, которые постсоветская Россия сделала Западу, являются максимальными, на которые Россия когда-либо пойдет. Любое дальнейшее наступление Западного пояса в форме дальнейшего расширения НАТО или разыгрывания украинских, грузинских, азербайджанских, армянских или центральноазиатских «карт» означало бы, что вышеупомянутые уступки России были бы подобны уступкам Гитлеру в Мюнхене».

В контексте так называемого формирующегося Нового мирового порядка Россия сначала осталась на периферии, в то время как Турция и Иран были первыми странами, затронутыми геополитической турбулентностью. Вступив в «Mittlespiel» этой «Большой шахматной игры», США и Европейский союз быстро воспользовались возможностью усилить свое влияние в регионе Центрального Кавказа. Поэтому последний вскоре стал пространством конкуренции между изначальными геополитическими игроками и так называемыми «новичками».

Иран является одним из классических игроков на Центральном Кавказе, однако из-за

своей внутренней турбулентности и международного давления он был вынужден временно отступить от состязания. Последние тенденции показывают возрождение интересов Ирана на Центральном Кавказе. В региональном контексте Иран является союзником Армении и России.

Турция, как предполагал Бжезинский, не должна отчуждаться от геополитических расчетов, потому что отвергнутая Турция может не только стать сильно исламской, но и сможет нарушить стабильность региона. Роль Турции в этом состязании, наряду с ее геополитическими наклонностями, заключается в том, чтобы уравновесить доминирование России над регионом. Вот почему Бжезинский утверждал, что политические события в Турции и ее ориентация будут иметь решающее значение для государств Центрального Кавказа.

В рамках своего Восточного партнерства Евросоюз поощрял страны региона к реформам. Кроме того, местоположение и упомянутый потенциал предоставления транзитных дорог позволяют Центральному Кавказу служить гарантией энергетической безопасности для Европы. В соответствии с этим, Европе необходимо помогать региону в его мирном развитии и обеспечивать его безопасность как стратегического партнера.

В отличие от Армении и Грузии, Азербайджан открыто не выражает готовности присоединиться ни к военным, ни к экономическим блокам. Страна не является ни про-российской, ни прозападной, но подчеркивает важность регионального сотрудничества. Следовательно, страны находятся на разных этапах процесса европеизации. Тем не менее, потребность ЕС в надежном партнере на Центральном Кавказе в настоящее время противоречит отчуждению Турции от Союза и невосприимчивости России к санкциям.

Соединенные Штаты давно рассматривают регион, и особенно Грузию, как стратегическую буферную зону для содействия своим интересам на Ближнем Востоке, а также против расширения терроризма. В 2016 году Дональд Рамсфелд, бывший министр обороны США, подчеркнул стратегическое расположение Грузии в своей статье в *The Wall Street Journal*, заявив, что «[Грузия] является барье-

ром для потока джихадистов из других частей бывшего Советского Союза на Ближний Восток. И она, несомненно, будет играть важную роль в стратегиях любого консорциума НАТО по обеспечению безопасности Черного моря и «Новой Европы» от российского авантюризма».

Еще одним новичком в региональной шахматной игре является Китай с его растущим геополитическим влиянием, что делает важность региона еще больше за счет участия в китайском проекте Шелкового пути и, с 2017 года, в проекте Транскаспийского международного транспортного маршрута, а также строительства порта Анаклия в Западной Грузии.

Следует отметить, что в этом контексте геоэкономической и геополитической головоломкой является строительство глубоководного нового порта Анаклия. Решение о строительстве глубоководного порта в Анаклия было принято властями Грузии для увеличения транзитного потенциала страны и для подключения к проекту «Нового Шелкового пути», который должен был соединить Восток и Запад еще в 2016 году. Порт Анаклии – важный для Грузии инфраструктурный проект, поскольку он откроет путь для переброски грузов из Центральной Азии в Европу и наоборот. Строительство этого порта превратило бы Грузию в логистический хаб, а страна окончательно сформировалась бы в качестве морского государства.

Строительство нового порта в Анаклия началось в декабре 2017 года, но через полгода, когда уже началось углубление акватории, работы были заморожены. Правительство Грузии приостановило работу по строительству порта из-за геополитических проблем.

Дело в том, что Анаклия расположена рядом от российских оккупационных войск в Абхазети поэтому ясно, во-первых что строительство порта не в интересах России, более того порт станет конкурентом российским портам. Во-вторых США считают, что Анаклия должна быть построена американскими инвесторами, то есть Западом, и в него не должны входить китайские компании из-за политической опасности глубокого проникновения Китая в регион. В 2019 году госсекретарь США Майк Помпео заявлял, что порт

Анаклия «поможет Грузии наладить отношения с развитыми экономиками, что позволит избежать влияния России и Китая..». В третьих американско-европейскую конкуренцию вокруг евразийских портов и других важных объектов инфраструктуры.

Также надо учитывать, что существует более широкое евразийское измерение геополитического значения Анаклии, что будет способствовать тому, что проект, вероятно, сохранится в повестках дня основных региональных акторов. Хотя Пекин и Вашингтон в последнее время добились прогресса в торговых вопросах, геополитическая конкуренция между ними вряд ли снизится. По всей вероятности, императив Вашингтона состоит в том, чтобы ограничить усиливающуюся экспансию Пекина в центре Евразии. Одним из выражений данного противостояния является то, что США ограничивают китайские шаги по получению контроля над важной инфраструктурой, такой как дороги, порты и железные дороги. Как стратегически расположенный порт, Анаклия стала частью этой конкуренции, что хорошо отразилось в выше приведенном заявлении госсекретаря США Майка Помпео.

Поскольку США и Китай имеют принципиально разные взгляды на будущее моделирование Евразии, часто утверждается, что эта конкуренция подрывает перспективы строительства Анаклии. Однако та же геополитическая борьба и возможность попадания порта Анаклия в руки КНР того, будут способствовать сохранению интереса США к порту. Как будут развиваться события в будущем покажет время, но ясно, что вокруг порта Анаклия геополитическая головоломка еще не разрешена. Сегодня мире идет война за контроль над торговыми путями и наступает интересное время для того, чтобы Грузия обрела важную функцию. Мы прекрасно понимаем глобальные процессы и мировую экономическую ситуацию. Сегодня идет настоящая война за контроль над торговыми путями. Надеемся, что Китай с одобрения или в союзе с Россией создадут коридор, проходящий через нашу страну. Именно это обеспечит Грузии стратегическую функцию.

В складывающейся конфигурации у Грузии есть возможность стать мостом между

Европой и Азией. Причем, это имеет обоюдое важное значение для обоих глобальных проектов.

Китай заинтересован во всех инфраструктурных проектах, осуществляемых в Грузии. В целом инфраструктурные проекты «Один пояс — один путь» и «Средний коридор» являются предметом приоритетного интереса со стороны китайских компаний, однако против этого выступает США.

Сегодня Грузия, геополитика вокруг Грузии вновь в центре внимания, так как порт в Анаклиа будет строит китайская компания, Грузия стремится воспользоваться открывающимися возможностями в качестве страны-транзитера, такая политика правительства Грузии явно не входит в геополитические планы США отсюда и начало напряженных отношений Вашингтона с Тбилиси.

Как было отмечено, события постсоветской эпохи привели к появлению новых игроков, таких как США, ЕС и Китай, в борьбе за навязывание влияния на регион, а также за извлечение из него выгод. Однако такое развитие событий противоречит стремлениям основных соседних геополитических держав, таких как Россия, Турция и Иран; концентрация политических интересов великих держав в таком небольшом регионе подчеркивает его выгодное геополитическое положение и экономические преимущества.

В сфере геополитического дискурса регион может быть геополитически значимым, если он служит геополитическим и экономическим выгодам крупных геополитических игроков или имеет потенциал для того, чтобы бросить вызов таким политико-экономическим устремлениям великих держав. Центральный Кавказ, в результате своего стратегического расположения и разнообразия, обладает обеими характеристиками. Следовательно, Центральный Кавказ находится посреди сложного геополитического ландшафта.

Таким образом Грузия и Центральный Кавказ в целом представляет собой регион, находящийся в эпицентре доминирующих геополитических потоков. Основные геополитические силы — США и Россия ведут борьбу за Южный Кавказ для приобретения своего геополитического и геоэкономическо-

го пространства, где нефть и газ Каспия являются приоритетными аспектами их политики. Правительство Грузии вынуждено было после оккупации Россией исторических областей страны взять внешнеполитический курс на Запад наивно полагая, что цивилизованная Европа со своим военно-политическим блоком помогут стране с вопросом восстановления территориальной целостности государства. Однако геополитическое противоборство США и России привело к тому, что оккупированные области Грузии в 2008 году были признаны Россией в качестве «независимых государств» это было ответом на признание Косово Западом. В Кремле полагали, что этим актом наказали Грузию, однако в Москве не учли, что для грузинского народа не имеет значение под каким статусом будут оккупированные области страны, их освобождение является вопросом лишь времени!

Молчание и бездействие мирового сообщества привели к тому что Россия без стыда и совести оккупировала Крым, создала из украинских областей т.н. ДНР и ЛНР, а затем и вовсе открыто начала войну с целью захвата Украины.

Таким образом вопрос Грузии был принесен в жертву геополитическим играм Держав. В грузинском обществе прекрасно понимают, что проблема справедливости и справедливого государства относится к числу «вечных проблем», проходящих через все историю существования человеческого общества. В разных эпохах развития человеческой цивилизации этот вопрос волновали отдельных личностей, целых народов и государств. К великому сожалению сегодня XXI веке государства мира еще не достигли той степени развития, где возможно было установление справедливых международных отношений. Не даром классик английской эссеистики Уильям Хээлит в свое время писал: «Если бы человечество стремилось к справедливости, оно бы давно ее добилось».

Человеческие страдания для большой геополитики это как шалости маленького ребенка, «цивилизованная» Европа кичилась тем, что они создали универсальные государства, а к страданиям грузин или других народов

постсоветского или постсоциалистического пространства они были равнодушны. Полагаем, что не удивительно тяготение грузинского и всего постсоветского общества к европейской сообществе, дабы вновь не подпасть под влияние не меняющейся России.

Геополитические противоречия между великими державами и союзами государств, если их своевременно не разрешать, могут привести к глобальному геополитическому противостоянию. Именно геополитические интересы великих держав является причиной тех войн которые происходят сегодня на наших глазах, именно эти войны и являются способом разрешения глобальных геополитических противоречий между ними.

Грузия за последние годы выработало и ведет сбалансированную политику в отношениях геополитических центров так как необходимо ориентироваться, в первую очередь, на поиск методов решения долгосрочных политических и экономических вопросов, безусловно в комплексе международной политики государства.

При обозначении приоритетов внешней политики Грузия исходит из уникального сочетания геополитических факторов, определяющих характер развития региона и требующих повышенного внимания к развитию всесторонних отношений с соседними странами – Азербайджаном, Россией, Турцией. Грузия в этой политике руководствуется ценностями мировой цивилизации – демократией, свободой личности и верховенством закона. Отсюда исходит и концепция внешней политики страны, направленной на построение равноправных и взаимовыгодных отношений со всеми государствами мира и обеспечение собственного геополитического пространства для многих геоэкономических проектов.

Вместе с этим следует отметить, что руководство Грузии не собирается подписывать новый Георгиевский трактат с Россией, хотя предприняла попытку улучшения отношения с Россией, однако без деокупации территории Грузии о нормальных отношениях между Грузией и Россией не слудует ожидать. Отсюда и геополитическая ориентация на Запад.

Южный Кавказ, Грузия в частности небольшой по площади и населению регион, ко-

торый превратился в настоящее время в одну из зон геополитической борьбы. Политика Москвы в этом регионе продиктована тем, что происходящие здесь процессы имеют для Российской Федерации важное значение, так как Грузия - это ключ к Кавказу и Черноморского региона, поэтому Россия ни при каких обстоятельствах не может добровольно отказаться от контроля над пространством Грузии. В правительственных и академических кругах Грузии это прекрасно понимают, но без восстановления территориальной целостности нормализация политических отношений исключена.

Несмотря на многовековые усилия Российской империи и Советского Союза по развитию этой европейской идентичности, приверженность Грузии европейскому будущему оказалась прочной. С трудом, но Европейский союз все же сделал шаг на встречу с Грузией, предоставил Грузии официальный статус страны-кандидата, но в Тбилиси ожидали большего, более того в Европе полагали, что Грузия «окрыленная» успехом получения статуса страны-кандидата будет послушным исполнителем воли Европы, стремление подключить Грузию в войне с Россией и фактически открыт второй фронт у европейских дипломатов не получилось. Более того власти в Тбилиси отказались присоединиться к западным санкциям, предпочтя вместо этого сохранить открытыми границы с Российской Федерацией и возобновить прямое авиасообщение с Москвой. С начала полномасштабного вторжения сотни тысяч россиян устремились в Грузию.

Отношение Грузии к войне России в Украине не однозначное, в 1992-1993 годах Россия фактически без объявления войны при поддержке абхазских и осетинских сепаратистов воевала с Грузией, однако Европейский Союз кроме «дипломатического возмущения» не проявил себя, не было не только военной помощи, но и гуманитарной, фактически молодое государство мировым сообществом было оставлено один на один с Россией.

В геополитической борьбе Запада с Россией было решено наказать геополитического союзника России в Восточной Ев-

ропе – Сербию, так 17 февраля 2008 года парламент Косова в одностороннем порядке провозгласил независимость края от Сербии. Это положение ухудшило международное положение Грузии, так как после августовской войны 2008 года России против Грузии, президент России Д. Медведев подписал указ о признании независимости Абхазии и т.н. Южной Осетии. Не смотря на позорное решение правительства России оно было следствием признания независимости Косово Западом, Россия своей необдуманной политикой решил еще раз наказать Грузию из-за союза с Западом.

Запад как было уже отмечено имеет свои интересы в Грузии, однако для грузинского государство первостепенное значение имеет восстановление территориальной целостности страны, а не смиренное исполнение желаний Запада. Некоторые независимые шаги правительства Грузии повергло в шок ЕС и Запад в целом, принятие правительством «закона об иностранных агентах», вызвали обеспокоенность по поводу приверженности Тбилиси демократическим ценностям и перспективам евроатлантической интеграции. В течение тридцати лет правительство Грузии делало все для того чтобы стать полноправным членом ЕС, но в Брюсселе почему то не

спешили помочь Грузии с решением его главных геополитических задач. Безусловно Грузия всецело является страной ориентированной на европейскую цивилизацию, но с учетом равноправия и уважения государственных интересов. Заявка на членство в ЕС свидетельствует о прозападных устремлениях Грузии в 2022 году и предоставлении статуса кандидата в 2023 году. Однако недавние законодательные шаги по ограничению финансируемых из-за рубежа НПО вызвали интересную реакцию, в международных кругах, принятие закона окрестили «русским», хотя всеми странами ЕС и США давно приняты аналогичные законы.

Принятие законопроекта об «иностранных агентах» на Западе рассматривают как отступление от демократии и геополитического перетягивания каната, именно смена геополитической ориентации беспокоит Запад а не принятия закона. Правительство Грузии и грузинское общество ждет от ЕС и США реальных предложений по восстановлению территориальной целостности Грузии и вступления в ЕС. В противном случае предстоящие парламентские выборы в октябре 2024 года определят геополитическую траекторию Грузии и его отношений как с ЕС так и с Россией.

Литература:

- [1]. Токаев К.К. Казахстан в мировом сообществе // Международная жизнь.-№7.-2001.
- [2].Абдулпатаев С. И. Первые шаги казахстанской дипломатии // Акикат. -1995. -№3.
- [3]. Кыдырбекулы Д. Б. Роль США в мировой политике: влияние на Казахстан. Алматы: ТОО «Комплекс», 1999.
- [4]. Марина Изория. Геополитика сепаратизма. Кавказ и Мир. Международный научный журнал. №25, Т6, 2022.
- [5]. Юрий Бондарь. Агрессия против Грузии и Украины: контекст и параллели. Кавказ и Мир. Международный научный журнал. № 25, Т6, 2022.
- [6]. Гурам Мархулия. США и Российская Федерация в геополитической борьбе за Южный Кавказ. Международный научный журнал. Кавказ и Мир. № 23, Т6, 2021

GURAM MARKHULIA**Doctor of History, Associate Professor of Sukhumi State University (Georgia)****WEST OR EAST - GEORGIA'S GEOPOLITICAL TRAJECTORY****Summary**

Georgia and the Central Caucasus as a whole are a region located in the epicenter of dominant geopolitical flows. The main geopolitical forces - the United States and Russia are fighting for the South Caucasus to acquire their geopolitical and geoeconomic space, where Caspian oil and gas are priority aspects of their policy. The Georgian government was forced to take a foreign policy course towards the West after Russia occupied the historical regions of the country, naively believing that civilized Europe with its military-political bloc would help the country with the issue of restoring the territorial integrity of the state. However, the geopolitical confrontation between the United States and Russia led to the fact that the occupied regions of Georgia in 2008 were recognized by Russia as «independent states» - this was a response to the recognition of Kosovo by the West. The Kremlin believed that this act punished Georgia, but Moscow did not take into account that for the Georgian people it does not matter what status the occupied regions of the country will have, their liberation is only a matter of time! The silence and inaction of the world community led to Russia occupying Crimea without shame or conscience, creating the so-called DPR and LPR from Ukrainian regions, and then openly starting a war with the aim of seizing Ukraine. Thus, the issue of Georgia was sacrificed to the geopolitical games of the Powers. Georgian society understands perfectly well that the problem of justice and a just state is one of the “eternal problems” that run through the entire history of human society. In different eras of the development of human civilization, this issue has worried individuals, entire nations and states. Unfortunately, today in the 21st century, the states of the world have not yet reached the level of development where it would be possible to establish fair international relations. It is not for nothing that the classic of English essays William Haelit once wrote: “If humanity had striven for justice, it would have achieved it long ago.” Human suffering for big geopolitics is like the pranks of a small child, «civilized» Europe boasted that they had created universal states, and they were indifferent to the suffering of Georgians or other peoples of the post-Soviet or post-socialist space. We believe that it is not surprising that Georgian and the entire post-Soviet society gravitates toward the European community, so as not to fall under the influence of the unchanging Russia again. Geopolitical contradictions between great powers and state alliances, if not resolved in a timely manner, can lead to a global geopolitical confrontation. It is the geopolitical interests of the great powers that are the cause of the wars that are happening today before our eyes, and these wars are the way to resolve global geopolitical contradictions between them. In recent years, Georgia has developed and is pursuing a balanced policy in relations with geopolitical centers, since it is necessary to focus, first of all, on finding methods for solving long-term political and economic issues, of course, in the complex of the state's international policy. In defining its foreign policy priorities, Georgia is guided by a unique combination of geopolitical factors that determine the nature of the region's development and require increased attention to the development of comprehensive relations with neighboring countries - Azerbaijan, Russia, Turkey. In this policy, Georgia is guided by the values of world civilization - democracy, personal freedom and the rule of law. This is also the source of the country's foreign policy concept, aimed at building equal and mutually beneficial relations with all countries of the world and ensuring its own geopolitical space for many geo-economic projects.

At the same time, it should be noted that the Georgian leadership is not going to sign a new Treaty of Georgievsk with Russia, although it has attempted to improve relations with Russia, but without the deoccupation of Georgian territory, normal relations between Georgia and Russia should not be

expected. Hence the geopolitical orientation to the West.

The South Caucasus, Georgia in particular, is a small region in terms of area and population, which has now become one of the zones of geopolitical struggle. Moscow's policy in this region is dictated by the fact that the processes taking place here are of great importance for the Russian Federation, since Georgia is the key to the Caucasus and the Black Sea region, therefore Russia cannot voluntarily give up control over the territory of Georgia under any circumstances. This is well understood in Georgian government and academic circles, but without the restoration of territorial integrity, normalization of political relations is excluded.

Despite the centuries-long efforts of the Russian Empire and the Soviet Union to dilute this European identity, Georgia's commitment to a European future has proven strong. With difficulty, but the European Union nevertheless took a step towards meeting Georgia, granted Georgia the official status of a candidate country, but Tbilisi expected more, moreover, Europe believed that Georgia, «inspired» by the success of obtaining the status of a candidate country, would be an obedient executor of the will of Europe, the desire to involve Georgia in the war with Russia and actually open a second front did not work out for European diplomats. Moreover, the authorities in Tbilisi refused to join Western sanctions, preferring instead to keep the borders with the Russian Federation open and resume direct air traffic with Moscow. Since the beginning of the full-scale invasion, hundreds of thousands of Russians have rushed to Georgia. Georgia's attitude to Russia's war in Ukraine is ambiguous. In 1992-1993, Russia fought Georgia without actually declaring war, with the support of Abkhaz and Ossetian separatists. However, the European Union did not show itself except for «diplomatic indignation», there was no military aid, nor humanitarian aid, and the young state was actually left alone by the world community with Russia. In the geopolitical struggle between the West and Russia, it was decided to punish Russia's geopolitical ally in Eastern Europe - Serbia. Thus, on February 17, 2008, the Kosovo parliament unilaterally declared the region's independence from Serbia. This situation worsened Georgia's international position, since after the August 2008 war between Russia and Georgia, Russian President D. Medvedev signed a decree recognizing the independence of Abkhazia and the so-called South Ossetia. Despite the shameful decision of the Russian government, which was a consequence of the recognition of Kosovo's independence by the West, Russia, with its ill-considered policy, decided to punish Georgia once again for its alliance with the West. The West, as has already been noted, has its own interests in Georgia, but for the Georgian state, the restoration of the country's territorial integrity is of primary importance, and not the humble fulfillment of the West's wishes. Some independent steps by the Georgian government shocked the EU and the West as a whole, the government's adoption of the «law on foreign agents» raised concerns about Tbilisi's commitment to democratic values and the prospects for Euro-Atlantic integration. For thirty years, the Georgian government has done everything to become a full member of the EU, but for some reason Brussels was in no hurry to help Georgia with the solution of its main geopolitical problems. Of course, Georgia is a country entirely oriented towards European civilization, but taking into account equality and respect for state interests. The application for EU membership demonstrates Georgia's pro-Western aspirations in 2022 and the granting of candidate status in 2023. However, recent legislative steps to restrict foreign-funded NGOs have caused an interesting reaction in international circles, the adoption of the law was dubbed «Russian», although all EU countries and the US have long adopted similar laws.

The adoption of the bill on «foreign agents» in the West is seen as a retreat from democracy and a geopolitical tug of war, it is the change in geopolitical orientation that worries the West, not the adoption of the law. The Georgian government and Georgian society are waiting for real proposals from the EU and the US to restore Georgia's territorial integrity and join the EU. Otherwise, the upcoming parliamentary elections in October 2024 will determine the geopolitical trajectory of Georgia and its relations with both the EU and Russia.

MARINA IZORIA

Doctor of Social Sciences, Sukhumi State University (Georgia)

THE MIDDLE EAST IN THE GEOPOLITICS OF SAUDI ARABIA

DOI: <https://doi.org/10.52340/isj.2024.27.21>

Abstract. This article analyzes the formation of a new foreign policy strategy of Saudi Arabia in the context of the changing situation in the Middle East after the «Arab Spring» and the «nuclear deal» with Iran. It is shown that domestic political instability and economic problems due to falling oil prices have a great impact on the foreign policy of Saudi Arabia. The struggle with Iran for dominance in the region is becoming the basis of its policy in the Middle East. It is noted that the complication of relations with the United States also has a significant impact on the foreign policy of Saudi Arabia. Riyadh in its geopolitics failed to neutralize the growth of Iran's influence in Iraq, Lebanon, Syria, Yemen. In the Syrian conflict, Riyadh relies on supporting B. Assad's opponents, thus seeking to strengthen its position in the country and oust Iran and Russia from there. The confrontation with Iran forced Saudi Arabia to intervene in the civil war in Yemen and conduct a successful operation in Bahrain. The article shows Saudi Arabia's desire to keep Egypt, Jordan and a number of other countries in the region in the sphere of its foreign policy by providing financial assistance to these states. A conclusion is made about the economic, geopolitical and religious causes of the conflict between Saudi Arabia and Iran and Saudi Arabia's desire to strengthen its position in the Middle East and East Africa. A major breakthrough in this regard was Riyadh's acquisition of two islands in the Red Sea from Egypt.

Keywords: *Saudi Arabia, Iran, oil, foreign policy, Islam, regional security, conflict.*

Currently, the Kingdom of Saudi Arabia plays an important regional and global role in the system of international relations. It is actually the leader of the Arab world and can play an important role on the world stage.

Like any state, Saudi Arabia has its own geopolitical interests, which in tandem with the United States in the region play an important

geopolitical role. First of all, the most important for them are relations with the Persian Gulf countries, which are part of the Cooperation Council for the Arab States of the Persian Gulf. Next in importance are relations with the Arab countries - members of the League of Arab States. Much attention is paid to the entire Islamic world as a whole. In order to implement the unity of Muslim countries, as well as to protect and defend their interests, the Organization of the Islamic Conference was created on the initiative of Saudi Arabia in 1969. Working to resolve many of its main international and domestic issues, Saudi Arabia is increasingly strengthening its position as a significant subject of world politics. This is due to a number of objective factors.

At the beginning of the 21st century, radical political changes are taking place in the Middle East. The US invasion of Iraq in 2003, then the «Arab Spring» plunged the region into instability. Iraq, Yemen, Syria are mired in the anarchy of civil wars. The result of these processes is the emergence and growth of ISIS. The situation in the region was complicated by oil price hikes in 2014-2016. In this situation, Saudi Arabia had to build a new foreign policy strategy in the Middle East. Traditionally, the political elite of Saudi Arabia pursued a cautious foreign policy, focusing on close military and political cooperation with the United States. Saudi Arabia guaranteed the United States a stable world oil market and regular supplies of Arabian oil to North America. The exception was the events of 1973, when, during another Arab-Israeli conflict, the Arabian states, including Saudi Arabia, imposed an embargo on oil supplies to the United States and other Western countries. The personification of this policy was the previous king of Saudi Arabia, Abdullah, who ruled the country since 2005. After his death in 2015, Salman became the new monarch of the country. The new leadership of Saudi Arabia is beginning to show more initiative in pursuing an independent regional policy. This circumstance

is explained by both serious domestic political changes within the country and changes in the balance of power on the world stage, including in the Middle East.

In recent years, there has been some tension in relations between the United States and Saudi Arabia. President Barack Obama has repeatedly made remarks in his speeches that have irritated Riyadh. Washington is becoming less and less dependent on oil supplies from Saudi Arabia and the Persian Gulf. Moreover, the «shale revolution» makes the United States and Saudi Arabia competitors. In 2016, the US Congress lifted the ban on oil exports from the United States. Saudi Arabia was greatly irritated by statements by a number of congressmen and senators about the need to declassify 28 pages of the US intelligence report on the role of Saudi Arabia in the terrorist attacks of September 11, 2001. According to a number of experts, these documents may contain information reflecting the connection of a number of representatives of the ruling dynasty and business circles of Saudi Arabia with Al-Qaeda. Some congressmen called for Saudi Arabia to be held accountable for the terrorist attack of September 11. Previously, such calls were absent from Washington. In response, Saudi Arabia threatened to sell off \$750 billion in US securities owned by the kingdom if Washington tried to hold the kingdom accountable for the events of 2001. It should not be forgotten that Saudi Arabia is one of the largest consumers of US military-industrial complex products. In 2010 alone, the kingdom purchased \$60 billion in weapons from the US. Therefore, in the event of a serious deterioration in US relations with Saudi Arabia, their economy could suffer significant losses. The country's public and part of the political establishment are beginning to feel burdened by the role of the US «policeman» in the Middle East. The authoritarian regime in Riyadh does not evoke sympathy in liberal circles. The US did not approve of Riyadh's intervention in Yemeni affairs. In turn, Saudi Arabia condemned the compromise agreement between the United States and Tehran, since the «nuclear deal», in Riyadh's opinion, strengthens Iran's economic and military-political potential. In these circumstances, Riyadh made several overtures to Russia, including in matters of

purchasing Russian weapons. However, they should be treated with great skepticism. They are most likely a tool for pressuring the United States. In Saudi Arabia, the «Arab Spring» caused a negative response, which, according to a significant part of the kingdom's residents, became a provocation by the United States and Israel against the Arab world. The fact that the King of Saudi Arabia did not come to meet the US President at the airport for the first time during B. Obama's visit to the country on April 21, 2016, speaks to the tension in relations between the two countries. Nevertheless, Washington and Riyadh are interested in maintaining close contacts in the economic sphere and in matters of military security, which does not exclude differences between the two countries on a number of issues in world politics. Therefore, when forming its own Middle East policy, Riyadh looks less and less to Washington.

Saudi Arabia's decisive foreign policy is confirmed by the creation of a coalition under its auspices that intervened in the civil war in Yemen. International analysts believe that the Minister of Defense, the son of King Salman, Mohammed bin Salman is behind these actions. Mohammed is one of the ambitious politicians in Riyadh who are seeking to strengthen their own authority in the country and beyond. The «small victorious war» in Yemen is a good tool for this. The war in Yemen is of great strategic importance for Saudi Arabia. More than a third of the population of Yemen are Shiites who are seeking to strengthen their own political influence in Sana'a with the support of Iran. For Saudi Arabia itself, the problem of the Shiite minority is a pressing one. Shiite protests pose a danger to the ruling dynasty in Riyadh. It is no coincidence that the authorities harshly suppress any manifestations of Shiite opposition within Saudi Arabia. This is evidenced by the execution of 47 people in early 2016, including the famous Shiite theologian Nimr al-Nimr, who enjoyed great popularity in the country. Riyadh's actions were condemned by Iran, Iraq, the Shiite movements of Lebanon, Bahrain, and Yemen, and supported by the states of the Arabian Peninsula, Sudan, Djibouti, and, most importantly, Egypt. A victory for the Shiites in Yemen could have unpredictable consequences for Saudi Arabia itself. Yemen borders Saudi

Arabia, which creates the preconditions for the Shiites of Yemen and Iran to support the Shiites of the Arabian kingdom. In addition, Yemen is becoming a sphere of conflict between the interests of Iran and Saudi Arabia. Riyadh cannot allow Tehran to strengthen its position in Yemen, as this will become the basis for the creation of a regional «Shiite crescent» that will cause fear among the Persian monarchs. Instability in Yemen poses major economic risks for Saudi Arabia, as Yemen controls a significant flow of oil exports from the Arabian Peninsula through the Red Sea to Europe. The balance of power in the Middle East will be determined for many years to come by the growing conflict between Saudi Arabia and Iran. Both countries are seeking to act as regional leaders. Initially, it seemed that Riyadh's position was more preferable. However, in recent years, the situation has begun to acquire an unfavorable character for Saudi Arabia. Iran has recovered from the consequences of the Iran-Iraq war, and, most importantly, Tehran has withdrawn from the total system of international sanctions. Foreign policy turmoil in the Middle East has benefited Iran. The US military operation against Saddam Hussein effectively led to the collapse of Iraq, Tehran's traditional adversary in the second half of the 20th century. Shiites, Iran's allies, have established control over southern and partly central Iraq. The parliament, government, and partly the army of Iraq are either under the control of the Shiites or under their close attention. Iran has clearly achieved great success in Iraq. Saudi Arabia's attempts to neutralize Iran's growing influence in Iraq have not yielded results. Iran dominates Lebanon. The conduit of Iranian influence in the country is the Hezbollah group. Saudi Arabia relied on the Lebanese billionaire, born in Saudi Arabia, Prime Minister S. Hariri, who was in power from 2009 to 2011, but Riyadh failed to weaken Iran's position in Lebanon. Since the beginning of 2016, Saudi Arabia has stopped funding the Lebanese army and announced a possible reduction in economic aid to the country, which has led to a further decline in Saudi Arabia's authority in Beirut. In Yemen, Iran's allies, the Houthis, have achieved significant success.

Bahrain was a country where Saudi Arabia achieved positive results with significant

reputational losses. On February 14, 2011, in this small state in the Persian Gulf, under the influence of the «Arab Spring», protest demonstrations of the Shiite majority began, demanding democratization of society. In March of this year, Saudi troops and UAE police units entered Bahrain to suppress the unrest and maintain stability. Riyadh suspected that Iran was behind the events in Bahrain. Riyadh considers Bahrain, Qatar, Kuwait, the UAE, and Oman to be its strategic allies, so Saudi Arabia will by any means seek to preserve political regimes loyal to it in these states. In the Syrian conflict, Tehran and Riyadh found themselves on opposite sides of the barricades. Tehran supports the government of B. Assad, and Riyadh supports the opposition. The «Battle for Syria» is of great importance for both countries, the winner will significantly increase its own dominance in the Middle East. If the opposition wins, Saudi Arabia will oust Iran from Syria and weaken its position in Lebanon. This will be compensation for the defeat in Iraq and the protracted military actions in Yemen. It is quite remarkable that Iran and Saudi Arabia accuse each other of creating ISIS. It should be emphasized that the struggle between Iran and Saudi Arabia for influence in the Middle East, in addition to geopolitical and religious background, also has a national coloring. Iran is a country of Persians, an ancient people with a unique culture and a glorious historical past. Saudi Arabia claims to be the representative of the interests of all Arabs of the Arabian Peninsula, in addition, it is the custodian of Muslim shrines. In Iran and Saudi Arabia, there is currently a rise in Persian and Arab nationalism. Both countries live by Sharia law, but in Iran the political system of Saudi Arabia is perceived as a backward medieval regime where lawlessness and obscurantism reign. By inciting conflict, some political circles in Riyadh and Tehran are seeking to solve their own domestic political problems. In particular, according to CNN analyst Bobby Ghosh, in Tehran conservatives are trying to neutralize reformers and nullify the results of the deal on the «nuclear program», while in Riyadh the conflict with Iran is becoming a mechanism in the struggle of various groups in the Saudi dynasty for power and the right to resolve complex economic problems.

In the near future, it is difficult to expect a compromise in relations between the two countries. Warlike rhetoric and mutual accusations have found their way into the public consciousness. Large sections of the Sunni population of Saudi Arabia support the government's anti-Iranian course. In turn, anti-Saudi sentiments are growing in Iran. It is no coincidence that demonstrators took an active part in the destruction of the Saudi Arabian embassy in Tehran in January 2016, which further complicated relations between Saudi Arabia and Iran and led to the rupture of diplomatic relations between them. As already noted, Riyadh's foreign policy ambitions are fueled by growing internal problems. The fall in oil prices has highlighted some economic and social problems in Saudi Arabia. Riyadh itself refused to reduce oil production at an OPEC meeting in April 2014 to maintain high prices. Saudi Arabia thus sought to retain a significant share of the world market and even increase it, while simultaneously solving foreign policy problems. At the same time, the country's state budget deficit reached 15%, its gold and foreign exchange reserves are melting, mainly used to support the real to dollar exchange rate and maintain social programs. In April 2016, Saudi Arabia's gold and foreign exchange reserves fell to \$592 billion. The country is losing oil markets in the United States, China, where it has been supplanted by Russia, and India. In these circumstances, the country's government has taken a number of emergency measures, including the partial privatization of the Aramco oil company, raising fuel prices within the country, getting rid of a number of assets abroad, and turning to external borrowing. In addition, the country is taking an ambitious course to rid its economy of total dependence on oil exports by 2030. Saudi Arabia's economic problems pose a threat to its active policy in the Middle East. Egypt, Jordan, and a number of other Arab countries receive significant aid from Saudi Arabia. It is no coincidence that the Egyptian army corps protects the northern border of the Kingdom of Saudi Arabia. Riyadh will have to reduce the amount of aid, increasingly resorting to lending to its partners in the region, which cannot irritate Cairo, Amman, Khartoum, etc. The war in Yemen, which has already cost the kingdom \$5.3 billion, has led to serious expenses.

Saudi Arabia has a difficult relationship with Egyptian President Al-Sisi. Cairo is in no hurry to send its troops to Yemen, and Riyadh is greatly concerned about Egypt's growing cooperation with Russia, including in the military-technical sphere. Incidentally, Cairo buys a considerable portion of Russian weapons with Saudi money. Al-Sisi is in no hurry to unconditionally support Saudi Arabia's position on the Syrian issue. At the same time, on April 8, 2016, during the visit of the King of Saudi Arabia to Cairo, Egypt signed an agreement to sell two Egyptian islands, Tiran (80 sq. km) and Sanafir (33 sq. km) in the Red Sea to Riyadh for \$25 billion. Apparently, these territorial changes were agreed upon in advance with Israel and the United States. Despite the unpopularity of this agreement in Egypt, its authorities are in dire need of financial assistance from Saudi Arabia. At the same time, it should not be forgotten that Riyadh was generally loyal to the military coup that brought Al-Sisi to power, which undoubtedly contributed to this agreement. With this agreement, Saudi Arabia strengthened its geopolitical position not only in the Red Sea basin, but in the Middle East as a whole. The acquired islands allow the Saudis to control the Strait of Aqaba and thus significant flows of world trade carried out through the Suez Canal. Jordan is becoming even more dependent on Saudi Arabia because the islands block its access to the sea through the port of Aqaba.

Saudi Arabia is seeking to increase Egypt's dependence on Riyadh by taking advantage of its problems. Egypt was the leader of the Arab world throughout the second half of the 20th century. Riyadh is currently trying to take this place, pushing Egypt into the background. Saudi Arabia, which has significant economic potential, is one of the small states in terms of population (more than 31 million people). This weakens its military potential. Relying on the military and political potential of Egypt (more than 85 million people), Saudi Arabia will be able to dominate the Middle East. The Saudi Arabia-Egypt alliance will become a powerful counteraction in the region to Iran and Israel. At the same time, one should not agree with the opinion of a number of experts that Egypt is losing its independence of political course, becoming more dependent on Saudi Arabia. Egypt has gone through a difficult

period in its history, associated with the fall of the regime of H. Mubarak, the rise to power of the Muslim Brotherhood and the subsequent military coup. During the «turmoil», a strong blow was dealt to the country's economy, its political prestige, and Egypt is also experiencing a population boom. The country is in dire need of investment, financial assistance and loans to develop the national economy. Therefore, Cairo is trying to maintain good relations with Saudi Arabia, which has colossal financial resources. After acquiring the islands, Saudi Arabia announced the construction of a bridge across the Red Sea, which will connect it with Egypt. The implementation of this project promises significant economic benefits for both Saudi Arabia and Egypt. The bridge will increase the flow of pilgrims to holy places, expand economic ties between the states of the Arabian Peninsula and North Africa. One more important point should not be discounted. At present, China is pursuing an active policy in Ethiopia, Sudan, Kenya, Djibouti, etc. It is quite possible that in the future, China's interests may clash with those of Egypt and Saudi Arabia in Sudan and a number of other Arab states in Africa. Under these circumstances, Cairo and Riyadh will have to act together. The Red Sea Bridge may come in very handy in this regard.

In the situation with the sale of the islands, the US position is quite understandable. However, Israel's consent to sell the islands is at first glance puzzling. Israel and Saudi Arabia do not have diplomatic relations, and will not have them until an independent Palestinian state is created. Saudi Arabia finances the Palestinian national movement. At the same time, according

to Israeli journalists, there are channels for secret meetings and information exchange between the authorities of Saudi Arabia and Israel. In the conditions of instability in the Middle East, these exchanges are necessary for both states. Israeli goods through Palestine, Lebanon and Cyprus get to Saudi Arabia. And most importantly, Israel and Saudi Arabia have one common enemy - Iran. In Jerusalem, as in Riyadh, Tehran is considered the main source of instability in the region, posing a threat to the national security of Israel and Saudi Arabia. Thus, at the beginning of the 21st century, Saudi Arabia found itself in a very difficult situation. The changing balance of power in the Middle East, the complication of relations with the United States, and domestic political contradictions have required the kingdom to develop a new foreign policy strategy, centered on the confrontation with Iran. Saudi Arabia is ready to prevent the growth of Iran's hegemony in the region by any means necessary, but neither Riyadh nor Tehran will bring matters to an open armed conflict. Saudi Arabia is trying to consolidate its influence on the leading states of the Middle East using economic resources. In addition to strengthening its own positions in the region, it seeks to prevent the creation of a «Shiite belt» under the auspices of Iran. Relations with the United States will undoubtedly largely determine Saudi Arabia's policy in the Middle East. Despite the cooling of contacts between Washington and Riyadh, the United States needs Saudi Arabia to maintain its dominance in the Persian Gulf, and the Kingdom of Saud is interested in military-technical cooperation with the United States and the presence of American troops in the region.

References:

- [1]. Geopolitical Look at Saudi Arabia's Strategic Moves: Deciphering Their Playbook.// <https://www.octopusintelligence.com/geopolitical-look-at-saudi-arabias-strategic-moves-deciphering-their-playbook/>
- [2]. Ragaban, Ammro. THE GEOPOLITICAL IMPLICATIONS OF SAUDI ARABIA'S ROLE AS A SWING PRODUCER OF OIL, THE THREAT OF THE SHALE OIL REVOLUTION TO SAUDI STABILITY, AND THE MIDDLE EAST BALANCE OF POWER POST-U.S. ENERGY INDEPENDENCE. Publisher Johns Hopkins University 2016
- [3]. Saudi Arabia and Iran: Beyond Geopolitics.// <https://carnegieendowment.org/sada/2023/06/>

saudi-arabia-and-iran-beyond-geopolitics?lang=en

[4]. Saudi Arabia: A Triangle of Nonalignment.// <https://www.gmfus.org/news/new-geopolitics-alliances-rethinking-transatlantic-engagement-global-swing-states/saudi-arabia>

[5]. Saudi Arabia 2023: A New Era in Geopolitics, International Relations.// <https://english.aawsat.com/gulf/4745891-saudi-arabia-2023-new-era-geopolitics-international-relations>

МАРИНА ИЗОРИЯ

Доктор социальных наук, ассистент профессор Сухумского Государственного университета (Грузия)

БЛИЖНИЙ ВОСТОК В ГЕОПОЛИТИКЕ САУДОВСКОЙ АРАВИИ

Резюме

Благодаря своей богатой истории и ключевой глобальной роли Саудовская Аравия активно действует на международном уровне. Экономические и социальные преобразования дают королевству вести активную внешнюю политику, что позволяет занимать в регионе важную геостратегическую позицию для сохранения собственного геополитического пространства.

Полагаем, что недавнее соглашение между Саудовской Аравией и Ираном, заключенное при посредничестве Китая, повлияет на региональную политику. Однако больше внимания следует уделить пониманию факторов, которые могут позволить Саудовской Аравии и Ирану преодолеть свои политические и религиозные разногласия и сохранить восстановленные связи.

Поскольку обе страны работают над созданием экономических возможностей, общие экономические интересы могут скрепить возобновленные отношения. Наследный принц Мухаммед бин Салман пообещал начать новую эру экономических реформ, что является жизненно важным приоритетом для Королевства. Иран, с другой стороны, долгое время чувствовал себя отстающим из-за экономических санкций. Эти две динамики могут объединиться и проложить путь к будущему процветанию обеих стран.

Кроме того, присутствие взаимно доверенного партнера в качестве посредника между Саудовской Аравией и Ираном может способствовать более тесному сотрудничеству. Саудовская Аравия поддерживает прочные политические и экономические отношения с Китаем, а Пекин является крупнейшим торговым партнером Королевства. Более того, Китай поддержал Иран, несмотря на введенные США санкции, укрепил торговые отношения и поддержал Иран на международных форумах. Для самого Китая постоянное посредничество имеет решающее значение, поскольку оно укрепит имидж Пекина как мирового миротворца и создаст благоприятную среду для дальнейших китайских инвестиций.

Враждебность между Ираном и Саудовской Аравией привела к ряду конфликтов, включая войны посредников в ряде стран, таких как Йемен и Сирия. Поэтому для стабильности на Ближнем Востоке крайне важно держать посредников под контролем, поскольку эти группы способны препятствовать дипломатическому прогрессу. Другие внешние влияния, включая американские и российские интересы, также могут стать препятствием для развития отношений и долгосрочной эффективности соглашения.

В 2023 году Саудовская Аравия стала свидетелем заметного присутствия на региональной и международной аренах в политическом и дипломатическом плане. Королевство принимало у себя множество саммитов и встреч высокого уровня, предоставляя площадку для обсуждения различных глобальных кризисов и проблем. Это стало значительным вкладом в политический дискурс, отражающим приверженность Саудовской Аравии решению насущных проблем как на региональном, так и на глобальном уровнях. Рассматриваемый наблюдателями как начало новой эры в геополитическом видении Саудовской Аравии, Эр-Рияд умело преодолел несколько кризисов в регионе и во всем мире.